

СТИВЕН КИНГ

Чужак

Темная башня (АСТ)

Стивен Кинг

Чужак

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Чужак / С. Кинг — «Издательство АСТ», 2018 — (Темная башня (АСТ))

ISBN 978-5-17-110170-1

В парке маленького городка Флинт-Сити найден труп жестоко убитого одиннадцатилетнего мальчика. Все улики, показания свидетелей указывают на одного человека – Терри Мейтленда. Тренер молодежной бейсбольной команды, преподаватель английского, муж и отец двух дочерей – неужели он был способен на такое? К тому же у Терри есть неопровержимое алиби: на момент совершения преступления он был в другом городе. Но как мог один и тот же человек оказаться в двух местах одновременно? Или в городе появилось НЕЧТО, способное принимать обличье любого человека?.. Детектив полиции Флинт-Сити Ральф Андерсон и частный сыщик агентства «Найдем и сохраним» Холли Гибни намерены выяснить правду, чего бы им это ни стоило...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-110170-1

© Кинг С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Арест	6
Извинения и сожаления	55
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Стивен Кинг

Чужак

Рэнду и Джуду Холстон

*Мысль придает миру лишь видимость порядка – для тех слабых
духом, кого убеждают такие инсценировки.*

Колин Уилсон. Страна слепых¹

Серия «Миры Стивена Кинга»

Stephen King
THE OUTSIDER

Перевод с английского *Т. Покидаевой*
Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева, студия «FOLD&SPINE»*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, 2018
© Перевод. Т. Покидаева, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

¹ Название первой главы романа Колина Уилсона «Посторонний» (1956). – Примеч. ред.

Арест 14 июля

1

Машина была неприметной, без всяких опознавательных знаков: обыкновенный американский седан, не старый и не новый, – но его принадлежность сразу же выдавали покрывающие с черными боковинами и люди в салоне. Двое спереди в синей форме и один сзади – человек-гора в штатском. Двое черных мальчишек – один держал ногу на исцарапанном оранжевом скейтборде, второй засунул свою ярко-зеленую доску под мышку – стояли на тротуаре и наблюдали, как неприметный седан заворачивает на стоянку у входа в парк Эстель Барга. Потом они переглянулись, и первый сказал:

– Это копы.

Второй согласился:

– В натуре копы.

Без лишних слов оба запрыгнули на скейтборды и покатали прочь. Правило было простым: если поблизости появляются копы, пора делать ноги. Жизнь чернокожих тоже кое-что значит, так их учат родители, но полицейские не всегда с этим согласны. Трибуны бейсбольного стадиона взорвались воплями болельщиков и ритмичными аплодисментами. В конце девятого иннинга «Золотым драконам Флинт-Сити» до победы оставалась одна пробежка. Сейчас была их очередь отбивать.

Мальчишки ни разу не оглянулись.

2

Показания мистера Джонатана Ритца [10 июля, 21:30, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Детектив Андерсон: Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, мистер Ритц, но мне надо знать, что именно вы видели сегодня вечером.

Ритц: Я никогда этого не забуду. Никогда в жизни. Наверное, мне нужно успокоительное. Может быть, «Валиум». Я в жизни не принимал ничего такого, но теперь бы не отказался. У меня до сих пор ощущение, будто сердце стоит комом в горле. Если ваши криминалисты найдут блевотину на месте преступления... а они ее точно найдут... то пусть знают, что это моя. И я нисколько не стыжусь. Любого бы вывернуло наизнанку, если бы он увидел такое.

Детектив Андерсон: Я уверен, что врач обязательно выпишет вам подходящее успокоительное, когда мы закончим. Думаю, я смогу это устроить, но сейчас мне нужно, чтобы у вас была ясная голова. Вы понимаете?

Ритц: Да. Конечно.

Детектив Андерсон: Расскажите мне все, что вы видели, и на сегодня мы с вами закончим. Вы в состоянии рассказать, сэр?

Ритц: Думаю, да. Сегодня, около шести вечера, я вышел выгулять Дейва. Это наш бигль. Вечером он ест ровно в пять. Мы с женой садимся ужинать в половине шестого. К шести Дейв готов делать свои дела. В смысле, по-маленькому и по-большому. Я гуляю с собакой, а Сэнди, моя жена, моет посуду. Это и есть справедливое разделение труда. Справедливое разделение

труда – важная составляющая крепкого брака, особенно когда дети выросли и разъехались. Это наше глубокое убеждение. Кажется, я заговариваюсь?

Детектив Андерсон: Ничего страшного, мистер Ритц. Рассказывайте, как считаете нужным.

Ритц: Пожалуйста, называйте меня просто Джон. Не люблю, когда ко мне обращаются «мистер Ритц». Как будто я крекер. Так меня в школе дразнили: Крекер Ритц.

Детектив Андерсон: Хорошо. Стало быть, вы гуляли с собакой...

Ритц: Все верно. Он что-то почуял... запах смерти, как теперь понимаю... и мне пришлось держать поводок двумя руками, хотя Дейв – мелкий песик. Он так рвался туда, на тот запах... Он...

Детектив Андерсон: Погодите, давайте вернемся немного назад. Вы вышли из дома номер двести сорок девять по Малберри-авеню ровно в шесть часов вечера...

Ритц: Может, даже чуть раньше. Мы с Дейвом спустились с холма, дошли до «Джералда» на углу, где продают всякие деликатесы, свернули на Барнум-стрит и оттуда пошли в Хенли-парк. Который дети между собой называют Хрен-ли-парк. Думают, взрослые не знают. Думают, мы ничего не слышим. Но мы все слышим. Во всяком случае, некоторые из нас.

Детектив Андерсон: Вы всегда ходите этой дорогой на вечерней прогулке с собакой?

Ритц: Иногда мы немного меняем маршрут, чтобы не надоедало, но в парк заходим почти всегда. Дейв любит все нюхать, а там много разных запахов. Рядом есть небольшая стоянка, но по вечерам там почти никогда не бывает машин, если только детишки-старшекласники не приезжают играть в теннис. Сегодня они не играли, потому что корты грунтовые, а днем был дождь. На парковке стоял только микроавтобус. Белый микроавтобус.

Детектив Андерсон: Фургон?

Ритц: Точно. Без окон, только сзади двойная дверца. На таких микроавтобусах мелкие компании обычно развозят товары. Кажется, это был «эконолайн», но я не ручаюсь.

Детектив Андерсон: На нем были какие-то надписи? Типа рекламы: «Кондиционеры от Сэма», «Пластиковые окна от Боба»?

Ритц: Никаких надписей не было. Просто белый микроавтобус, хотя очень грязный. Сразу видно: давно не мыли. Колеса тоже были в грязи. Наверное, из-за дождя. Дейв обнюхал колеса, и мы пошли в парк по гравийной дорожке, что ведет от стоянки. Где-то через четверть мили Дейв начал лаять и рванул в кусты справа. Тогда-то он и почуял тот запах. Чуть не вырвал у меня из рук поводок. Я пытался его оттащить, но он не слушался, только рыл лапами землю и лаял. Тогда я укоротил поводок – у меня рулетка, очень удобная штука – и шагнул следом за ним. Теперь он подрост и уже не гоняет белок и бурундуков, как раньше, когда был щенком, но я подумал, что, может быть, он учуял енота. Я как раз собирался вернуть его на дорожку... Пес должен знать, кто здесь хозяин, иначе вконец обнаглеет, и потом с ним не справишься... И вот тут я заметил первые капли крови. На листе березы, на уровне моей груди, то есть футах в пяти от земли. Чуть дальше снова была капля крови, опять на листе, а еще дальше, уже на кусте, – целое разбрызганное пятно. Кровь была еще свежей, красной и влажной. Дейв обнюхал ее и рванул дальше. И да, пока не забыл! Примерно тогда я услышал, как где-то сзади завелся двигатель. Может, я бы и не обратил внимания, но он так громко затарахтел, как будто глушителя вообще не было. Такой, знаете, грохочущий рев.

Детектив Андерсон: Да, я понял.

Ритц: Я не стану с уверенностью утверждать, что это был тот белый микроавтобус, и я возвращался другой дорогой, так что не знаю, уехал он или нет, но мне кажется, это был он. И знаете, что это значит?

Детектив Андерсон: Что же, Джон?

Ритц: Что, может быть, он за мной наблюдал. Убийца. Прятался где-то среди деревьев и наблюдал. У меня прямо мороз по коже, стоит только об этом подумать. В смысле, сейчас. А

тогда я еще ничего не знал. Я думал только о крови. И о том, как бы Дейв мне не вырвал плечо из сустава. Мне было страшно, и я не стыжусь в этом признаться. Я уж точно не здоровяк, хотя стараюсь держать себя в форме, но мне уже хорошо за шестьдесят. Да я и в двадцать-то в драки не лез. Но я должен был пойти проверить. А вдруг там кто-то нуждался в помощи?

Детектив Андерсон: Это заслуживает уважения. А вы не помните, в котором часу вы заметили первые капли крови?

Ритц: Я не смотрел на часы, но, наверное, было минут двадцать седьмого. Может быть, двадцать пять. Я позволил Дейву вести меня. Но держал его на коротком поводке. У него-то лапы маленькие, он пройдет где угодно, а мне приходилось продирааться сквозь заросли. Знаете, как говорят о биглях? Происхождение у них высокое, а хождение низенькое. Он лаял как сумасшедший. Мы вышли на поляну, вроде как на поляну... не знаю, как оно правильно называется. Такой укромный уголок, куда влюбленные парочки ходят потискаться. Там посередине стояла гранитная скамейка, и она была вся в крови. И на земле под скамейкой все было залито кровью. А рядом лежало тело. Тот бедный мальчик. Его голова была повернута в мою сторону, глаза были открыты, а горло... его просто не было. Вместо горла – красная дыра. Его джинсы с трусами были стянуты до лодыжек, и я увидел... наверное, старую сухую ветку... она торчала прямо из его... из его... ну, вы сами знаете.

Детектив Андерсон: Я знаю, но мне нужно, чтобы вы это сказали для занесения в протокол, мистер Ритц.

Ритц: Он лежал на животе, и ветка торчала из его заднего прохода. Тоже вся в крови. В смысле, ветка. Часть коры была сорвана, и я разглядел отпечаток руки. Видел ясно как день. Дейв больше не лаял, он скулил, бедный песик. У меня в голове не укладывается, кем надо быть, чтобы сотворить такое. Это, наверное, какой-то маньяк. Вы же поймаете его, детектив Андерсон?

Детектив Андерсон: Да, конечно. Мы обязательно его поймает.

3

Стоянка у парка Эстель Барга была почти такой же огромной, как парковка у супермаркета «Крогер», куда Ральф Андерсон с женой ездили за продуктами по субботам, и в этот июльский вечер она была заполнена целиком. На многих бамперах красовались наклейки с эмблемой «Золотых драконов», на задних стеклах некоторых машин виднелись надписи мылом: «МЫ ВАС ПОРВЕМ»; «ДРАКОНЫ СОЖРУТ МЕДВЕДЕЙ»; «КЭП-СИТИ, МЫ ИДЕМ»; «В ЭТОМ ГОДУ – НАША ОЧЕРЕДЬ». Со стадиона, где уже включились прожекторы (хотя до темноты было еще далеко), доносились крики и аплодисменты болельщиков.

За рулем неприметной машины без опознавательных знаков сидел Трой Рэмидж, ветеран, отслуживший в полиции двадцать лет. Кружа по стоянке в поисках свободного места, он сказал: – Каждый раз, когда я сюда приезжаю, задумываюсь: кто такая Эстель Барга?

Ральф не ответил. Он был напряжен, мышцы сводило, кожа горела, сердцебиение зашкаливало. За годы службы в полиции он присутствовал при аресте многих мерзавцев, но тут все было иначе. Особенно жутко. И касалось его напрямую. Вот в чем самый ужас: это касалось его напрямую. Он не должен был производить этот арест – и сам это знал, – но после очередного сокращения бюджета в управлении полиции Флинт-Сити осталось всего три штатных детектива. Джек Хоскинс сейчас в отпуске, рыбачит в какой-то глуши, где ему самое место. Бетси Риггинс, которой давно пора бы уйти в декрет, сопровождает полицию штата к другому объекту в рамках сегодняшней операции.

Ральф очень надеялся, что они не слишком поторопились. Он высказал свои опасения Биллу Сэмюэлсу, прокурору округа Флинт, буквально сегодня, на совещании перед выездом на арест. Сэмюэлс был слишком молод для такой должности – тридцать пять лет, – но при-

надлежал к правильной политической партии и отличался изрядной уверенностью в себе. Не самоуверенностью, а энтузиазмом.

– Все-таки остаются некоторые шероховатости, которые хотелось бы сгладить, – сказал Ральф на том совещании. – Мы еще не собрали всех данных. К тому же он скажет, что у него есть алиби. Если он не сознается сразу, то наверняка скажет про алиби.

– Если он скажет про алиби, – ответил ему Сэмюэлс, – мы разнесем его алиби в пух и прах. Ты сам знаешь, что так и будет.

Ральф в этом не сомневался, он знал, что убийце не отвертеться, и все же ему хотелось бы провести более детальное расследование, прежде чем дать делу ход. Найти дыры в алиби этого сукина сына, расширить их так, чтобы в каждую можно было проехать на фуре, и вот *тогда* уже производить задержание. В большинстве случаев это была бы стандартная процедура. Но сейчас был особенный случай.

– Три пункта, – сказал Сэмюэлс. – Ты готов меня выслушать?

Ральф кивнул. Как-никак, им еще вместе работать.

– Во-первых, родители в этом городе, особенно родители маленьких детей, сейчас разъярены и напуганы. Им нужно, чтобы убийцу арестовали как можно быстрее, и тогда они снова почувствуют себя в безопасности. Во-вторых, у нас на руках неопровержимые улики. Железобетонные доказательства его вины. Ты согласен по первым двум пунктам?

– Да.

– Отлично, тогда переходим к третьему. Самому главному. – Сэмюэлс подался вперед. – Мы не знаем, делал ли он что-то подобное раньше – хотя, если делал, узнаем, когда начнем копать всерьез, – но мы точно знаем, что он сделал сейчас. Дал волю своим изуверским инстинктам. И стоит такому случиться однажды...

– Это может повториться, – закончил за него Ральф.

– Вот именно. Может быть, и не так скоро после Питерсона, но вполне вероятно. Господи, он же все время с мальчишками. С малолетками. И если он убил кого-то из них, надо действовать быстро. Даже если мы можем лишиться работы. Потому что иначе мы никогда себе этого не простим.

Ральфу уже было трудно простить себе, что он ничего не заметил раньше. Хотя он понимал, что это абсурд. Нельзя посмотреть человеку в глаза на большом пикнике в честь окончания сезона Малой бейсбольной лиги и понять, что он замышляет немыслимое преступление – холит его и лелеет, бережно взращивает у себя в голове. Но от этого было не легче.

Теперь, наклонившись вперед, Ральф сказал Рэмиджу:

– Давай уже где-нибудь встанем. Проверь места для инвалидов.

– Штраф двести долларов, шеф, – заметил сидевший спереди офицер Том Йейтс.

– Думаю, в этот раз нам простят.

– Я пошутил.

Ральф промолчал, он был не в настроении для полицейских острот.

– Вижу свободное место для инвалидов, – объявил Рэмидж. – Даже два места.

Он припарковался, и все трое вышли из машины. Ральф увидел, как Йейтс расстегивает кобуру на поясе, и покачал головой:

– Ты с ума сошел? Там на трибунах полторы тысячи зрителей.

– А если он попытается сбежать?

– Тебе придется его ловить.

Прислонившись к капоту седана, Ральф наблюдал, как два офицера полиции Флинт-Сити направляются в сторону стадиона, прожекторов и переполненных до отказа трибун, рев которых не умолкал, а, наоборот, становился все громче и громче. Решение арестовать убийцу Питерсона как можно быстрее они приняли вместе с Сэмюэлсом (скрепя сердце). Решение арестовать его прямо на матче Ральф принял сам.

Рэмидж оглянулся.

– Ты идешь?

– Нет. Арестуйте его, зачитайте ему права четко и громко и приведите сюда. Том, когда поедем в участок, ты сядешь с ним на заднем сиденье. Я сяду спереди с Троем. Билл Сэмюэлс ждет моего звонка, он нас встретит в участке. Дальше мы им займемся, но арест производите вы.

– Но ведь ты ведешь дело, – сказал Йейтс. – Почему ты не хочешь присутствовать при задержании?

Ральф скрестил руки на груди.

– Потому что подонок, который изнасиловал Фрэнки Питерсона веткой и разорвал ему горло, четыре года тренировал моего сына. Два – в Детской лиге и два – в Малой лиге. Он прикасался к моему сыну, когда показывал, как держать биты, и я за себя не ручаюсь.

– Ясно, – сказал Трой Рэмидж, и они с Йейтсом пошли к стадиону.

– Да, и еще одно, – окликнул их Ральф.

Они обернулись к нему.

– Наденьте на него наручники сразу. Руки спереди.

– Это не по протоколу, шеф, – сказал Рэмидж.

– Я знаю, но мне наплевать. Я хочу, чтобы все видели, как его уводят в наручниках. Ясно? Когда они ушли, Ральф снял с пояса свой мобильный и набрал Бетси Риггинс.

– Ты на месте?

– Так точно. Сажу в машине перед его домом. Со мной еще четверо ребят из полиции штата.

– Ордер на обыск?

– Зажат в моей потной ладошке.

– Хорошо. – Он уже собирался дать отбой, но тут ему в голову пришла одна мысль. – Бет, а когда тебе надо в роддом?

– Еще вчера. Так что, ребята, давайте быстрее, – сказала она и сама дала отбой.

4

Показания миссис Арлин Стэнхоуп [12 июля, 13:00, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Стэнхоуп: Это надолго, детектив?

Детектив Андерсон: Совсем ненадолго. Расскажите мне все, что вы видели днем во вторник, десятого июля, и мы быстро закончим.

Стэнхоуп: Хорошо. Я вышла из «Джералда», где всегда покупаю продукты по вторникам. В «Джералде» все дороже, но я больше не езжу в «Крогер». Я вообще перестала садиться за руль после смерти мужа, потому что не доверяю своим реакциям. Я пару раз попадала в аварии, пусть и мелкие, но мне хватило. До «Джералда» от дома, где теперь у меня квартира... наш с мужем дом я продала и поселилась в квартире... так вот, до «Джералда» всего два квартала, и врач говорит, что мне надо больше ходить пешком. Это полезно для сердца. Значит, я вышла из магазина со своей маленькой тележкой, в которой лежало всего три пакета с покупками, большего я позволить себе не могу, цены сейчас просто жуткие, особенно цены на мясо. Уже и не помню, когда я в последний раз ела бекон... Вышла я и увидела парнишку Питерсона.

Детектив Андерсон: Вы уверены, что это был именно Фрэнк Питерсон?

Стэнхоуп: О, да. Это был Фрэнк. Бедный мальчик, мне так его жаль, но он теперь на небесах и больше не чувствует боли. Хоть какое-то, да утешение. У Питерсонов двое сыновей, и оба рыжие, как морковки, но старший – Оливер, вот как его зовут, – лет на пять старше

младшего, если не больше. Раньше он разносил газеты у нас в квартале. У Фрэнка был велосипед с таким высоким рулем и узким седлом...

Детектив Андерсон: Такой тип седла называют бананом.

Стэнхоуп: Не знаю, как его там называют, но велосипед у него ярко-зеленый, как лайм. Ужасный цвет на самом деле. И на седле была наклейка. «Средняя школа Флинт-Сити». Но он-то, бедняжка, уже никогда не пойдет в старшие классы. Бедный мальчик, такое горе...

Детектив Андерсон: Миссис Стэнхоуп, хотите, мы сделаем небольшой перерыв?

Стэнхоуп: Нет, я хочу поскорее закончить. Мне нужно вернуться домой и покормить кошку. Я кормлю ее ровно в три, и она будет голодная. И будет гадать, где я. Но можно у вас попросить бумажную салфетку? Я сейчас явно не в лучшей форме. Спасибо.

Детектив Андерсон: Вы разглядели наклейку на седле велосипеда Фрэнка Питерсона, потому что...

Стэнхоуп: Потому что он на нем не ехал. Он катил его через стоянку у «Джералда», а сам шел рядом. У него цепь порвалась, я видела, как она волочилась по мостовой.

Детектив Андерсон: Вы обратили внимание, как был одет Фрэнк Питерсон?

Стэнхоуп: Он был в футболке с какой-то рок-группой. Я в них не разбираюсь, поэтому не скажу, с какой именно. Если это важно, прошу прощения. И он был в бейсболке «Рейнджеров». Сдвинул ее на макушку, так что были видны его рыжие вихры. Этот ужасный морковный цвет. Такие рыжие парни, они рано лысеют. Но ему, бедному, это уже не грозит. Как печально... Так вот, там на дальнем конце стоянки стоял белый микроавтобус. Из него вышел мужчина и направился к Фрэнку. Он был...

Детектив Андерсон: До него мы еще дойдем, но сначала хотелось бы уточнить насчет микроавтобуса. Это был фургон без окон?

Стэнхоуп: Да.

Детектив Андерсон: На нем были какие-то надписи? Может быть, название компании? Или реклама?

Стэнхоуп: Я не видела никаких надписей.

Детектив Андерсон: Хорошо, теперь давайте поговорим о мужчине, который вышел из микроавтобуса. Вы узнали его, миссис Стэнхоуп?

Стэнхоуп: Конечно, узнала. Это был Терри Мейтленд. В Вест-Сайде все знают тренера Ти. Так его называют даже старшекласники. Он преподает у них английский. Мой муж тоже преподавал, пока не вышел на пенсию. Его называют тренером Ти, потому что он тренирует ребят в Малой бейсбольной лиге и в молодежной городской команде и ведет футбольную секцию в школе. У них тоже есть своя лига, но я не помню названия.

Детектив Андерсон: Давайте вернемся к тому, что вы видели днем во вторник...

Стэнхоуп: Да я уже почти все рассказала. Фрэнк поговорил с тренером Ти, показал на порванную цепь. Тренер Ти кивнул, открыл задние дверцы микроавтобуса, хотя это явно был не его микроавтобус...

Детектив Андерсон: Почему вы так думаете, миссис Стэнхоуп?

Стэнхоуп: Потому что на нем были оранжевые номера. Не знаю, какого именно штата, зрение с годами все хуже и хуже, но я знаю, что в Оклахоме номера сине-белые. И что там было внутри, я не видела, разглядела только какую-то длинную зеленую штуку вроде ящика для инструментов. Это был ящик для инструментов, да, детектив?

Детектив Андерсон: И что было дальше?

Стэнхоуп: Тренер Ти положил велосипед в микроавтобус и закрыл дверцы. Потом похлопал Фрэнка по плечу и сел за руль. Фрэнк обошел микроавтобус и сел на пассажирское сиденье. И они оба уехали по Малберри-авеню. Я подумала, что тренер Ти отвезет парнишку домой. А что еще я должна была подумать? Терри Мейтленд живет в Вест-Сайде без малого двадцать

лет, у него замечательная семья, жена и две дочки... Пожалуйста, можно мне еще салфетку? Спасибо. Мы уже почти закончили, да?

Детектив Андерсон: Да, миссис Стэнхоуп, и вы очень нам помогли. Если не ошибаюсь, до того, как я включил запись, вы говорили, что это было около трех часов дня?

Стэнхоуп: Ровно в три. Когда я вышла из магазина, часы на здании мэрии пробили три. Я торопилась домой, кормить кошку.

Детектив Андерсон: И мальчик, которого вы видели на стоянке, мальчик с рыжими волосами, это был Фрэнк Питерсон?

Стэнхоуп: Да. Питерсоны живут совсем рядом со мной. Олли, их старший, приносил нам газеты. Я постоянно их вижу на улице, обоих братьев.

Детектив Андерсон: И мужчина, который положил велосипед в белый микроавтобус и увез Фрэнка Питерсона, был Терри Мейтленд, также известный как тренер Терри или тренер Ти?

Стэнхоуп: Да.

Детектив Андерсон: Вы абсолютно уверены?

Стэнхоуп: Да.

Детектив Андерсон: Спасибо, миссис Стэнхоуп.

Стэнхоуп: Кто бы поверил, что Терри на такое способен! Вы полагаете, были и другие жертвы?

Детектив Андерсон: Возможно, мы это выясним в ходе расследования.

5

Поскольку все матчи Городской молодежной лиги проходили на стадионе Эстель Барга – лучшем бейсбольном стадионе округа и единственном оборудованном прожекторами для вечерних матчей, – судьи определяли, кому достанется преимущество домашней команды, подбрасывая монетку. Терри Мейтленд загадал решку, как делал всегда – суеверие он перенял от собственного тренера, еще когда сам играл в молодежной лиге, – и она выпала. «Мне не важно, как мы начнем игру, мне важно, как мы ее закончим», – всегда говорил он своим мальчишкам.

И сегодня все действительно решалось в самом конце матча. Завершался девятый иннинг, и «Медведи» вели в полуфинале на одну пробежку. «Золотые драконы» уже израсходовали все свои ауты, зато у них были полные базы. Один уок, одна сильная подача, ошибка или отбой в инфилд сравняют счет; отбой в аллею принесет им победу. Под рев трибун, крики и топот на базу отбивающего вышел малыш Тревор Майклз. Ему выдали самый маленький шлем из всех, что нашлись на складе, но он все равно сползал Тревору на глаза, и его приходилось постоянно поправлять. Парнишка нервно покачивал битой.

Терри подумывал перевести его в заменяющие хиттеры, но при своих пяти футах дюйма роста Тревор частенько заставлял судью объявлять уок. Да, он не отбивал хоум-раны, но иногда все-таки попадал битой по мячу. Не часто, но попадал. Поставишь его в замену, и мальчишке жить с этим позором весь следующий учебный год. Зато удачный отбой – если сейчас он случится – парень будет потом вспоминать за пивом и барбекю всю оставшуюся жизнь. Терри знал по себе. Он сам был на месте Тревора, давным-давно, на заре времен, еще до того, как в бейсбол стали играть алюминиевыми битами.

Питчер «Медведей» – их клоузер, настоящий стрелок – развернулся и отправил первый мяч прямо в центр базы. Тревор уныло посмотрел ему вслед. Судья объявил первый страйк. Трибуны застонали.

Гэвин Фрик, второй тренер «Драконов», помощник Терри, нервно расхаживал взад-вперед вдоль скамейки запасных, сжимая в руке свернутый в рулон судейский протокол (сколько

раз Терри просил его так не делать?), футболка «Золотых драконов» размера XXL туго обтягивала живот размером не меньше XXXL.

– Надеюсь, Тер, ты не ошибся, что выпустил Тревора отбивать, – сказал Гэвин. Пот ручьями стекал у него по щекам. – Он же напуган до полусмерти. Сдается мне, он не сможет отбить мячик этого парня даже теннисной ракеткой.

– Давай подождем и посмотрим, – сказал Терри. – Я чувствую, что у него все получится. На самом деле он ничего такого не чувствовал.

Питчер «Медведей» распрямился и запустил вторую подачу, но в этот раз мяч взрыл землю перед основной базой. «Дракон» Байбир Пател уже было рванул с третьей базы, болельщики вскочили на ноги, но тут же уселись обратно, когда он тормознул, увидев, что мяч отскочил прямо в ловушку кетчера. Кетчер «Медведей» повернулся к третьей базе, и Терри разглядел выражение его лица даже под маской: *Только попробуй, щенок*. Байбир благоразумно не стал нарываться.

Следующая подача ушла в сторону, но Тревор на всякий случай махнул битой.

– Кончай его, Фриц! – проорала какая-то луженая глотка, не иначе как отец подающего, судя по тому, как резко тот обернулся к трибунам. – Отправь его в *ау-у-у-ит*!

Тревор пропустил и следующую подачу – она была слишком близкой, – но тут судья объявил бол. Теперь уже застонали болельщики «Медведей». Кто-то из них советовал судье купить очки, другой предложил завести собаку-поводыря.

Два на два – у Терри было сильное подозрение, что судьба очередного сезона «Драконов» зависит от исхода следующей подачи. Либо они играют против «Пантер» в финале городского чемпионата и выходят в чемпионат штата – который уже показывают по телевизору, – либо отправляются по домам и встречаются следующий раз только на заднем дворе у Мейтлендов, на традиционном барбекю в честь завершения сезона.

Он посмотрел на Марси и девчонок, сидевших на обычном месте, на пластмассовых стульях у сетчатого забора за домашней базой. Жена – посередине, дочери – с обеих сторон от нее, как две симпатичные подпорки для книг. Все трое помахали ему руками со скрещенными пальцами. Терри подмигнул им, улыбнулся и поднял вверх два больших пальца, хотя на душе у него было скверно. Плохое предчувствие. И не только по поводу матча. Было что-то еще. Какая-то смутная тревога.

Марси улыбнулась ему в ответ, а потом озадаченно нахмурилась. Она посмотрела налево и указала в ту сторону большим пальцем. Терри повернул голову и увидел двух полицейских, шагавших в ногу вдоль линии третьей базы, мимо тренера «Медведей» Барри Халигэна.

– *Тайм-аут!* – крикнул судья на домашней базе, когда питчер «Медведей» уже начал замах. Тревор Майклз опустил биту и отступил на пару шагов – с облегчением, как показалось Терри. При виде полицейских зрители на трибунах притихли. Один из копов убрал руку за спину. Второй положил ладонь на рукоять пистолета в кобуре.

– *Ушли с поля!* – кричал судья. – *Ушли с поля!*

Трой Рэмидж и Том Йейтс не обращали на него внимания. Они приблизились к скамейке запасных «Золотых драконов» и направились прямоком к тому месту, где стоял Терри. Рэмидж снял с ремня пару наручников. Зрители увидели наручники, и по трибунам пробежал вздох, на две трети растерянный, на треть возбужденный: *О-о-о-о-о-о*.

– Эй, ребята! – сказал подбежавший Гэвин, который чуть не упал, споткнувшись о брошенную на землю перчатку Ричи Гэлланта, защитника первой базы. – У нас тут матч!

Йейтс отодвинул его в сторону, качая головой. Трибуны умолкли. Стадион погрузился в мертвую тишину. «Медведи», еще секунду назад полные напряженного ожидания, теперь просто стояли, опустив руки. Кетчер подошел к своему питчеру, и оба растерянно застыли где-то посередине между питчерской горкой и домашней базой.

Терри немного знал полицейского с наручниками; тот иногда приходил вместе с братом на стадион смотреть осенние матчи молодежной футбольной лиги.

– Трой? Что случилось? В чем дело?

На лице Терри Рэмидж увидел лишь искреннее изумление, но он не первый год служил в полиции и знал, что у настоящих подонков этот взгляд – *Кто, я?!* – отработан до автоматизма. А в том, что сейчас перед ним настоящий подонок, можно было не сомневаться. Памятуя инструкции Андерсона (и нисколько против них не возражая), он возвысил голос, чтобы его было слышно на всех трибунах, где в тот день собралось, как завтра напишут в газетах, тысяча пятьсот восемьдесят восемь человек.

– Теренс Мейтленд, вы арестованы по обвинению в убийстве Фрэнка Питерсона.

Еще одно *о-о-о-о-о* прокатилось по стадиону. На этот раз – громче, как шум нарастающего ветра.

Терри нахмурился, глядя на Рэмиджа. Он понял слова – простые английские слова, составлявшие простое повествовательное предложение, – он знал, кто такой Фрэнк Питерсон и что с ним случилось, но *смысл* этих слов от него ускользал. Он не знал, что на это ответить, кроме как:

– Что?! Ты серьезно?

Именно в эту секунду спортивный фотограф «Голоса Флинт-Сити» сделал снимок, который на следующий день появится на первой полосе. На этом снимке Терри получился с открытым ртом, выпученными глазами и волосами, торчащими во все стороны из-под бейсболки с эмблемой «Золотых драконов». На этом снимке Терри Мейтленд выглядел сломленным и виноватым.

– *Что* ты сказал?

– Руки вперед.

Терри посмотрел на Марси и дочерей, которые замерли на своих стульях, с изумлением глядя на происходящее. Пока с изумлением, ужас придет позже. Байбир Пател вышел с третьей базы и направился к скамье запасных, снимая шлем на ходу. Терри увидел, что у парня текут слезы.

– Вернись на место! – крикнул ему Гэвин. – Матч еще не закончен!

Но Байбир застыл в зоне фолла, глядя на Терри и заливаясь слезами. Терри смотрел на него и не верил, что все это происходит на самом деле. *Наверняка* это сон, дурной сон. А потом Том Йейтс схватил его руки и с такой силой дернул вперед, что Терри едва устоял на ногах. Рэмидж защелкнул наручники у него на запястьях. Не пластиковые, а настоящие, стальные, блестящие в свете вечернего солнца. По-прежнему громко, чтобы слышали все, Рэмидж объявил:

– Вы имеете право хранить молчание и не отвечать на вопросы, но если вы будете говорить, все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право на присутствие адвоката на допросах. Вы понимаете свои права?

– Трой? – Терри едва слышал собственный голос. Словно из легких вышел весь воздух. – Что происходит?!

Рэмидж его проигнорировал.

– Вы понимаете свои права?

Марси уже стояла у сетчатого забора и трясла его, просунув пальцы сквозь ячейки. У нее за спиной плакали Сара и Грейс. Грейс опустилась на колени рядом со стулом Сары. Ее собственный стул лежал на земле.

– Что вы делаете? – крикнула Марси. – Господи, что же вы делаете?! И почему *здесь*?!

– Вы понимаете свои права?

Терри понимал только то, что на него надели наручники и теперь уведомляют его о правах на глазах у почти тысячи шестисот человек, среди которых – его жена и две маленькие

дочки. Это был не сон. И не просто арест. По каким-то неясным ему причинам это было публичное унижение. Нужно как можно скорее все это закончить и во всем разобраться. Хотя даже теперь, в потрясении и растерянности, Терри осознавал, что его жизнь вернется в нормальное русло еще очень и очень не скоро.

– Я понимаю, – сказал он и добавил: – Тренер Фрик, не надо.

Гэвин, который уже надвигался на полицейских, сжимая кулаки и багровея лицом, опустил руки и шагнул назад. Он посмотрел на Марси за сетчатым забором, пожал плечами и беспомощно развел ладони.

Все так же громко, словно городской глашатай, сообщающий недельные новости жителям городка Новой Англии, Трой Рэмидж продолжил зачитывать Терри его права. Ральф Андерсон слышал его со стоянки у входа в парк. Трой отлично справлялся. Все это было очень неприятно, и Ральфу, возможно, еще вкатят выговор за этот публичный спектакль, но родители Фрэнка Питерсона его не осудят. Да, они не осудят.

– Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством. Вы понимаете свои права?

– Да, – ответил Терри. – И я понимаю кое-что еще. – Он повернулся к толпе. – *Я не знаю, почему меня арестовали! Гэвин Фрик остается за главного тренера до окончания матча!* – крикнул он и добавил: – Байбир, возвращайся на третью базу и помни про зону фолла.

Раздались жидкие аплодисменты, но именно жидкие. Луженая глотка на верхней части трибун вновь проорала:

– *Что, говорите, он сделал?*

Толпа ответила на вопрос, взорвавшись двумя словами, которые вскоре разнесутся по всему Вест-Сайду и по всему городу: Фрэнк Питерсон.

Йейтс схватил Терри под локоть и повел к выходу со стадиона.

– Проповедовать массам будешь позже, Мейтленд. А сейчас ты отправишься в тюрьму. И знаешь, что я тебе скажу? У нас в штате разрешена смертная казнь, и ее применяют на практике. Хотя ты учитель, ты должен знать.

Они не прошли и двадцати шагов, как подлетевшая к ним Марси Мейтленд схватила Тома Йейтса за руку:

– Господи, что вы творите?!

Йейтс стряхнул ее ладонь, а когда она попыталась схватиться за мужа, Трой Рэмидж отстранил ее, вежливо, но непреклонно. Марси растерянно застыла на месте, а потом увидела Ральфа Андерсона, идущего навстречу своим офицерам. Она знала Ральфа по Малой лиге: Дерек Андерсон играл в команде Терри «Бакалейные львы Джералда». Разумеется, Ральф посещал не все матчи, но когда мог, обязательно приходил. Тогда он еще носил форму. Когда его повысили до детектива, Терри отправил ему электронное письмо с поздравлениями. Теперь Марси бросилась к Ральфу, едва касаясь земли подошвами стареньких теннисных туфель, которые она всегда надевала на матчи Терри, утверждая, что они приносят удачу.

– Ральф! – крикнула она на бегу. – Что происходит? Это ошибка!

– Боюсь, что нет, – сказал Ральф.

Эта часть дела ему не нравилась, потому что ему нравилась Марси. С другой стороны, ему всегда нравился Терри: возможно, Терри Мейтленд изменил жизнь Дерек, придав парнишке чуть больше уверенности в себе, а в одиннадцать лет даже немножко уверенности в себе – это уже очень много. И было еще кое-что. Марси наверняка знала, кем был ее муж, пусть лишь на подсознательном уровне. Мейтленды были женаты давно, а зверства вроде убийства Фрэнка Питерсона не возникают на пустом месте. Такие замыслы формируются постепенно.

– Марси, езжай домой. Прямо сейчас. Лучше оставь дочерей у кого-нибудь из подруг, дома тебя ждет полиция.

Она непонимающе уставилась на него.

Сзади донесся звон алюминиевой биты, попавшей по мячу, но мало кто это заметил. Зрители еще не опомнились от потрясения. Игра интересовала их гораздо меньше, чем странное представление, которому они только что стали свидетелями. А жаль: Тревор Майклз отбил мяч сильнее, чем когда бы то ни было в жизни, даже сильнее, чем на тренировках, когда Терри бросал ему «детские» подачи. К несчастью, мяч полетел прямо к шорт-стопу «Медведей», и тому не пришлось даже подпрыгивать, чтобы его поймать.

Игра закончилась.

6

Показания Джун Моррис [12 июля, 17:45, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон, в присутствии миссис Франсин Моррис]

Детектив Андерсон: Спасибо, что привели дочь в участок, миссис Моррис. Джун, тебе нравится газировка?

Джун Моррис: Да, спасибо. Вкусная. Я сделала что-то не то?

Детектив Андерсон: Конечно, нет. Я просто хотел кое-что у тебя спросить. О том, что ты видела позавчера.

Джун Моррис: Когда я видела тренера Терри?

Детектив Андерсон: Все верно. Когда ты видела тренера Терри.

Франсин Моррис: Ей уже девять, и мы разрешаем ей ходить к Хелен самой. Хелен – это ее подружка, она живет рядом с нами, на той же улице. Разумеется, она ходит одна, только когда светло. Мы с мужем считаем, что ребенка надо приучать к самостоятельности. Но теперь-то мы никуда не отпустим ее одну. Даже не сомневайтесь.

Детектив Андерсон: Ты его видела вечером, после ужина. Правильно, Джун?

Джун Моррис: Да. На ужин был мясной рулет. А вчера была рыба. Я не люблю рыбу, но ничего не подделаешь.

Франсин Моррис: Ей даже не надо переходить дорогу. Мы думали, что можно отпускать ее одну. У нас очень тихий, приятный район. То есть мне так казалось.

Детектив Андерсон: Да, трудно понять, когда приходит пора давать им больше самостоятельности. Итак, Джун... Ты шла к подружке и проходила мимо стоянки у Хенли-парка, правильно?

Джун Моррис: Да. Хелен со мной...

Франсин Моррис: Мы с Хелен...

Джун Моррис: Мы с Хелен собирались закончить карту Южной Америки. Для конкурса в дневном лагере. Мы раскрашивали разные страны разными цветами, и у нас было почти все готово, но мы забыли про Парагвай, и пришлось начинать все заново. Ничего не подделаешь – надо. Потом мы собирались поиграть в «Энгри бердз» и «Корги хоп» на айпаде Хелен, а потом за мной должен был прийти папа. Потому что тогда уже будет темно.

Детектив Андерсон: В котором часу это было, мэм?

Франсин Моррис: Когда Джун уходила, на местном канале шли новости. Норман смотрел телевизор, я мыла посуду. Значит, между шестью и половиной седьмого. Может быть, в четверть седьмого. Кажется, передавали прогноз погоды.

Детектив Андерсон: Расскажи, что ты видела, Джун, когда проходила мимо стоянки.

Джун Моррис: Тренера Терри, я же сказала. Он живет на нашей улице, в дальнем конце, и однажды, когда у нас потерялась собака, тренер Ти ее нашел. Иногда мы играем с Грейси Мейтленд, но совсем мало. Она на год старше, и ей нравятся мальчишки. Он был весь в крови. Из носа шла кровь.

Детектив Андерсон: Ясно. А что он делал, когда ты его увидела?

Джун Моррис: Он вышел из парка. Увидел, что я на него смотрю, и помахал мне рукой. Я тоже ему помахала и спросила: «Тренер Терри, что с вами случилось?» И он сказал, что ударился носом о ветку. Он сказал: «Не бойся. У меня постоянно идет кровь из носа». А я сказала: «Я не боюсь, но вам придется выбросить эту рубашку, потому что кровь не отстирывается. Так говорит мама». Он улыбнулся и сказал: «Хорошо, что у меня много рубашек». Но кровь была и на брюках. И у него на руках.

Франсин Моррис: Она была так близко к нему. Не могу выкинуть это из головы.

Джун Моррис: Почему? Потому что у него из носа шла кровь? У Рольфа Джейкобса тоже шла кровь из носа, когда он в прошлом году упал с качелей, и я ничуть не испугалась. Хотела дать ему свой носовой платок, но миссис Гриша отвела его в медпункт.

Детектив Андерсон: Ты стояла близко к нему?

Джун Моррис: Я не знаю. Он был на стоянке, я – на тротуаре. Это близко?

Детектив Андерсон: Я тоже не знаю, но мы обязательно это выясним. Тебе нравится газировка?

Джун Моррис: Вы уже спрашивали.

Детектив Андерсон: Да, точно.

Джун Моррис: Старички вечно все забывают, так говорит дедушка.

Франсин Моррис: Джун, это невежливо.

Детектив Андерсон: Ничего страшного. Твой дедушка, Джун, говорит мудрые вещи. А что было потом?

Джун Моррис: Ничего. Тренер Ти сел в свой микроавтобус и уехал.

Детектив Андерсон: Какого цвета был микроавтобус?

Джун Моррис: Ну, наверное, если его помыть, то белый, но он был очень грязный. И он сильно гремел и пускал синий вонючий дым. Фу.

Детектив Андерсон: На микроавтобусе были какие-то надписи? Реклама? Название компании?

Джун Моррис: Нет. Просто белый микроавтобус, без надписей.

Детектив Андерсон: Ты заметила, какие у него номера?

Джун Моррис: Нет.

Детектив Андерсон: Куда поехал микроавтобус?

Джун Моррис: По Барнум-стрит.

Детектив Андерсон: Ты уверена, что человек, который сказал, что у него идет кровь из носа, был именно Терри Мейтленд?

Джун Моррис: Конечно, это был тренер Терри. Тренер Ти. Я хорошо его знаю. С ним все в порядке? Он сделал что-то плохое? Мама сказала, что мне не надо читать газеты и смотреть новости по телевизору, но я уверена, что в парке что-то случилось. Сейчас каникулы, а если бы была школа, я бы узнала все сразу. Кто-нибудь разболтал бы. Тренер Терри подрался с каким-то злодеем? И поэтому у него была кровь...

Франсин Моррис: Вы закончили, детектив? Я понимаю, что вам нужны сведения, но мне сегодня укладывать дочку спать.

Джун Моррис: Я сама лягу!

Детектив Андерсон: Да, я закончил. Но, Джун, прежде чем ты уйдешь, давай сыграем в одну игру. Ты любишь играть?

Джун Моррис: Да, наверное. Если игра не скучная.

Детектив Андерсон: Я положу на стол шесть фотографий шести разных людей... вот так... Они все немного похожи на тренера Терри. Я хочу, чтобы ты мне сказала...

Джун Моррис: Вот он. Номер четвертый. Это тренер Терри.

Трой Рэмидж открыл заднюю дверцу седана. Терри обернулся и увидел Марси, застывшую на краю парковки. На ее лице читались боль и растерянность. У нее за спиной на бегу делал снимки фотограф из «Голоса». *Снимай, снимай*, подумал Терри с некоторым злорадством. *Эти снимки не будут стоить и ломаного гроша*. Он крикнул Марси:

– Звони Хоуи Голду! Скажи ему, что меня арестовали! Скажи ему...

Йейтс пригнул голову Терри и затолкал его в машину.

– Давай загружайся. И держи руки на коленях, пока я буду пристегивать твой ремень.

Терри сел в машину. Положил руки на колени. В окно ему было видно огромное электронное табло над трибунами. Его жена возглавляла кампанию по сбору денег на это табло два года назад. Теперь Марси стояла на краю парковки, и Терри никогда в жизни не сможет забыть, какое у нее было лицо. Лицо женщины из страны третьего мира, наблюдающей, как сжигают ее деревню.

Рэмидж уселся за руль, Ральф Андерсон сел спереди, и не успел он захлопнуть дверцу, как машина сорвалась с места. Рэмидж резко развернулся, крутанув руль основанием ладони, и выехал со стоянки на Тинсли-авеню. Они ехали без sireны, но с включенной синей мигалкой на приборном щитке. Терри принялся: в машине пахло мексиканской едой. Странно, что замечаешь такие детали, когда твой день – вся твоя *жизнь* – вдруг летит под откос, непонятно откуда взявшийся. Терри наклонился вперед.

– Ральф, послушай меня.

Ральф смотрел прямо перед собой, сцепив пальцы в замок.

– Сейчас приедем в участок, вот там и послушаем.

– Да пусть говорит, – сказал Рэмидж. – Сэкономит нам время.

– Трой, заткнись, – бросил Ральф, по-прежнему глядя прямо перед собой. Терри видел, как у него на шее напряглись жилы, образовав две единицы. Одиннадцать.

– Ральф, я не знаю, что привело тебя ко мне и почему ты решил арестовать меня на глазах у половины города, но это какой-то абсурд.

– Все так говорят, – скучающим тоном заметил Том Йейтс. – Держи руки на коленях, Мейтленд. Даже нос не чеши, если зачесется.

В голове у Терри прояснилось – не то чтобы полностью, но хоть чуть-чуть, – и он понял, что лучше послушаться офицера Йейтса (его имя было на бейдже, приколотом к нагрудному карману рубашки). У Йейтса был такой вид, словно он только и ждал повода, чтобы от души врезать задержанному, и не важно, были на том наручники или нет.

Кто-то в этой машине недавно ел энчиладу, Терри был в этом уверен. Возможно, из «Сеньора Джо». Его дочери очень любили этот мексиканский ресторанчик и всегда много смеялись, когда там ели – черт, они все смеялись, – а по дороге домой обвиняли друг друга в порче воздуха.

– Ральф, послушай меня. Пожалуйста.

Ральф вздохнул.

– Ладно, я слушаю.

– Мы все тебя слушаем, – сказал Рэмидж. – Слушаем очень внимательно.

– Фрэнка Питерсона убили во вторник. Во вторник, ближе к вечеру. Это было в газетах и в новостях. Во вторник я был в Кэп-Сити. Весь вторник и большую часть среды. Вернулся домой после девяти вечера в среду. Гэвин Фрик, Барри Халигэн и Лукеш Пател – это отец Байбира – провели тренировки во вторник и в среду, пока меня не было.

На секунду в машине стало тихо. Молчало даже радио. Впрочем, его никто и не включал. В эту секунду Терри поверил – да, он поверил, – что Ральф сейчас велит Трою остановиться. Потом обернется к нему, к Терри, и смущенно скажет: *О боже, вот мы лажанулись!*

Но Ральф сказал совершенно другое. Сказал, даже не обернувшись:

– Ага. Вот и алиби, как и следовало ожидать.

– Что? Я не понимаю...

– Ты умный парень, Терри. Я это знаю с нашей первой встречи, еще когда ты тренировал Дерека в Малой лиге. Я был уверен, что если ты не сознаешься сразу – хотя я на это надеялся, но не особо рассчитывал, – то предложишь какое-то алиби. – Ральф наконец обернулся, и Терри его не узнал, настолько чужим было его лицо. – Я также уверен, что мы разобьем твое алиби в пух и прах. Потому что мы взяли тебя с поличным. И тебе не отвертеться.

– Кстати, а что ты делал в Кэп-Сити? – спросил Йейтс. Внезапно человек, который велел Терри сидеть тихо и даже не чесать нос, заговорил почти дружелюбно, с любопытством. Терри чуть было не начал рассказывать, что он делал в Кэп-Сити, но решил, что лучше не надо. Первое потрясение прошло, мозг потихоньку включался, и Терри понял, что эта пропахшая энчиладой машина была вражеской территорией. Самое время заткнуться и ждать Хоуи Голда. Он приедет в участок, и они вместе во всем разберутся. Это не займет много времени.

И он понял кое-что еще. Он был зол, чертовски зол, и когда они свернули на Мэйн-стрит и подъехали к зданию полицейского управления Флинт-Сити, он дал себе обещание: этой осенью, может быть, даже раньше, человек, сидящий на переднем сиденье – человек, которого Терри считал своим другом, – будет искать себе новую работу. Вероятно, охранником банка где-нибудь в Талсе или в Амарилло.

8

Показания мистера Карлтона Скоукрофта [12 июля, 21:30, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Скоукрофт: Это надолго, детектив? Потому что ложусь-то я рано. Я ж в техобслуживании на железной дороге, в семь утра надо быть на работе, иначе будут проблемы.

Детектив Андерсон: Я постараюсь закончить быстрее, мистер Скоукрофт, но это серьезное дело.

Скоукрофт: Да, я понимаю. Просто сказать мне особо нечего, и хотелось бы поскорее вернуться домой. Хотя не знаю, смогу ли сегодня заснуть. Я же не попадал в полицейский участок с той самой пьянки, когда мне было семнадцать. Чарли Бортон тогда был начальником. Отцы нас вытащили, но меня наказали до конца лета.

Детектив Андерсон: Спасибо, что пришли. Расскажите, пожалуйста, где вы были и что видели в семь вечера во вторник, десятого июля.

Скоукрофт: Я уже говорил той девушке в приемной. Я был в баре «Шорти» и видел белый микроавтобус и парня, который тренирует детишек в бейсболе и в футболе, тут у нас, в Вест-Сайде. Не помню, как его зовут, но его фотографии часто мелькают в газете, потому что в этом году он подготовил отличную команду Городской молодежной лиги. В газете пишут, что они могут выйти в финал, а то и взять кубок. Морленд, кажется, так его звать? Он был весь в крови.

Детектив Андерсон: Расскажите подробнее, как все было. Как вы его увидели.

Скоукрофт: Ну, закончил я смену, пошел в «Шорти» поесть. Жены у меня нет, дома никто не ждет, а кулинар из меня никакой. По понедельникам и средам я хожу ужинать в закусочную «Флинт-Сити». По пятницам – в стейк-хаус «Бонанза». А по вторникам и четвергам – в «Шорти», обычно беру там ребрышки и кружку пива. Вот, значит, был вторник, и я пошел

в «Шорти». Пришел туда в четверть седьмого, примерно так. Парнишка в то время уже был мертв, да?

Детектив Андерсон: Но ближе к семи часам вечера вы выходили на задний двор, верно? За баром «Шорти».

Скоукрофт: Все верно. Мы с Райли Франклином вышли вдвоем. Встретились в баре, вместе поужинали. На задний двор посетители ходят курить. По коридору, между двумя туалетами и наружу, через заднюю дверь. Там стоят пепельницы, все культурно. В общем, мы с Райли поели. Я взял ребрышки, он – чизбургер. Заказали десерт, а пока ждали, пошли покурить. И вот стоим, курим, и подъезжает грязный белый микроавтобус. С нью-йоркскими номерами, я это запомнил. Встает рядом с «субару»... по-моему, это была «субару»... и из кабины выходит он самый. Морленд, или как там его звать.

Детектив Андерсон: Во что он был одет?

Скоукрофт: Ну, я не уверен насчет штанов – может быть, Райли помнит. Кажется, слаксы. А может, и нет. Но рубашка на нем была белая. Я это запомнил, потому что она была вся в крови. На штанах только брызги, а рубашка залита вся. И лицо тоже в крови. Под носом, вокруг рта, на подбородке. Страшное дело. И Райли – он, наверное, уговорил пару кружечек пива еще до того, как пришел я, сам-то я выпил всего одну, – так вот, он говорит: «А как выглядит другой парень, тренер Ти?»

Детектив Андерсон: Он назвал его тренером Ти?

Скоукрофт: Ну да. А тренер, значит, смеется и говорит: «Нет никакого другого. Просто кровь пошла носом. У меня так бывает. Хлещет, как гейзер. Тут где-то поблизости есть медпункт?»

Детектив Андерсон: Он спрашивал про медпункт?

Скоукрофт: Ну да. Он сказал, ему надо к врачу. Может, там что прижечь, я не знаю. Он сказал, с ним такое уже случалось. Ну, я ему и говорю, мол, езжай на Бэррфилд, на втором светофоре свернешь налево, а там уже есть указатель. Ехать около мили. А потом он спросил, можно ли ему оставить свой микроавтобус на стоянке за баром. Вообще, она не для клиентов, а для сотрудников. Там и табличка висит, все написано. Ну, я ему и говорю: «Это не моя стоянка, но если ненадолго, то, наверное, можно». И он говорит... мы еще удивились, как-то странно оно, в наши-то времена... Так вот, он говорит, что оставит ключи в подстаканнике. На случай, если вдруг надо будет его переставить. В смысле, микроавтобус. Райли сказал: «Так его точно угонят, тренер Ти». А он опять повторил, что уйдет ненадолго и мало ли что. Вдруг надо будет его переставить. Знаете, что я думаю? Я думаю, может, он хотел, чтобы микроавтобус угнали. Может, даже мы с Райли. Может такое быть, детектив?

Детектив Андерсон: А что было потом?

Скоукрофт: Он сел в ту зеленую «субару» и укатил. Я снова подумал, что это странно.

Детектив Андерсон: Что в этом странного?

Скоукрофт: Он спросил, можно ли ненадолго оставить микроавтобус на стоянке у бара – как будто боялся, что если бросить его на улице, его заберут на штрафную стоянку, – а его машина все время стояла у бара. Вот это и странно.

Детектив Андерсон: Мистер Скоукрофт, я сейчас покажу вам шесть фотографий шести разных людей. Пожалуйста, назовите человека, которого вы видели у бара «Шорти» во вторник вечером. Они все похожи, поэтому не торопитесь, посмотрите внимательно.

Скоукрофт: Да что тут смотреть? Вот же он. Морленд, или как там его зовут. Я могу идти домой?

В неприметной машине без опознавательных знаков никто больше не сказал ни слова. Рэмидж въехал на стоянку у здания полицейского управления и поставил машину на свободное место в ряду, обозначенном табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ТРАНСПОРТА». Ральф обернулся к человеку, который тренировал его сына. Бейсболка Терри – бейсболка с эмблемой «Золотых драконов» – съехала набок, как у малолетних рэперов. Футболка с той же эмблемой выбилась из спортивных штанов, лицо блестело от пота. В эту минуту Терри выглядел виновным, как сто чертей. Разве что в его глазах не было и намека на вину. Эти глаза смотрели на Ральфа в упор, с молчаливым упреком.

У Ральфа был вопрос, который не мог ждать.

– Почему именно он, Терри? Почему Фрэнки Питерсон? В этом году он играл у тебя в Малой лиге? Ты давно положил на него глаз? Или просто подвернулась возможность, и ты ею воспользовался?

Терри открыл было рот, чтобы вновь возразить, но понял, что смысла нет. Ральф его слушать не будет. Сейчас точно не будет. Никто из них не собирается его слушать. Лучше подождать. Да, это трудно, но в итоге может сберечь ему время и силы.

– Ну, давай, – сказал Ральф мягко и буднично. – Ты же хотел что-то сказать, вот и говори. Скажи мне. Объясни. Прямо здесь и сейчас, пока мы не вышли из машины.

– Я дождусь своего адвоката, – ответил Терри.

– Если ты невиновен, – сказал Йейтс, – тебе и не нужен никакой адвокат. Давай, убеди нас в своей невинности, если сможешь. Мы даже подбросим тебя до дома.

По-прежнему глядя прямо в глаза Ральфу Андерсону, Терри чуть слышно проговорил:

– Ты поступил очень плохо. Ты даже не стал проверять, где я был во вторник вечером, да? От тебя я такого не ожидал. – Он секунду помедлил, как будто задумавшись, и добавил: – *Скотина.*

Ральф не собирался объяснять Терри, что обсудил этот вопрос с Сэмюэлсом, хотя обсуждение длилось недолго. У них маленький городок. Начнешь задавать слишком много вопросов, и слухи мигом дойдут до Мейтленда.

– Это тот редкий случай, когда ничего проверять не нужно. – Ральф открыл свою дверцу. – Пойдем. Пока ждем твоего адвоката, оформим тебя как положено, снимем пальчики, сфотографируем...

– Терри! *Терри!*

Не послушав совета Ральфа, Марси Мейтленд поехала следом за полицейской машиной на своей «тойоте». Джейми Мэттингли, их соседка, сама предложила взять Грейс и Сару к себе. Обе девочки плакали. Джейми тоже.

– Терри, что они делают? И что делать *мне*?

Терри на миг вырвал руку из захвата Йейтса, державшего его за локоть.

– Звони Хоуи!

Больше он ничего не успел сказать. Рэмидж открыл дверь с табличкой «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», и Йейтс затолкал Терри внутрь, грубо пихнув его в спину.

Ральф на миг задержался в дверях.

– Езжай домой, Марси, – сказал он. – Езжай, пока сюда не набежали газетчики.

Он чуть не добавил: *Мне очень жаль*, но ему не было жаль. Бетси Риггинс с ребятами из полиции штата дожидаются Марси у дома, но ей все равно надо ехать домой. Это самое лучшее, что она может сделать. Единственное, что она может сделать, на самом деле. Возможно, ему бы и стоило ее пожалеть. Хотя бы ради девчонок – уж они точно ни в чем не виноваты, – и все же...

Ты поступил очень плохо. От тебя я такого не ожидал.

Ральф не должен был чувствовать себя виноватым, услышав упрек человека, который изнасиловал и зверски убил ребенка, но почему-то почувствовал. Потом он вспомнил снимки с места происшествия – такие кошмарные, что хотелось ослепнуть. Вспомнил ветку, торчавшую из прямой кишки мальчика. Вспомнил кровавые отпечатки на гладком дереве. Гладком, потому что рука, оставившая отпечатки, с такой силой пихала ветку, что содрала с нее кору.

Билл Сэмюэлс изложил все по пунктам, доступно и просто. Ральф с ним согласился, как согласился и судья Картер, к которому Сэмюэлс обратился за ордерами. Во-первых, в деле все ясно. Нет смысла тянуть резину, когда имеются все улики. Во-вторых, если дать Терри время, он может сбежать, и они должны будут найти его раньше, чем он сам найдет еще одного Фрэнки Питерсона, чтобы изнасиловать и убить.

10

Показания мистера Райли Франклина [13 июля, 07:45, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Детектив Андерсон: Я покажу вам шесть фотографий шести разных людей, мистер Франклин. Пожалуйста, выберите из них фотографию того человека, которого вы видели на заднем дворе бара «Шорти» вечером во вторник, десятого июля. Не торопитесь. Смотрите внимательно.

Франклин: Да я сразу вижу. Вот он, номер второй. Тренер Ти. Вот ведь как, даже не верится. Он тренировал моего сынишку в Малой лиге.

Детектив Андерсон: И моего тоже. Спасибо, мистер Франклин.

Франклин: Для него мало смертельной инъекции. Его надо повесить. И так, чтобы он задохнулся не сразу.

11

Марси заехала на стоянку у «Бургер Кинга» на Тинсли-авеню и достала из сумки мобильный телефон. У нее так тряслись руки, что она уронила его на пол. Наклонившись за ним, ударилась о руль головой и расплакалась снова. Номер Хоуи Голда был у нее в контактах. Не потому, что у Мейтлендов имелись причины держать номер знакомого адвоката в быстром наборе, а потому, что последние два сезона Хоуи на пару с Терри тренировал детскую футбольную команду. Он ответил после второго гудка.

– Хоуи? Это Марси Мейтленд, жена Терри, – зачем-то пояснила она, как будто они не обедали вместе раз в месяц уже второй год, с две тысячи шестнадцатого.

– Марси? Ты плачешь? Что случилось?

Это было настолько чудовищно, что она даже не сразу нашла, что сказать.

– Марси? Ты здесь? Ты попала в аварию?

– Я здесь. Со мной все хорошо. Но Терри... Терри арестовали. Ральф Андерсон арестовал Терри. За убийство того парнишки. Они так сказали. По обвинению в убийстве Фрэнка Питерсона.

– *Что?! Ты издеваешься?*

– Его даже не было в городе! – взывала Марси. Она и сама понимала, что похожа сейчас на подростка в истерике, но ничего не могла с собой сделать. – Его арестовали. И сказали, что полиция ждет у дома!

– Где Сара и Грейс?

– У Джейми Мэттингли, нашей соседки. С ними все хорошо. – Хотя после того, как у них на глазах арестовали отца и увели прочь в наручниках, с ними уж точно не все хорошо.

Марси потеряла лоб и подумала, что, наверное, будет синяк. Она сама удивилась, почему ее это волнует. Потому что, возможно, у дома уже собрались газетчики? Потому что они увидят синяк у нее на лбу и подумают, будто Терри ее ударил?

– Хоуи, ты мне поможешь? Ты нам поможешь?

– Конечно, я помогу. Терри забрали в участок?

– Да! В наручниках!

– Ясно. Я уже еду туда. А ты езжай домой, Марси. Узнай, чего хотят те полицейские. Если у них есть ордер на обыск – а он скорее всего есть, потому что иначе с чего бы им ехать к вам домой, – ознакомься со всеми бумагами, спроси, что именно они ищут,пусти их в дом, но ничего им не говори. Ты меня поняла? Не говори *ничего*.

– Я... да.

– Питерсон был убит в этот вторник, если не ошибаюсь. Так, погоди... – В трубке на заднем плане раздались приглушенные голоса, сначала – голос Хоуи, затем – женский голос. Видимо, Элейн, жены Хоуи. Потом Хоуи снова взял телефон. – Да, во вторник. Где был Терри во вторник?

– В Кэп-Сити! Он ездил...

– Сейчас это не важно. Полиция может задать тебе этот вопрос. Они могут задать тебе кучу вопросов. Скажи им, что будешь молчать по совету вашего адвоката. Ты поняла?

– Д-да.

– Не давай им себя запугать, подловить или уговорить. Они это умеют.

– Да, я поняла.

– Где ты сейчас?

Она знала, она видела вывеску, но все равно решила проверить.

– У «Бургер Кинга». Который на Тинсли. Я заехала на стоянку, чтобы тебе позвонить.

– Ты в порядке? Доедешь сама?

Она чуть не сказала ему, что ударила головой, но решила промолчать.

– Да.

– Сделай глубокий вдох. Сделай три глубоких вдоха. Потом поезжай домой. Следи за знаками, соблюдай скоростной режим. На всех поворотах включай поворотники. У Терри есть компьютер?

– Конечно. Еще есть айпад, только он им почти не пользуется. И у нас у обоих – ноутбуки. А у девочек – айпады-мини. И конечно, смартфоны. У нас у всех есть смартфоны. Грейс получила свой на день рождения, три месяца назад.

– Тебе должны предоставить список всего, что будет изъято.

– Они вправду могут забрать наши вещи? – В голосе Марси снова послышались истерические нотки. – Вот так просто взять и забрать?! Мы что, в России или в Северной Корее?!

– Они могут забрать только то, что указано в ордере. Но я хочу, чтобы ты составила свой собственный список. У девочек смартфоны с собой?

– А ты думал? Они с ними не расстаются.

– Хорошо. Возможно, копы захотят забрать и твой смартфон. Откажись.

– А если они все равно заберут?

Разве это так важно на самом деле?

– Не заберут. Тебе не предъявлено никаких обвинений, и ничего твоего они взять не могут. Езжай домой. Я приеду, как только смогу. Мы во всем разберемся, я тебе обещаю.

– Спасибо, Хоуи. – Она снова расплакалась. – Большое спасибо.

– Пока не за что. И не забудь: скоростной режим, полная остановка на знаках «Стоп», поворотники на всех поворотах. Поняла?

– Да.

– Я еду в участок, – сказал Хоуи и отключился.

Марси включила передачу, потом снова перевела рукоятку на парковку. Сделала глубокий вдох. Затем второй. Третий. *Да, это кошмар, но он скоро закончится. Терри был в Кэп-Сити. Они убедятся, что это правда, и отпустят его домой.*

– А потом, – сказала она в пустоту (машина и вправду была пустой и неудобной без девчонок, хихикающих на заднем сиденье), – мы засудим их всех.

Марси расправила плечи и сосредоточилась. Она поехала домой в Барнум-корт, неукоснительно соблюдая скоростной режим и останавливаясь на каждом знаке «Стоп».

12

Показания мистера Джорджа Черны [13 июля, 08:15, допрос свидетеля провел офицер полиции Рональд Уилберфорс]

Офицер Уилберфорс: Спасибо, что пришли, мистер Черны...

Черны: Правильно Чорны. Пишется Е, а читается О.

Офицер Уилберфорс: А, понятно. Спасибо. Я у себя отмечу. Детектив Ральф Андерсон потом пригласит вас для беседы, но сейчас он опрашивает другого свидетеля и попросил меня записать основные сведения, пока все свежо у вас в памяти.

Черны: Вы уже забрали этот автомобиль? Эту «субару»? Надо его побыстрее изъять, пока никто не испортил улики. А улик там хватает, я вам скажу.

Офицер Уилберфорс: Наши ребята как раз сейчас этим занимаются, сэр. Как я понимаю, сегодня утром вы поехали на рыбалку?

Черны: Ну да. Хотел порыбачить, но даже удочки не расчехлил. Вышел я на рассвете, поехал к Чугунному мосту. Все его так называют: Чугунный. Который на Олд-Фордж-роуд. Знаете, где это?

Офицер Уилберфорс: Да, сэр.

Черны: Отличное место для ловли сома. Сомов мало кто ловит. Вид у них неприятный, и еще они люто кусаются иной раз, когда пытаешься снять их с крючка, но моя жена жарит их с солью и лимонным соком, и получается чертовски вкусно. Все дело в лимоне, знаете ли. И сковорода должна быть чугунной. Непременно чугунной.

Офицер Уилберфорс: Стало быть, вы поставили машину прямо у моста...

Черны: Да, но не у шоссе. Там есть старый лодочный причал. Пару лет назад кто-то купил тот участок земли, где причал, обнес проволочным забором, повесил табличку «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН». Но так ничего и не построил. Участок пустует, зарастает сорняками. Причал уже наполовину ушел под воду. Я всегда ставлю машину на подъездной дорожке, что ведет к этому сетчатому забору. Вот и сегодня. Приезжаю на место и что я вижу? Забор повален, а на самом краю затонувшей пристани стоит какая-то зеленая машина, так близко к воде, что передние шины наполовину увязли в иле. Я пошел посмотреть, что там и как. Вдруг какой-нибудь парень вчера перебрал в стриптиз-баре и съехал с шоссе. Я подумал, что он, может быть, отрубился и так за рулем и сидит.

Офицер Уилберфорс: Когда вы сказали «стриптиз-бар», вы имели в виду «Джентльмены, для вас» на окраине города?

Черны: Ага. Да. Мужики туда ходят, напиваются вусмерть, суют девчонкам в трусы доллары и пятерки, пока не кончатся деньги, а потом пьяными едут домой. Сам я таких развлечений не понимаю.

Офицер Уилберфорс: Ясно. Значит, вы подошли к машине и заглянули внутрь.

Черны: Да, к зеленой «субару». Внутри никого не было, но на пассажирском сиденье лежала одежда, вся залитая кровью, и я сразу подумал о том парнишке, которого убили в парке,

потому что в новостях говорили, что полиция ищет зеленую «субару» в связи с этим преступлением.

Офицер Уилберфорс: Что вы видели, кроме одежды?

Черны: Кроссовки. Валялись под пассажирским сиденьем. Они тоже были в крови.

Офицер Уилберфорс: Вы что-нибудь трогали? Дергали дверцы?

Черны: Конечно, нет. Мы с женой не пропускали ни одной серии «С.S.I.: Место преступления».

Офицер Уилберфорс: Что вы сделали?

Черны: Позвонил в Службу спасения.

13

Терри Мейтленд сидел в комнате для допросов и ждал. Наручники с него сняли, чтобы его адвокат не поднял шум, когда приедет в участок – а приедет он скоро. Ральф Андерсон стоял, заложив руки за спину, в соседней комнате и разглядывал бывшего тренера своего сына через одностороннее зеркало. Он отпустил Йейтса и Рэмиджа. И переговорил с Бетси Риггинс, которая сообщила, что миссис Мейтленд еще не вернулась домой. Теперь, когда арест состоялся и кровь уже не кипела, Ральф снова задался вопросом, а не слишком ли они поторопились. Терри, конечно же, утверждает, что у него есть алиби, и это алиби, разумеется, не выдержит проверки фактами, и все же...

– Приветствую, Ральф. – Билл Сэмюэлс вошел в комнату, на ходу поправляя галстук. У него были темные волосы – черные, как сапожная вакса, – которые он стриг очень коротко, но на макушке торчал хохолок, из-за чего Билл казался моложе своих лет. Ральф знал, что Сэмюэлс выступал обвинителем по делам об убийстве не меньше шести раз и каждый раз выигрывал дело в суде. На данный момент двое убийц, осужденных стараниями Сэмюэлса (он называл их своими «мальчишками»), сидели в камере смертников в Макалестере. Это было хорошо, всегда полезно иметь в команде юного вундеркинда, но сегодня прокурор округа Флинт до жути напоминал Альфальфу из «Пострелят».

– Привет, Билл.

– Ну, вот и он, – сказал Сэмюэлс, глядя на Терри. – Но мне не нравится, что он в бейсболке «Драконов» и спортивной форме. Тюремная роба пойдет ему больше. А еще больше ему пойдет сидеть в камере смертников в ожидании инъекции.

Ральф ничего не сказал. Он думал о Марси, стоявшей перед полицейским участком, словно потерявшийся ребенок. Заломив руки, она смотрела на Ральфа как на незнакомца. Или как на чудовище. Вот только чудовищем был ее муж.

Сэмюэлс как будто прочел его мысли и спросил:

– Он не похож на чудовище, да?

– Они редко похожи.

Сэмюэлс достал из кармана пиджака несколько сложенных листов бумаги. На одном была копия отпечатков пальцев Терри Мейтленда, взятая из его личного дела в отделе кадров средней школы Флинт-Сити. Таковы правила: у всех новых учителей снимают отпечатки пальцев, прежде чем допустить их к работе с детьми. На остальных двух листах была «шапка» «ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ШТАТА». Сэмюэлс встряхнул листами.

– Самое свежее и самое вкусное.

– Из «субару»?

– Ага. Ребята из полиции штата обнаружили больше семидесяти «пальчиков», и пятьдесят семь из них принадлежат Мейтленду. Техник, проводивший сравнение, говорит, что остальные заметно меньше. Возможно, это отпечатки владелицы автомобиля. Она проживает

в Кэп-Сити и две недели назад заявила об угоне вот этой самой «субару». Барбара Ниринг. Ее отпечатки были оставлены гораздо раньше, так что всякая связь с убийством Питерсона исключается.

– Хорошо, но нам нужны результаты анализа ДНК. Он отказался сдать образец.

В отличие от отпечатков пальцев взятие мазка со слизистой ротовой полости для анализа ДНК в их штате считалось *посягательством* на права человека.

– Да зачем нам его образец? Риггинс со штатниками привезут его бритву, зубную щетку, соберут все волоски с его подушки.

– Этого мало. Нужен еще образец, взятый в нашем присутствии.

Склонив голову набок, Сэмюэлс внимательно посмотрел на Ральфа. Сейчас окружной прокурор был похож уже не на Альфальфу из «Пострелят», а на очень смышленного грызуна. Или, может быть, на ворону, углядевшую что-то блестящее.

– Ты что, сомневаешься? Только не говори мне, что да. Тем более что сегодня утром ты сам рвался в бой не меньше меня.

Тогда я вспоминал о Дереке, подумал Ральф. Это было еще до того, как Терри посмотрел мне в глаза, как будто имел на то право. И до того, как он назвал меня скотиной, что не должно было меня задеть, но почему-то задело.

– Я не сомневаюсь. Просто все развивается слишком стремительно. Я привык выстраивать дело. У меня даже не было ордера на арест.

– Если ты вдруг увидишь, как школьник торгует крэком на городской площади, ты что, не удержишь его без ордера?

– Задержу. Но тут другой случай.

– Не настолько. Но если что, ордер у меня есть. И судья Картер подписал его раньше, чем вы произвели задержание. Проверь факс у себя в кабинете, копию ордера уже должны были переслать. Ну что... пойдём побеседуем с задержанным? – У Сэмюэлса блеснули глаза.

– Вряд ли он станет с нами разговаривать.

– Да, скорее всего не станет.

Сэмюэлс улыбнулся, и это была улыбка человека, чьими стараниями двое убийц были приговорены к смертной казни. И уже очень скоро – Ральф в этом не сомневался – к этим двоим добавится третий. Тренер Дерек Андерсона в Малой лиге. Еще один из «мальчишек» Билла Сэмюэлса.

– Но мы-то можем поговорить с *ним*. Можем ему разъяснить, что стены смыкаются и скоро раздавят его в лепешку.

14

Показания мисс Ивы Дождевая Вода [13 июля, 11:40, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Дождевая Вода: Признайтесь, детектив, я не самая стройная Ива из всех, которых вы видели.

Детектив Андерсон: Мы сейчас обсуждаем не ваши габариты, мисс Дождевая Вода. Мы обсуждаем...

Дождевая Вода: И мои габариты тоже, вы просто не знаете. Собственно, из-за этих моих габаритов я и оказалась в том месте. Обычно в одиннадцать вечера у этого клуба, где голые девки, собирается десяток такси, и из всех водил я – единственная женщина. А все почему? Потому что никто из клиентов, как бы они ни упились, ко мне не полезет. В школе я могла бы играть левым полузащитником, если бы девочек брали в футбольную команду. Да половина из этих ребят, что садятся ко мне в такси, даже не понимают, что я женского пола. И когда

выгружаются, тоже не все понимают. Ну, а мне так нормально. Мне, в общем, по барабану. Я просто подумала, вы захотите узнать, что я там делала, у того клуба.

Детектив Андерсон: Да, хорошо. Спасибо.

Дождевая Вода: Но тогда еще не было одиннадцати. Половина девятого, как-то так.

Детектив Андерсон: Вечером во вторник, десятого июля.

Дождевая Вода: Все верно. По вечерам в будни город практически замирает с тех пор, как здешний нефтяной промысел почти зачах. Все таксисты болтаются в гараже, ковыряют в носу, режутся в покер и рассказывают друг другу скабрзные анекдоты, но мне все это не интересно, так что я еду к отелю «Флинт», или к «Холидей-инн», или к «Крестовине». Или вот к «Джентльмены, для вас». Там у них есть стоянка такси. Для тех клиентов, кто недостаточно пьян, чтобы сесть за руль в таком виде. Если я приезжаю пораньше, то обычно бываю первой в очереди. Ну, второй или третьей уж точно. Сажу, жду клиентов, читаю книжки в «Киндле». Бумажные книги особенно не считаешь, когда стемнеет, а электронная читалка – как раз то, что надо. Величайшее гребаное изобретение, уж простите мой простой лексикон коренных американцев.

Детектив Андерсон: Если бы вы рассказали мне...

Дождевая Вода: Я и рассказываю, но рассказываю по-своему, как меня научили с пеленок, так что молчите и слушайте. Я знаю, что вам надо, и вы это получите. И здесь, и в суде. А потом, когда этого сукина сына-детоубийцу отправят прямиком в ад, я надену свои оленьи шкуры и свои перья и буду плясать, пока не свалюсь с ног. Договорились?

Детектив Андерсон: Договорились.

Дождевая Вода: В тот вечер было еще рано, и я была на стоянке одна. Я не видела, как он входил. У меня есть свои соображения, и ставлю пять долларов, что я права. Я думаю, он пошел туда не для того, чтобы смотреть, как девчонки сверкают пиписьками. Думаю, он зашел в клуб на минуточку, прямо перед тем, как приехала я – может, вот прямо за пару минут, – зашел, чтобы вызвать такси.

Детектив Андерсон: Вы правы, мисс Дождевая Вода. Ваш диспетчер...

Дождевая Вода: Клинт Элленквист. Он дежурил во вторник.

Детектив Андерсон: Все верно. Мистер Элленквист сказал звонившему, чтобы тот проверил стоянку у клуба. Машина скоро подъедет, если уже не подъехала. Звонок поступил в восемь сорок.

Дождевая Вода: Да, как раз в это время. И вот он выходит, направляется к моей машине...

Детектив Андерсон: Вы не помните, как он был одет?

Дождевая Вода: Джинсы, рубашка. Джинсы старые, выцветшие, но чистые. В свете уличных фонарей все цвета как-то меняются, но мне кажется, рубашка была желтой. Да, у него на ремне была пряжка: лошадиная голова. Дикий запад, родео, вся эта хрень. Сперва я подумала, это кто-то со стройки, может быть, из нефтяников. Из тех, кто еще сохранил работу, когда цены на нефть обвалились к чертям. Но когда он наклонился к окну, я увидела, что это Терри Мейтленд.

Детектив Андерсон: Вы в этом уверены?

Дождевая Вода: Богом клянусь. Фонари на стоянке у клуба яркие, как белый день. Их специально поставили, чтобы там не творилось никаких безобразий. К ним же ходят не всякие забулдыги, а джентльмены. К тому же я тренирую баскетбольную Лигу прерий в Юношеской христианской ассоциации. Это смешанные команды, но в основном там мальчишки, девчонок мало. Мейтленд частенько ходил к нам на матчи – не каждую субботу, но достаточно часто, – сидел с родителями на трибунах, наблюдал, как детишки играют. Он мне говорил, что ищет таланты для своей Городской молодежной лиги. Мол, по тому, как ребенок играет в баскетбол, сразу можно понять, есть ли у него способности к большому спорту, и я, как дурочка, ему

верила. А он, может, сидел, выбирал, кого из них трахнуть в зад. Оценивал их, как мужики оценивают телок в баре. Вот же скот-извращенец. Ищет таланты, хрена с два!

Детектив Андерсон: Когда он подошел к вашей машине, вы ему сказали, что узнали его?

Дождевая Вода: Ну конечно. Мне как-то несвойственна излишняя скромность. Да вообще никакая не свойственна. Я ему говорю: «Привет, Терри. Твоя жена знает, где ты сегодня развлекался?» А он говорит: «У меня были дела». А я говорю: «Эти дела как-то связаны с полуголыми юными чаровницами?» И он говорит: «Скажите диспетчеру, что взяли пассажира». Я говорю: «Скажу, не переживай. Едем домой, тренер Ти?» И он говорит: «Нет, мэм. Мы едем в Даброу. На вокзал». Я говорю: «Сорок долларов». А он говорит: «Если успеем к поезду в Даллас, то дам еще двадцатку сверху». И я говорю: «Забирайся в машину и держи свой суспензорий, тренер Ти. Мы уже едем».

Детектив Андерсон: Значит, вы привезли его на железнодорожный вокзал в Даброу?

Дождевая Вода: Точно так. Он как раз успевал на ночной поезд Даллас – Форт-Уэрт. Даже с запасом.

Детектив Андерсон: Вы разговаривали по дороге? Я спрашиваю потому, что вы, похоже, любите поговорить.

Дождевая Вода: О да! Мой язык, он как лента на кассе в большом супермаркете в день зарплаты. Спросите любого. Сперва я спросила его о турнире Городской молодежной лиги. Как, мол, настрой? Побьете «Медведей»? И он сказал: «Я надеюсь на лучшее». Прямо как шар предсказаний, да? Он, наверное, думал о том, что сотворил. И о том, как бы побыстрее слинять. Тут явно не до разговоров, когда мысли заняты. Я одного не пойму, детектив. Почему он вернулся во Флинт-Сити? Отчего не сбежал в Мексику?

Детектив Андерсон: Что еще он говорил?

Дождевая Вода: Да почти ничего. Сказал, что попробует подремать. Закрыв глаза, но, думаю, он притворялся. Думаю, он за мной наблюдал. Может быть, что-то задумывал на мой счет. Даже жалко, что он ничего не предпринял. И жалко, что тогда я не знала о том, что он сделал. Уж я открутила бы ему яйца. В прямом смысле слова. Я не шучу.

Детектив Андерсон: А что было, когда вы приехали на вокзал в Даброу?

Дождевая Вода: Я подъехала к главному входу, он швырнул на переднее сиденье три двадцатки. Я хотела ему сказать, мол, передай привет жене, но он уже убежал. Я вот подумала, может быть, он заходил в «Джентльмены», чтобы переодеться в сортире? Наверняка та, другая, одежда была вся в крови?

Детектив Андерсон: Я сейчас покажу вам шесть фотографий шести разных людей, мисс Дождевая Вода. Они все похожи, поэтому не торопитесь...

Дождевая Вода: Я поняла. Вот он. Вот Мейтленд. Можно брать его прямо сейчас, и надеюсь, он окажет сопротивление при аресте. Сохранит деньги налогоплательщиков.

15

Когда Марси Мейтленд училась классе в восьмом, ей иногда снился кошмар, что она заходит в класс голой и все смеются над ней. *Дурочка Марси Гибсон сегодня забыла одеться! Смотрите, все видно!* В старших классах этот кошмар сменился другим, чуть более изощренным: она приходит в школу одетая, но вдруг вспоминает, что сегодня очень важная контрольная, а она совершенно об этом забыла и не подготовилась.

Когда она свернула с Барнум-стрит на Барнум-корт, все бессилие и ужас тех давних кошмаров вернулись, только на этот раз никакого спасения не было. Будильник не зазвонит, и она не проснется, шепча: *Слава богу*. На подъездной дорожке стояла полицейская машина, точная копия той, в которой Терри увезли в участок. За ней – микроавтобус без окон с синей надписью на боку «ПОЛИЦИЯ ШТАТА УПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА», а в начале и конце

дорожки – две черные патрульных машины с включенными мигалками. Тут же имелись четверо полицейских. Все как на подбор здоровенные, не меньше семи футов ростом, в фуражках, они стояли, широко раздвинув ноги (*Как будто им яйца мешают*, подумала Марси). Это само по себе погано, но было кое-что похуже. А именно, соседи, которые наблюдали за ними со своих лужаек. Известно ли им, почему к дому Мейтлендов съехалось столько полиции? Да, наверное, известно – проклятие сотовой связи в действии. А если кто-то еще не знает, то ему непременно расскажут.

Один из полицейских шагнул на дорогу и поднял руку. Марси остановилась и опустила стекло.

– Вы Марсия Мейтленд, мэм?

– Да. Я не могу въехать в гараж, эти машины загораживают мне дорогу.

– Припаркуйтесь у тротуара, – сказал он, указав на место позади одной из патрульных машин.

Марси хотелось высунуться из окна и крикнуть ему прямо в лицо: *Это МОЯ подъездная дорожка! МОЙ гараж! Уберите с дороги ваш хлам!*

Но она послушно подъехала к обочине и вышла из машины. Ей срочно нужно было в туалет. Наверное, еще с той минуты, когда на Терри надели наручники, просто она поняла это только сейчас.

Еще один полицейский что-то сказал в микрофон на плече, и из-за угла дома вышла женщина с рацией в руке, гвоздь всей программы сегодняшнего злосчастного сюрреалистического вечера: беременная с огромным животом, в сарафане в цветочек. Она прошла через лужайку Мейтлендов, переваливаясь с ноги на ногу, словно утка, как ходят все женщины на последнем сроке беременности. Она не улыбнулась Марси. У нее на шее висело ламинированное удостоверение. К необъятной груди был приколот полицейский значок Флинт-Сити, который выглядел так же странно, как собачьи галеты на блюде с причастием.

– Миссис Мейтленд? Я детектив Бетси Риггинс.

Она протянула руку, но Марси не стала ее пожимать. Хотя Хоуи уже сказал ей, зачем тут полиция, она все равно спросила:

– Что вам нужно?

Риггинс взглянула куда-то поверх плеча Марси. Там стоял один из полицейских. Явно главный в этой четверке – у него единственного были нашивки на рукаве. Он протянул Марси листок бумаги:

– Миссис Мейтленд, я лейтенант Юнел Сабло. У нас есть ордер на обыск вашего дома с разрешением на конфискацию любой из вещей, принадлежащих вашему мужу, Теренсу Джону Мейтленду.

Она выхватила листок у него из рук. Сверху шла надпись готическим шрифтом «ОРДЕР НА ОБЫСК», дальше – всякая юридическая хрень, а внизу – подпись, которую Марси сначала прочла как «судья Кратер». *Он же давным-давно исчез*, подумала она, сморгнула влагу – то ли пот, то ли слезы – и увидела, что судью звали Картер, не Кратер. На ордере стояло сегодняшнее число, и он был выдан меньше шести часов назад.

Марси перевернула лист и нахмурилась.

– Здесь нет списка того, что вы можете взять. Значит ли это, что вы заберете даже его трусы, если вам так захочется?

Бетси Риггинс, которая знала, что они *заберут* все трусы Мейтленда, которые им удастся найти в корзине для грязного белья, сказала:

– Это оставлено на наше усмотрение, миссис Мейтленд.

– На ваше усмотрение? На ваше *усмотрение*? Мы что, в нацистской Германии?

Риггинс сказала:

– Мы расследуем самое чудовищное преступление, произошедшее в этом штате за все двадцать лет моей службы в полиции, и мы заберем все, что сочтем нужным. Мы любезно дождались, когда вы вернетесь домой...

– Да идите вы к черту со своей любезностью. Если бы я приехала совсем поздно, что бы вы сделали? Выломали бы дверь?

Риггинс явно было неудобно – не из-за вопросов, подумала Марси, а из-за маленького пассажира, который оттягивал ей живот в этот жаркий июльский вечер. Ей бы сейчас сидеть дома, задрав ноги, с включенным кондиционером. Впрочем, Марси было плевать. Голова раскалывалась от боли, мочевой пузырь грозил лопнуть, глаза щипало от слез.

– Лишь в крайнем случае, – сказал полицейский с нашивками на рукаве. – Но имея на то все законные основания, как указано в ордере, который я вам предъявил.

– Впустите нас, миссис Мейтленд, – сказала Риггинс. – Чем быстрее мы начнем, тем быстрее уйдем и перестанем вам досаждать.

– А вот и стервятники налетели, – добавил один из полицейских.

Марси обернулась. Из-за угла показался телевизионный микроавтобус со спутниковой тарелкой на крыше. Следом за ним ехал джип с эмблемой Кей-уай-оу на капоте и еще один микроавтобус, с другого канала.

– Вам тоже стоит зайти в дом, – сказала Риггинс почти умоляюще. – Вряд ли вы захотите остаться на улице и общаться с этой братией.

Марси сдалась. Это была ее первая капитуляция и, скорее всего, далеко не последняя. Все вокруг рушилось. Неприкосновенность жилища. Ее чувство собственного достоинства. Ее детская вера, что с ней не может случиться ничего плохого. А ее муж? Неужели ее заставят отвернуться от Терри? Ну уж нет. То, в чем его обвиняют... это безумие. С тем же успехом можно было бы обвинить Терри в похищении Чарльза Линдберга-младшего².

– Ладно, пойдемте. Но я ничего вам не скажу, так что даже и не пытайтесь. И не отдам свой телефон. Так сказал мой адвокат.

– Хорошо. – Риггинс взяла Марси под руку, хотя это Марси следовало взять ее под руку, чтобы она не споткнулась и не упала на свой огромный живот.

Джип с эмблемой Кей-уай-оу остановился посреди улицы, и одна из корреспонденток, симпатичная блондиночка, выскочила из машины так быстро, что ее юбка задралась почти до пупа. Полицейские оценили зрелище.

– Миссис Мейтленд! Миссис Мейтленд, всего пара вопросов!

Марси не помнила, как брала сумку, когда выходила из машины, но сумка висела у нее на плече, и Марси без проблем вынула ключ из бокового кармана. Проблемы начались, когда она попыталась вставить ключ в замок. Рука слишком сильно дрожала. Риггинс не забрала ключ у Марси, но накрыла ее руку своей, придавая ей твердости, и ключ наконец-то вошел в скважину.

Из-за спины донеслись крики:

– Миссис Мейтленд, это правда, что вашего мужа арестовали за убийство Фрэнка Питерсона?

– Ни шагу дальше, – сказал один из полицейских. – К дому не подходить.

– *Миссис Мейтленд!*

Они вошли в дом. Это было хорошо, даже в компании с беременным детективом, но дом все равно казался другим, и Марси вдруг поняла, что он уже никогда не будет прежним. Она подумала о женщине, которая выходила из этого дома вместе с двумя дочерьми, смеясь и пребывая в радостном предвкушении, и это было все равно что думать о той, которую ты любила и которая умерла.

² Сын знаменитого авиатора Чарльза Линдберга, похищенный 1 марта 1932 года. Это дело получило широкую огласку, после чего подобные случаи стали рассматриваться в США как преступления федерального значения. – *Примеч. ред.*

У нее подкосились ноги, и она рухнула на низенькую скамеечку в прихожей, куда девчонки садились зимой, чтобы обуться. Где иногда сидел Терри (например, сегодня), в последний раз проверяя состав команды перед тем, как отправиться на стадион. Бетси Риггинс уселась с ней рядом, охнув от облегчения. Ее мясистое правое бедро задело о левое, не такое мясистое бедро Марси. Полицейский с нашивками на рукаве, Сабло, и еще двое копов прошли мимо них, натягивая на ходу синие резиновые перчатки. Все трое были в бахилах точно такого же синего цвета. Марси подумала, что четвертый, наверное, дежурит снаружи, сдерживая толпу. Сдерживая толпу перед их домом в тихом, сонном квартале на Барнум-корт.

– Мне надо сходить в туалет, – сказала она Риггинс.

– Мне тоже, – ответила Риггинс. – Лейтенант Сабло! Можно вас на пару слов?

Полицейский с нашивками на рукаве вернулся в прихожую. Остальные двое прошли в кухню, где они вряд ли отыщут что-то зловещее, разве что половину шоколадного торта в холодильнике.

– У вас есть туалет на первом этаже? – спросила Риггинс у Марси.

– Да, за кладовкой. Терри сам его оборудовал в прошлом году.

– Ясно. Лейтенант, дамы хотят в туалет, так что с него и начните и постарайтесь закончить быстрее. – Риггинс опять обратилась к Марси: – У вашего мужа есть рабочий кабинет?

– Как такового нет. Если ему надо работать, он садится в столовой.

– Спасибо. Значит, после сортира – сразу в столовую, лейтенант. – И снова к Марси: – Пока мы ждем, можно задать вам один вопрос?

– Нет.

Риггинс как будто ее не услышала.

– Вы не замечали ничего странного в поведении вашего мужа в последние недели?

Марси невесело рассмеялась.

– Вы хотите спросить, не планировал ли он убийство? Не ходил ли по дому, потирая руки, пуская слюну и бормоча себе под нос? Похоже, беременность плохо действует вам на мозги, детектив.

– Как я понимаю, ответ отрицательный.

– Правильно понимаете. И пожалуйста, *отвяжитесь* от меня.

Риггинс привалилась спиной к стене и сложила руки на животе, оставив Марси в покое с ее переполненным мочевым пузырем и воспоминаниями о том, что сказал Гэвин Фрик после очередной тренировки, буквально на прошлой неделе: *Чего это Терри в последнее время такой рассеянный? Где-то витает. Может, грипп подцепил?*

– Миссис Мейтленд?

– Да?

– Вы как будто о чем-то задумались.

– Да. Я подумала, что сидеть рядом с вами на этой скамейке очень неудобно. Будто сидишь рядом с пытящей печкой.

И без того красные щеки Бетси Риггинс сделались еще краснее. С одной стороны, Марси сама испугалась того, что сказала – это было жестоко и гадко. С другой стороны, она была рада, что сумела нанести удар, который, кажется, попал в цель.

В любом случае Риггинс больше не задавала вопросов.

Время тянулось бесконечно, но наконец Сабло вернулся в прихожую с прозрачным пластиковым пакетом в руках. В пакет были сложены все лекарства из аптечки на первом этаже (только безрецептурные препараты; те немногие таблетки, на которые нужны были рецепты, Мейтленды хранили в аптечках в своих ваннных комнатах наверху) и принадлежавший Терри тюбик мази от геморроя.

– Все чисто, – отрапортовал Сабло.

– Вы первая, – сказала Риггинс.

В другой ситуации Марси, конечно же, пропустила бы беременную вперед и потерпела бы еще немножко, но именно что в другой. Она вошла в туалет, закрыла за собой дверь и увидела, что крышка бачка унитаза лежит криво. Господи, что они там искали?! Вероятно, наркотики. Марси села на унитаз и закрыла лицо руками, чтобы не видеть весь остальной беспорядок. А ведь вечером ей надо будет забрать домой Сару и Грейс. Надо будет провести их по двору под светом телевизионных прожекторов, которые наверняка установят, когда стемнеет. При одной только мысли об этом ей делалось плохо. А если не домой, то куда? В отель? Но эти люди (*стервятники*, как выразился полицейский) найдут их и в отеле.

Сделав свои дела, она вышла из туалета, и туда отправилась Бетси Риггинс. Марси проскользнула в столовую, не желая и дальше делить скамейку в прихожей с китообразным детективом. Полицейские потрошили письменный стол Терри – *потрошили* в прямом смысле слова. Все ящики были выдвинуты, большая часть содержимого валялась на полу. Компьютер Терри уже разобрали, на все части наклеили желтые наклейки, словно готовясь к гаражной распродаже.

Марси подумала: *Еще час назад у меня было только одно желание. Чтобы «Золотые драконы» прошли в финал.*

Бетси Риггинс вошла в столовую и уселась за стол.

– Ох, как хорошо. И будет хорошо еще целых пятнадцать минут.

Марси открыла рот и чуть было не ляпнула: *Надеюсь, твой ребенок умрет.*

Но вместо этого сказала:

– Хорошо, когда хоть кому-нибудь хорошо. Пусть даже лишь на пятнадцать минут.

16

Показания мистера Клода Болтона [13 июля, 16:30, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Детектив Андерсон: Ну что, Клод, наверное, здорово приехать в участок, когда за тобой ничего не числится. Так сказать, новый опыт.

Болтон: Знаете, а вообще да. И проехаться в полицейской машине на переднем сиденье, а не на заднем. Девяносто миль в час почти всю дорогу от Кэп-Сити. Мигалки, сирены, все как мы любим. Вы правы. Действительно здорово.

Детектив Андерсон: Что вы делали в Кэп-Сити?

Болтон: Осматривал достопримечательности. Раз уж образовалось сразу два выходных, так почему бы и нет? Законом не воспрещается, верно?

Детектив Андерсон: Как я понимаю, вы занимались осмотром достопримечательностей вместе с Карлой Джемсон, также известной под сценическим псевдонимом Красотка Пикси.

Болтон: Ну, еще бы вы не понимали, раз уж нас привезли из Кэп-Сити вместе. Кстати, ей тоже понравилась эта поездка. Говорит, круче, чем на автобусе.

Детектив Андерсон: И большинство осмотренных вами достопримечательностей было сосредоточено в номере пятьсот девять в мотеле «Вестерн-виста» на шоссе номер сорок?

Болтон: Ну, мы не безвылазно сидели в мотеле. Дважды ходили обедать в «Бонанзу». Кормят там вкусно и дешево. И еще Карла хотела пройтись по торговому центру, ну, мы и прошлись. У них есть скалодром, и я его сделал на раз.

Детектив Андерсон: Даже не сомневаюсь. Вы знали, что во Флинт-Сити был убит мальчик?

Болтон: Кажется, что-то видел в новостях. Послушайте, вы же не думаете, что я как-то связан с этим убийством?

Детектив Андерсон: Нет, но, возможно, у вас есть информация о человеке, который связан.

Болтон: Откуда бы у меня...

Детектив Андерсон: Вы работаете вышибалой в «Джентльмены, для вас», верно?

Болтон: Я сотрудник службы охраны. Мы не используем термин «вышибала». «Джентльмены, для вас» – заведение высшего класса.

Детектив Андерсон: Не буду спорить. Мне сказали, что вы работали во вторник вечером и ушли домой только в среду, ближе к обеду.

Болтон: Это Тони Росс вам сказал, что я уехал в Кэп-Сити с Карлой?

Детектив Андерсон: Да.

Болтон: Нам сделали скидку в мотеле, потому что владелец – родной дядя Тони. Тони тоже работал во вторник вечером, и я как раз попросил его позвонить дяде. Тони – мой друг и напарник. Мы с ним дежури́м на входе с четырех дня до восьми вечера, а с восьми до полуночи – в яме. Яма – зал перед сценой, где сидят джентльмены.

Детектив Андерсон: Мистер Росс также сказал, что около половины девятого вы встретили в клубе знакомого.

Болтон: Вы о тренере Ти? Слушайте, вы же не думаете, что это он убил того парнишку? Тренер Ти – классный мужик, очень порядочный. У него тренировались племянники Тони. В футбольной секции и в Малой лиге. Я удивился, когда увидел его в нашем клубе, но не так чтобы сильно. Вы даже не представляете, кто к нам ходит: банкиры, юристы, даже парочка священнослужителей. Но как говорят в Лас-Вегасе, что происходит в «Джентльменах», остается в...

Детектив Андерсон: Да, я уверен, что тайна клуба – как тайна исповеди.

Болтон: Вот вы сейчас шутите, а так оно и есть. В нашем бизнесе по-другому нельзя.

Детектив Андерсон: Просто для протокола, Клод: тренер Ти – это Терри Мейтленд?

Болтон: Да, конечно.

Детектив Андерсон: Расскажите, как вы с ним встретились в клубе.

Болтон: Ну, мы же не постоянно находимся в яме. У нас есть и другие обязанности. Но в зале дежури́м большую часть смены. Смотрим, чтобы никто не хватал наших девчонок. Если вдруг затевается драка, пресекаем ее на корню – когда парни заводятся, из них прет агрессия. Да вы сами, наверное, с этим сталкивались по работе. Но неприятности могут случиться не только в яме, просто там – вероятнее всего. Поэтому мы и дежури́м по двое. Один всегда остается в яме, второй курсирует по всему клубу: бар, маленький зальчик с видеоиграми и бильярдом, приватные стриптиз-кабинки и, конечно, сортир. Если кто вдруг приторговывает наркотой, то как раз в туалете, и если мы что-то такое видим, то сразу вышвыриваем их из клуба. И продавцов, и покупателей.

Детектив Андерсон: Говорит человек, отсидевший за хранение наркотиков и за хранение с целью продажи.

Болтон: При всем уважении, сэр, вот сейчас было обидно. Я уже шесть лет как чист. Курс лечения, анонимные наркоманы, все дела. Хотите, сдам вам мочу? Могу прямо сейчас.

Детектив Андерсон: В этом нет необходимости. Я рад, что вы смогли преодолеть пагубную зависимость и начать новую жизнь. Значит, около половины девятого вы курсировали по клубу...

Болтон: Все верно. Я заглянул в бар, потом пошел проверить сортир – и в коридоре увидел тренера Ти. Он как раз вешал трубку. Там у нас два телефона-автомата, но один не работает. Он был...

Детектив Андерсон: Клод? Что-то вы отключились.

Болтон: Просто думаю, вспоминаю. Вид у него был какой-то странный. Как будто пришибленный. Вы правда считаете, что он убил того парнишку? Я-то подумал, что все потому,

что он в первый раз оказался в таком интересном месте, где юные барышни раздеваются перед публикой. Иногда так бывает, мужики словно тупеют. Или, может, он был под кайфом. Я сказал: «Привет, тренер Ти. Как команда, готова к бою?» А он смотрит так, будто видит меня впервые, хотя я ходил на все матчи детской футбольной команды, когда там играли Стиви и Стэнли, и подробно ему объяснял, как проводить двойной реверс, а он сказал, что они так не делают, мол, слишком сложный прием для детишек. Хотя если в школе их учат делению в столбик, то уж двойной реверс они в состоянии освоить, как думаете?

Детектив Андерсон: Вы уверены, что это был Терри Мейтленд?

Болтон: О господи, да. Он сказал, что команда настроена на победу и что он зашел на минуточку, только вызвать такси. Ну, типа, как мы говорим, что читаем «Плейбой» исключительно из-за статей, если жена вдруг обнаружит журнал в туалете. Но я ничего не сказал. В «Джентльменах» клиент всегда прав, при условии, что он не пытается хватать девок за сиськи. Я сказал ему, что на стоянке наверняка есть такси. Может, и не одно. Он ответил, что диспетчер сказал то же самое, поблагодарил меня и ушел.

Детектив Андерсон: Как он был одет?

Болтон: Джинсы, желтая рубашка. На ремне – пряжка в виде лошадиной головы. Дорогие кроссовки. Я это запомнил, потому что кроссовки и вправду были крутые. Явно не из дешевых.

Детектив Андерсон: Вы были единственным, кто видел его в клубе?

Болтон: Нет, я видел, как ему махали, когда он шел к выходу. Два-три человека. Не знаю, кто это был, и вряд ли вы их найдете, потому что не каждый признается, что посещает подобные заведения. Такие дела. Я не удивился, что его узнали. Терри у нас вроде как знаменитость. Пару лет назад ему даже вручили какую-то награду, я видел в газете. Флинт-Сити только что называется Сити, а вообще это маленький городок, где почти все всех знают, по крайней мере, в лицо. И все, у кого есть сыновья с хоть какой-нибудь склонностью к спорту, знают тренера Ти по бейсбольной или футбольной секции.

Детектив Андерсон: Спасибо, Клод. Вы мне очень помогли.

Болтон: Я помню еще кое-что. Вроде бы ерунда, но вообще стремно, если он и вправду убил того мальчика.

Детектив Андерсон: Я слушаю.

Болтон: Это была случайность. Он направлялся к выходу, чтобы найти такси, так? А я протянул ему руку и сказал: «Хочу поблагодарить вас, тренер, за все, что вы сделали для племянников Тони. Они хорошие ребята, но чуток буйные, может быть, из-за того, что их родители разводятся. С вами они занимались делом, а так бы болтались по городу и точно нарвались бы на неприятности». Кажется, он удивился. Потому что сначала отпрянул, но потом все же пожал мою руку. Рукопожатие у него было крепкое. Видите эту царапину у меня на руке? Он случайно задел меня ногтем мизинца. Ранка уже зажила, да и была пустяковой, но на секунду я вспомнил свои наркоманские времена.

Детектив Андерсон: Почему?

Болтон: Некоторые ребята – обычно «Ангелы ада» или «Апостолы дьявола» – специально отращивают на мизинце длинный ноготь. Я сам видел такие ногти. Покруче, чем у тех императоров в Древнем Китае. Некоторые байкеры даже украшают их эмблемами и черепушками. И называют кокаиновым ногтем.

17

После ареста на бейсбольном матче у Ральфа уже не было возможности сыграть доброго полицейского в сценарии «добрый полицейский/злой полицейский», поэтому он просто стоял, прислонившись к стене в комнате для допросов, и молча слушал. Он приготовился к новой порции укоризненных взглядов, но Терри лишь мельком взглянул на него, совершенно без

всякого выражения, и сосредоточил внимание на Билле Сэмюэлсе, который уселся на один из трех стульев на другой стороне стола.

Глядя на Сэмюэлса, Ральф начал понимать, почему тот так быстро поднялся до таких высот. Когда они оба стояли по другую сторону зеркала, окружной прокурор просто выглядел слегка несолидным для своей должности. Теперь, сидя напротив насильника и убийцы Фрэнка Питерсона, Сэмюэлс казался еще моложе, словно стажер в юридической фирме, которому поручили (скорее всего из-за путаницы в документах) провести допрос матерого преступника. Даже смешной хохолок на макушке лишь добавлял достоверности его образу неопытного юнца, который искренне радуется тому, что ему поручили настоящее дело. Ты можешь рассказать мне все, говорили его широко распахнутые, заинтересованные глаза. Потому что я тебе поверю. Я впервые играю с большими ребятами и ничего не знаю.

– Здравствуйте, мистер Мейтленд, – сказал Сэмюэлс. – Я работаю в окружной прокуратуре.

Неплохое начало, подумал Ральф. Ты и есть окружная прокуратура.

– Вы только зря тратите время, – сказал Терри. – Я не буду ничего говорить, пока не придет мой адвокат. Скажу только, что в скором будущем вас ждет большое судебное разбирательство за необоснованный арест.

– Я понимаю, что вы расстроены. В такой ситуации каждый расстроится. Возможно, у нас получится все уладить прямо сейчас. Вы же можете мне сказать, что вы делали в то время, когда был убит Питерсон? В прошлый вторник, после обеда. Если вы были где-то в другом месте, тогда...

– Да, я был в другом месте, – перебил его Терри. – Но прежде чем обсуждать это с вами, я хочу обсудить все с моим адвокатом. Его зовут Ховард Голд. Когда он придет, я хочу поговорить с ним с глазу на глаз. Как я понимаю, это мое право? Поскольку, согласно презумпции невиновности, я ни в чем не виновен, пока не доказано обратное?

Быстро он взял себя в руки, подумал Ральф. Такое под силу не всякому закоренелому преступнику.

– Все верно, – сказал Сэмюэлс. – Но если вы невиновны...

– Даже и не пытайтесь, мистер Сэмюэлс. Меня сюда привезли вовсе не потому, что вы славный парень.

– На самом деле я славный парень, – совершенно серьезно ответил Сэмюэлс. – Если здесь какая-то ошибка, я не меньше вас заинтересован в том, чтобы ее исправить.

– У вас на макушке торчит хохолок, – заметил Терри. – Надо что-то с ним сделать. А то вы похожи на Альфальфу из старых комедий, которые я смотрел в детстве.

Ральф, конечно, не рассмеялся, но уголок его рта все-таки дернулся. Он ничего не мог с этим поделать.

На миг выбитый из колеи, Сэмюэлс провел рукой по макушке, приглаживая хохолок. Тот на секунду улегся, затем снова поднялся.

– Вы уверены, что не хотите все прояснить прямо сейчас? – Сэмюэлс наклонился вперед. Его искреннее выражение лица явно говорило о том, что Терри совершает большую ошибку.

– Уверен, – ответил Терри. – И уверен, что подам на вас в суд. Даже не знаю, какая может быть компенсация за то, что вы сотворили сегодня – и не только со мной, но и с моей женой и детьми, – но я это выясню.

Еще пару секунд Сэмюэлс просидел в той же позе – наклонившись вперед, глядя на Терри в упор с искренней надеждой в глазах, – потом резко встал. Его взгляд посуровел.

– Хорошо, мистер Мейтленд. Вы можете поговорить со своим адвокатом, это ваше право. Никакой прослушки. Никакой аудио- и видеозаписи. Мы даже задернем занавеску. Если вы поторопитесь, то мы закончим уже сегодня. Завтра мне рано вставать на гольф.

Терри словно ослышался.

– *Гольф?*

– Он самый. Игра, в которой нужно загнать маленький мячик в лунку. Я не силен в гольфе, но в *этой* игре я силен, мистер Мейтленд. И уважаемый мистер Голд подтвердит, что мы можем держать вас под стражей без предъявления обвинений сорок восемь часов. Но вряд ли это понадобится. Если мы ничего не выясним, то уже в понедельник утром состоится суд, на котором вам будут предъявлены официальные обвинения. К тому времени сообщение о вашем аресте пройдет в новостях по всему штату, и на суд съедутся репортеры. Я уверен, фотографии постараются вас заснять в выгодном свете.

Сказав свое предположительно последнее слово, Сэмюэлс прошествовал к выходу (Ральф подумал, что замечание Терри насчет хохолка все-таки его задело). Но прежде чем он открыл дверь, Терри сказал:

– Слушай, Ральф.

Ральф обернулся. Терри был абсолютно спокоен, что в сложившихся обстоятельствах можно считать выдающимся достижением. Или нет. Иногда настоящие социопаты проявляют непрошибаемое спокойствие после первоначального шока. Ральф уже с таким сталкивался.

– Я не буду ничего обсуждать, пока не приедет Хоуи, но кое-что я тебе все же скажу.

– Мы вас слушаем. – Сэмюэлс очень старался не выдать своего нетерпения, но изменился в лице, когда услышал следующие слова Терри:

– У Дерек был лучший дрэг-бант из всех, кого я тренировал.

– Не надо, – сказал Ральф. Он сам слышал, как ярость дрожит в его голосе, словно вибратор. – Давай не будем об этом. Не хочу слышать, как ты произносишь имя моего сына. Ни здесь, ни сейчас, никогда.

Терри кивнул:

– Я понимаю. Мне тоже, знаешь ли, не хотелось, чтобы меня взяли под стражу на глазах у жены, дочерей и еще тысячи человек, многие из которых – мои соседи. Так что чуть-чуть потерпи и послушай. Ты мерзко со мной обошелся, так что слушай.

Ральф открыл дверь, но Сэмюэлс прикоснулся к его плечу, покачал головой и указал взглядом в угол, где горел красный огонек включенной видеокамеры. Ральф закрыл дверь и снова повернулся к Терри, скрестив руки на груди. Он не сомневался, что месть Терри за публичный арест будет довольно болезненной, но Сэмюэлс был прав. Пусть лучше подозреваемый говорит, чем замыкается и молчит до приезда своего адвоката. Слово за слово, одно за другое, а там, глядишь, что-то и промелькнет.

Терри сказал:

– Когда Дерек играл в Малой лиге, он был там почти самым мелким. Четыре фута десять дюймов, от силы одиннадцать. Я потом его видел – сказать по правде, в прошлом году я пытался заполучить его в нашу команду Городской молодежной лиги, – и он уже тогда вырос дюймов на шесть. К окончанию школы он будет выше тебя, можешь не сомневаться.

Ральф молчал.

– Вот такая малявка – и никогда не боялся брать биту и выходить на базу. А ведь многие боятся. Но Дерек сам рвался в бой и вставал даже против ребят, швырявших мяч как бог на душу положит. Несколько раз ему здорово прилетало, но он не отступал.

Да, это правда. Ральф видел синяки на теле сына после некоторых матчей: на бедре, на ягодице, на руке, на плече. Однажды даже на затылке. Эти синяки сводили Джанет с ума, и ее совершенно не утешало, что Дерек, как и положено, играет в шлеме; каждый раз, когда Дерек вставал на позицию отбивающего, она вцеплялась в руку Ральфа, царапая кожу ногтями, в страхе, что единственный сын когда-нибудь все же получит мячом между глаз и упадет в кому. Ральф уверял ее, что этого не случится, но был рад не меньше Дженни, когда Дерек решил, что ему больше подходит теннис. Мячи там помягче.

Терри наклонился вперед и даже слегка улыбнулся.

– Обычно такие мелкие пацаны добывают команде уоки – как раз на это я и надеялся сегодня, когда выставил Тренора Майклза отбивать, – но Дерек был не из таких. Он бросался на все подряд. Вправо, влево, над головой, в землю – он все равно махал битой. В команде его прозвали Мельница Андерсон, потом переименовали в Мыльницу, и прозвище прилипло. Ну, на какое-то время.

– Очень интересно, – сказал Сэмюэлс. – Но может быть, лучше поговорим о Фрэнке Питерсоне?

Терри не сводил взгляда с Ральфа.

– Короче говоря, я понял, что уока от него не добьешься, и решил научить его банту. Многие мальчики его возраста – лет десяти-одиннадцати – не рискуют отбивать бантом. Ну, то есть они понимают, как это делается, но не хотят выставляться с битой вперед, особенно если питчер знает свое дело. Ведь может попасть по пальцам, а это ой как неприятно. Но только не Дерек. Смелости твоему парню точно не занимать. Кроме того, он еще и носится как угорелый, и много раз так бывало, что я просил его выполнить «дохлый» бант, а он в итоге брал хит за базу.

Ральф не кивнул и вообще никак не проявил интереса, но он знал, о чем говорит Терри. Он видел эти банты и сам вопил как оглашенный, когда его сын несся по полю, словно клюнутый жареным петухом.

– Главное было научить его ставить биту под нужным углом, – сказал Терри, выставив руки перед собой для наглядности. На ладонях осталась засохшая грязь, видимо, еще с тренировки перед сегодняшним матчем. – Направишь влево, и мяч летит к третьей базе. Скосишь вправо – к первой. Не надо далеко выносить биту, чаще всего пользы от этого никакой, только вручишь мяч питчеру на блюдечке. Просто в последнюю долю секунды надо немножко ее подтолкнуть – и готово. Он быстро ухватил идею. Ребята перестали звать его Мыльницей и дали новое прозвище. Когда ближе к концу игры кто-то из наших занимал первую или третью базу, противники понимали, что он сбросит мяч. Никаких кривляний – как только питчер заканчивал бросок, бита уже летела через базу, и вся скамья запасных – да и мы с Гэвином – вопили: «Давай, Дерек! Жми!» Так его и называли весь год после победы в окружном чемпионате, Жми-Андерсон. Ты знал об этом?

Нет, Ральф не знал. Может быть, потому, что такие вещи не выносятся за пределы команды. Но он знал, что в то лето Дерек изрядно подрос. Он стал больше смеяться и подолгу задерживаться с ребятами после матчей вместо того, чтобы сразу плестись к машине, понуриив голову.

– Он всего добивался сам – тренировался как проклятый, пока не начало получаться, – но именно я уговорил его попытаться. – Терри помедлил и тихо добавил: – А ты так со мной обошелся. У всех на глазах.

Ральф почувствовал, что у него горят щеки. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Сэмюэлс вывел его из комнаты, чуть ли не вытолкнул за дверь. На пороге Сэмюэлс на миг задержался и бросил через плечо:

– Это не Ральф так с тобой обошелся, Мейтленд. Это ты сам так с собой обошелся.

Когда они снова встали у одностороннего зеркала в соседней комнате, Сэмюэлс спросил, все ли с Ральфом в порядке.

– Со мной все в порядке, – ответил Ральф. Его щеки горели до сих пор.

– Эти ребята умеют залезть к тебе в душу. Не все, конечно. Но есть мастера. Ты же сам знаешь, да?

– Да.

– И ты знаешь, что это он? У меня еще не было дела, где все так прозрачно и очевидно.

Вот это меня и беспокоит, подумал Ральф. Раньше не беспокоило, а теперь беспокоит. Я понимаю, что Сэмюэлс прав, и все равно что-то меня беспокоит.

– Ты обратил внимание на его руки? – спросил Ральф. – Когда он показывал, как учил Дерека держать биты, ты видел его руки?

– Ну да. А что с ними?

– На мизинцах нет длинных ногтей, – сказал Ральф. – Ни на правой руке, ни на левой.

Сэмюэлс пожал плечами:

– Может, он их состриг. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

– Да, – ответил Ральф. – Просто я...

Дверь между административными помещениями и отделением для задержанных зажуужала и распахнулась. Человек, быстро зашагавший по коридору, был одет по-домашнему, в старые джинсы и футболку с эмблемой Техасского христианского университета, рогатой лягушкой, но квадратный портфель в руках сразу выдавал адвоката.

– Привет, Билл, – сказал он. – Привет и тебе, детектив Андерсон. Кто из вас мне объяснит, почему вы арестовали почетного гражданина, которого в две тысячи пятнадцатом выбрали человеком года во Флинт-Сити? Это просто ошибка, которую мы сейчас быстро исправим, или вы тут совсем охренели?

Ховард Голд прибыл в участок.

18

Кому: Окружному прокурору Уильяму Сэмюэлсу

Начальнику полиции Флинт-Сити Родни Геллеру

Шерифу округа Флинт Ричарду Дулину

Капитану Эйвери Рудольфу, отделение № 7 полиции штата

Детективу Ральфу Андерсону, полицейское управление Флинт-Сити

От кого: Лейтенанта Юнела Сабло, отделение № 7 полиции штата

Дата: 13 июля

Тема: Транспортный узел Фогель, Даброу

По запросу ОП Сэмюэлса и детектива Андерсона сегодня, 13 июля, я прибыл на транспортный узел Фогель в 14:30. Фогель – главный узел наземного транспорта в южной части штата, где располагаются станции трех крупнейших компаний автобусных пассажирских перевозок («Грейхаунд», «Трейлуэйз» и «Мид-Стейт»), а также железнодорожный вокзал и ряд агентств по прокату автомобилей («Херц», «Эйвис», «Энтерпрайз», «Аламо»). Поскольку во всех зонах транспортного узла установлены камеры видеонаблюдения, я направился прямо в отдел безопасности, где меня встретил Майкл Кэмп, начальник охраны Фогеля. Он был предупрежден и уже все подготовил. Записи с камер видеонаблюдения хранятся в течение 30 суток, и база данных полностью компьютеризирована, что дало мне возможность просмотреть записи с 16 камер, сделанные вечером 10 июля.

По словам мистера Клинтона Элленквиста, диспетчера таксопарка Флинт-Сити, бывшего на дежурстве вечером 10 июля, водитель Ива Дождевая Вода позвонила в 21:30 и сообщила, что доставила пассажира на место. Ночной поезд в Даллас, на который, согласно показаниям мисс Дождевая Вода, должен был сесть объект текущего расследования, прибыл на станцию в 21:50. Пассажиры сошли с поезда на платформу 3. Посадка новых пассажиров, на той же платформе 3, началась в 21:57. Поезд отправился в 22:12. Время установлено точно, поскольку прибытия и отправления поездов отмечает компьютер.

Мы с мистером Кэмпом просмотрели записи со всех 16 камер, сделанные 10 июля с 21:00 (чтобы перестраховаться) до 23:00, то есть примерно еще 50 минут после отправления поезда Даллас – Форт-Уэрт. Копии всех интересующих нас фрагментов я сохранил себе на айпад и предоставляю их вместе с подробным докладом, но в силу срочности и чрезвычайного харак-

тера ситуации (по заявлению ОП Сэмюэлса) считаю необходимым сообщить вкратце самое основное:

21:33: Объект наблюдения входит в здание железнодорожного вокзала через северный вход, где таксисты обычно высаживают пассажиров. Проходит через вестибюль. Желтая рубашка, синие джинсы. Багажа нет. Его лицо четко видно в записи в течение 2–4 секунд, когда он смотрит на большое табло с электронными часами (стоп-кадры отправлены на электронные адреса ОП Сэмюэлса и детектива Андерсона).

21:35: Объект останавливается у газетного киоска в центре главного вестибюля. Покупает книгу в обложке, расплачивается наличными. Названия книги не видно, киоскер не помнит, но можно попробовать выяснить, если потребуется. На этих кадрах видна пряжка на ремне в виде конской головы (стоп-кадры отправлены на электронные адреса ОП Сэмюэлса и детектива Андерсона).

21:39: Объект выходит из здания железнодорожного вокзала на Монтроз-авеню (южный вход). Этим входом, хотя и открытым для публики, в основном пользуются сотрудники Фогеля, так как с той стороны здания располагается служебная автостоянка. На ней установлены две камеры слежения. Объект не зафиксирован в записях с этих камер, но при просмотре мы с мистером Кэмпом оба заметили скользнувшую сбоку тень. Возможно, это был наш объект, направлявшийся вправо, в сторону служебной дорожки.

Объект не приобретал билета на поезд Даллас – Форт-Уэрт ни в кассах вокзала, ни в билетных автоматах, ни за наличные, ни по банковской карте. Просмотрев несколько раз запись с камеры на платформе 3, я могу с большой долей уверенности утверждать, что объект не выходил на платформу и не садился в поезд.

Из чего я делаю вывод, что поездка объекта в Даброу, вероятно, являлась попыткой проложить ложный след и сбить с толку возможных преследователей. Я полагаю, что объект вернулся во Флинт-Сити либо с помощью неизвестного нам сообщника, либо поймав попутку. Также не исключено, что он попросту угнал машину. В полицейское управление Даброу не поступало ни одного заявления об угоне автомобиля из кварталов, прилегающих к Фогелю, вечером 10 июля. Но как говорит мистер Кэмп, машина могла быть угнана с долгосрочной автостоянки. В этом случае ее пропажа обнаружится только через неделю, если не больше.

Запись с камер видеонаблюдения на долгосрочной автостоянке также имеется и при необходимости будет предоставлена следствию, однако зона покрытия этих камер не охватывает всю площадь стоянки. Кроме того, мистер Кэмп говорит, что эти камеры часто ломаются и в скором времени будут полностью заменены. Я думаю, что на данный момент нам лучше заняться расследованием по другим направлениям.

С уважением,

лейтенант *Ю. Сабло*

См. прикрепленные файлы

19

Ховард Голд пожал руки Сэмюэлсу и детективу Андерсону. Потом внимательно посмотрел сквозь стекло на Терри Мейтленда в его футболке с эмблемой «Золотых драконов» и счастливой бейсболке, которую тот всегда надевал на матчи своих команд. Терри сидел, расправив плечи и высоко держа голову. Спина прямая, руки спокойно лежат на столе. Он не ерзал, не дергался, не бросал нервные взгляды по сторонам. И совершенно не производил впечатления виновного, подумал Ральф.

Наконец Голд повернулся обратно к Сэмюэлсу.

– Говори, – сказал он, словно подал команду собаке.

– Да пока нечего говорить, Ховард. – Сэмюэлс рассеянно пригладил хохолок на макушке. Тот секунду лежал, потом снова поднялся. Ральфу вспомнилась коронная фраза Альфальфы, над которой они с братом хихикали в детстве: *Друзей, которых встречаешь всего раз в жизни, встречаешь всего раз в жизни.* – Только скажу, что это не ошибка. И мы не охренели.

– Что говорит Терри?

– Пока ничего, – сказал Ральф.

Голд повернулся к нему, сверкнув голубыми глазами из-за стекол круглых очков.

– Ты не понял, Андерсон. Я имею в виду, не сегодня. Я знаю, что он ничего не сказал вам сегодня, он же должен соображать. Я имею в виду, на предварительном допросе. Все равно он мне расскажет, так что можно не делать из этого тайны.

– Не было предварительного допроса, – сказал Ральф. И он совершенно не должен был стыдиться своих решений, только не с расследованием, которое заняло всего четыре дня. Но Ральф все равно чувствовал себя неудобно. Отчасти из-за того, что Хоуи Голд обратился к нему по фамилии, как будто они никогда не угощали друг друга пивом в «Оглобле» через дорогу от здания окружного суда. У него вдруг возникло совершенно нелепое желание сказать Хоуи: *Не смотри на меня, смотри на этого парня рядом со мной. Это он жрал на газ.*

– Что?! погоди. погоди, дай подумать.

Засунув руки в передние карманы джинсов, Голд принялся раскачиваться на месте, с мыска на пятку, с пятки на мысок. Ральф видел это не раз, в окружном и районном судах, и теперь мысленно взял себя в руки. Когда в перекрестном допросе участвовал Хоуи Голд, это был не самый приятный опыт. Но Ральф никогда не держал зла на Хоуи. Это был просто рабочий момент, одно из необходимых движений процессуальной пляски.

– То есть ты арестовал его на глазах у двух тысяч зрителей, даже не дав ему шанса *объясниться*?

Ральф сказал:

– Ты отличный адвокат защиты, но даже сам Господь Бог не сумел бы добиться оправдательного приговора для Мейтленда. Кстати, на стадионе было от силы полторы тысячи человек. Две тысячи там не поместятся при всем желании. Трибуны обвалятся.

Голд проигнорировал эту убогую попытку разрядить обстановку. Теперь он смотрел на Ральфа так, словно тот был насекомым какого-то нового вида.

– Но его арестовали в общественном месте, в момент, можно сказать, его апофеоза...

– Апофигея, – улыбнулся Сэмюэлс.

Голд проигнорировал и его тоже. Он по-прежнему смотрел на Ральфа.

– Ты мог бы выставить скрытое оцепление стадиона и арестовать его дома, уже после матча. Но его взяли под стражу прилюдно, на глазах у жены и дочерей. Это было осознанное решение. Что на тебя нашло? Господи, что на тебя *нашло*?

Ральф почувствовал, что у него опять горят щеки.

– Ты действительно хочешь знать, адвокат?

– Ральф, – сказал Сэмюэлс, предостерегающе положив руку ему на плечо.

Ральф стряхнул его ладонь.

– Я не присутствовал при аресте. Отправил двух офицеров, а сам ждал у машины. Потому что боялся, что придушу его голыми руками прямо там, на стадионе. Что подкинуло бы тебе работенки. – Он шагнул к Голду, намеренно вторгаясь в его личное пространство, чтобы тот перестал раскачиваться на месте. – Он заманил Фрэнка Питерсона к себе в машину и отвез в Хенли-парк. Изнасиловал веткой дерева и убил. Хочешь знать, *как* он его убил?

– Ральф, это не подлежит разглашению! – пискнул Сэмюэлс.

Ральф не обратил на него внимания.

– Предварительная экспертиза установила, что он разорвал мальчику горло *зубами*. И возможно, *съел* вырванные куски. После чего так возбудился, что спустил штаны и залил спер-

мой все бедра парнишки. Видит бог, это самое жуткое, самое зверское, самое *немыслимое* убийство из всех, что нам приходилось расследовать. Вероятно, он долго вынашивал планы. Ты не видел, что было на месте преступления. Такое и в страшном сне не приснится. И все это сотворил Терри Мейтленд. *Тренер Ти*. Который не так давно трогал своими руками руки моего сына, когда показывал, как держать биты для банта. Он мне сейчас рассказал. Как будто это снимает с него вину.

Голд уже не смотрел на него как на редкое насекомое. Сейчас у Хоуи было такое лицо, словно он нашел у себя во дворе артефакт, оставленный на Земле космическими пришельцами. Ральфу было все равно.

– У тебя тоже есть сын... Томми, да? Он занимается в детской футбольной секции, которую ведет Терри. И ты пошел туда вторым тренером как раз потому, что там играет твой сын. Терри и его тоже трогал руками. А теперь ты собираешься его защищать?

– Ральф, давай ты сейчас замолчишь, – сказал Сэмюэлс.

Голд прекратил раскачиваться, но явно не собирался сдавать позиции и по-прежнему разглядывал Ральфа чуть ли не с антропологическим интересом.

– Даже не вызвал его для беседы... – выдохнул он. – Даже не допросил. Я никогда... *Никогда...*

– Да ладно тебе, Хоуи, – сказал Сэмюэлс с напускной бодростью. – Ты видел все. Многое даже дважды.

– Мне надо с ним поговорить, – отрывисто произнес Голд. – Отключайте свои записывающие хреновины и закрывайте шторку.

– Хорошо, – сказал Сэмюэлс. – У вас есть пятнадцать минут, а потом мы к вам присоединимся. Послушаем, что скажет тренер.

Голд заявил:

– Мне нужен час, мистер Сэмюэлс.

– Полчаса. Затем мы либо запишем его признание – что предположительно станет решающим фактором в выборе между смертельной инъекцией и пожизненным заключением в Макалестере, – либо он отправится в камеру до суда, который назначен на понедельник. Выбирайте. Но если ты думаешь, что это решение далось нам легко, то ты ошибаешься.

Голд подошел к двери. Ральф провел карточкой по считывающему устройству. Двойной замок щелкнул, и дверь открылась. Адвокат вошел в комнату для допросов. Ральф вернулся к одностороннему зеркалу. Сэмюэлс внутренне напрягся, когда Мейтленд поднялся навстречу Голду, протянув к нему руки. Но лицо Мейтленда выражало только облегчение, без всякой агрессии. Он обнял Голда, и тот бросил портфель на стол и тоже обнял Мейтленда.

– Крепкие дружеские объятия, – бросил Сэмюэлс. – Какая прелесть.

Голд повернул голову, словно услышал его слова, и указал пальцем на камеру с горящим красным огоньком.

– Выключите ее, – донесся его голос из динамика. – И звук тоже. И задерните шторку.

Выключатели располагались на настенной панели, рядом с аппаратурой для аудио- и видеозаписи. Ральф щелкнул рычажками. Красный огонек на камере в комнате для допросов погас. Ральф кивнул Сэмюэлсу, и тот закрыл шторку на смотровом зеркале. Шелест, который она издала, пробудил у Ральфа неприятные воспоминания. Трижды – еще до того, как Билл Сэмюэлс получил должность окружного прокурора, – Ральф присутствовал при исполнении смертного приговора в Макалестере. Там была точно такая же шторка (может быть, произведенная той же компанией!) на окне между камерой для казни и смотровой комнатой. Ее открывали, когда свидетели входили в смотровую комнату, и закрывали, когда врач констатировал смерть осужденного. Она издавала такой же неприятный шорох.

– Я пока сбегая в «Зоуни» за гамбургером, – сказал Сэмюэлс. – Слишком нервничал и не пообедал. Тебе чего-нибудь взять?

- Возьми кофе. Без молока, одна порция сахара.
- Ты уверен? Я пробовал кофе в «Зоуни». Его не зря называют «Черной смертью».
- Я рискну, – ответил Ральф.
- Хорошо. Я вернусь минут через пятнадцать. Если они управятся раньше, без меня не начинайте.

Без него не начнут, можно не сомневаться. Уже было понятно, что теперь этим шоу заправляет Билл Сэмюэлс. Вот и хорошо, решил Ральф. Пусть вся слава достанется Сэмюэлсу, если в таком жутком деле можно говорить о славе. Ральф сел на стул рядом с копировальным аппаратом, тихонько жужжавшим в спящем режиме. Глядя на задернутую занавеску, попытался представить, о чем говорит Терри Мейтленд со своим адвокатом, какое он измышляет алиби.

Ральф поймал себя на мысли об огромной индейской женщине, которая забрала Мейтленда у клуба «Джентльмены, для вас» и отвезла на вокзал в Даброу. *Я тренирую баскетбольную Лигу прерий в Юношеской христианской ассоциации*, сказала она. *Мейтленд частенько ходил к нам на матчи, сидел с родителями на трибунах, наблюдал, как детишки играют. Он мне говорил, что ищет таланты для своей Городской молодежной лиги...*

Она его знала, и он тоже должен был ее знать. Колоритную даму таких габаритов трудно забыть. И все же в такси он обратился к ней «мэм». Почему? Потому что помнил ее в лицо, но не помнил, как ее зовут? Возможно, но как-то маловероятно. Ива Дождевая Вода – имя запоминающееся.

– Ну, у него был стресс, – пробормотал Ральф, обращаясь то ли к себе, то ли к дремлющему копировальному аппарату. – К тому же...

Всплыло еще одно воспоминание, а вместе с ним – объяснение, почему Мейтленд назвал Иву «мэм». Это последнее объяснение нравилось Ральфу гораздо больше. Его младший брат Джонни (между ними было три года разницы) совсем не умел играть в прятки. Частенько он попросту забегал в спальню и набрасывал на голову одеяло, рассуждая примерно так: если я не вижу Ральфи, то и Ральфи меня не видит. Могло быть такое, что человек, только что совершивший убийство, прибег к этому детскому «волшебству»? *Если я не знаю тебя, то и ты меня тоже не знаешь*. Логика совершенно безумная, да, но ведь и преступление было не самым обычным. Такое мог совершить только безумец. И тогда это многое объясняет. Например, почему Мейтленд подумал, что ему все сойдет с рук, и вернулся во Флинт-Сити, где его знали практически все.

Но были еще показания Карлтона Скоукрофта. Ральф очень живо представил, как Хоуи Голд берет ручку и подчеркивает ключевой фрагмент в показаниях Скоукрофта, готовя свою заключительную речь в суде. Возможно, стянув идею у адвоката Оу-Джея Симпсона. *Раз перчатка ему не подходит, значит, надо его оправдать*, сказал Джонни Кокран. *Раз он не знал, надо его отпустить*, может сказать Голд.

Конечно, это не сработает. Тут совсем другой случай, и все же...

По словам Скоукрофта, Мейтленд объяснил кровь у себя на лице и одежде кровотечением из носа. Мол, с ним такое бывает. *Хлещит, как гейзер*, сказал Терри. *Тут где-то поблизости есть медпункт?*

Вот только Терри Мейтленд прожил во Флинт-Сити всю жизнь, за исключением четырех лет, которые провел в колледже. Зачем ему указатели, чтобы проехать в больницу? Зачем он вообще спрашивал, где больница? Он сам должен был знать.

Сэмюэлс вернулся с завернутым в фольгу гамбургером, кока-колой и бумажным стаканчиком кофе для Ральфа.

– Тут пока тихо?

– Ага. У них есть еще двадцать минут, по моим часам. Когда они закончат, я все же попробую его уломать, чтобы он сдал мазок на анализ ДНК.

Сэмюэлс развернул гамбургер и с опаской приподнял верхнюю булочку.

– О господи, – сказал он. – Похоже на пробы, которые парамедики соскребают с обгоревших тел. – Но все равно начал есть.

Ральф подумал, что, может быть, стоит сказать Сэмюэлсу о разговоре Терри с Ивой Дождевой Водой и о странном вопросе Терри насчет медпункта, но промолчал. Подумал, что, может быть, стоит упомянуть еще одну странность: Терри даже не попытался изменить внешность, пусть хотя бы с помощью темных очков, – но опять промолчал. Он уже поднимал эти вопросы, и Сэмюэлс от них отмахнулся, вполне резонно заметив, что они не имеют значения, когда есть показания многочисленных свидетелей и вполне однозначные данные криминалистической экспертизы.

Кофе был мерзким, как и предсказывал Сэмюэлс, но Ральф все равно его выпил, и тут как раз Голд нажал кнопку вызова, чтобы его выпустили из комнаты для допросов. Когда Ральф Андерсон увидел лицо адвоката, у него что-то оборвалось в животе. На лице Голда не было злости, тревоги или того театрального возмущения, которое так мастерски изображают некоторые адвокаты, когда понимают, что их подопечный в глубоком дерьме. Нет, Хоуи смотрел с сочувствием, и это сочувствие было искренним.

– Ой-вей, – сказал он. – У вас, парни, большие проблемы.

20

ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА ФЛИНТ-СИТИ ОТДЕЛЕНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ И СЕРОЛОГИИ

Кому: *Детективу Ральфу Андерсону Лейтенанту Юнелу Сабло Окружному прокурору Уильяму Сэмюэлсу*

От кого: *Доктора Эдварда Богана*

Дата: *14 июля*

Тема: *Группа крови и ДНК*

Кровь:

Образцы крови были взяты на анализ с ряда предметов.

Первый предмет: ветка дерева, посредством которой было совершено анальное насилие над жертвой, Фрэнком Питерсоном, белым ребенком мужского пола, 11 лет от роду. Ветка имеет следующие размеры: примерно 22 дюйма в длину и 3 дюйма в диаметре. Слой коры на нижней половине ветки полностью содран, предположительно из-за грубых манипуляций преступника (см. прикрепленное фото). На этом гладком участке обнаружены четкие отпечатки пальцев; они были сфотографированы и сняты криминалистами полиции штата, после чего улику для последующей экспертизы передали мне лично в руки детектив Ральф Андерсон (полицейское управление Флинт-Сити) и сотрудник полиции штата Юнел Сабло (отделение № 7). Соблюдение правил передачи и хранения вещественных доказательств подтверждаю.

Кровь на последних 5 дюймах нижнего, гладкого, участка ветки относится к группе 0 с положительным резус-фактором, совпадающей с группой крови убитого, что подтверждает участковый врач Фрэнка Питерсона, Гораций Коннолли. Многочисленные следы крови 0(+) присутствуют на всей поверхности ветки, что обусловлено так называемым «отплеском», или «оттоком», когда кровь жертвы, подвергаемой грубому сексуальному насилию, брызжет вверх. Есть все основания предполагать, что брызги отплеска попали на кожу и одежду преступника.

На ветке также присутствует кровь, относящаяся к другой, более редкой группе. Группа АВ(+) (встречается только у 3 % населения). Я считаю, что это кровь преступника, и предполагаю, что он мог пораниться, орудуя веткой (очевидно, с немалым усилием).

Многочисленные следы крови группы 0(+) были обнаружены на водительском сиденье, рулевом колесе и приборной панели микроавтобуса «эконолайн» 2007 года выпуска, брошенного на служебной автостоянке у бара «Шорти» (Мэйн-стрит, дом 1124). Незначительные следы крови группы АВ(+) обнаружены на рулевом колесе микроавтобуса. Образцы крови для последующей экспертизы передали мне лично в руки сержант Элмер Стэнтон и сержант Ричард Спенсер из отдела криминалистики полиции штата. Соблюдение правил передачи и хранения вещественных доказательств подтверждаю.

Большое количество крови группы 0(+) обнаружено на одежде (рубашка, брюки, носки, кроссовки «Адидаас», мужские трусы), извлеченной из «субару» 2011 года выпуска, найденной на заброшенном лодочном причале близ шоссе № 72 (также известном как Олд-Фордж-роуд). На левом манжете рубашки присутствуют незначительные следы крови группы АВ(+). Эти образцы для последующей экспертизы передали мне лично в руки сотрудник полиции штата Джон Корита (отделение № 7) и сержант Спенсер (ОКПШ). Соблюдение правил передачи и хранения вещественных доказательств подтверждаю. На момент подготовки настоящего доклада в салоне «субару» не обнаружено следов крови группы АВ(+). Возможно, ее обнаружат позже, однако не исключено, что все царапины и порезы, полученные злоумышленником в ходе совершения преступления, уже не кровоточили к тому моменту, когда он покинул «субару». Также не исключено, что он воспользовался бинтом или лейкопластырем, однако это представляется маловероятным, исходя из того, что количество собранных образцов крови группы АВ(+) слишком мало. Скорее всего это были лишь мелкие царапины.

Я настоятельно рекомендую как можно скорее установить группу крови вероятных подозреваемых ввиду относительной редкости группы АВ(+).

ДНК:

Очередь образцов, ожидающих экспертизы ДНК в Кэп-Сити, всегда велика, и при обычных обстоятельствах результаты могут быть получены лишь по прошествии нескольких недель и даже месяцев. Однако в связи с отягчающими обстоятельствами – крайней жестокостью данного преступления и малым возрастом жертвы – образцы, взятые на месте преступления, будут переданы на экспертизу во внеочередном порядке.

Наиболее важный из этих образцов – сперма, обнаруженная на ягодицах и бедрах жертвы. Однако имеются также образцы кожи, взятые с ветки, посредством которой был совершен акт насилия над несовершеннолетним Питерсоном, и образцы крови, о которых было подробно рассказано выше. Результат ДНК-экспертизы спермы, найденной на месте преступления, будет готов на следующей неделе. Сержант Стэнтон предположил, что, возможно, и раньше, но я не раз сталкивался с делами, требующими экспертизы ДНК, и могу с большой долей уверенности утверждать, что необходимые вам результаты будут готовы не раньше следующей пятницы, даже в таком неотложном деле.

Позволю себе добавить несколько слов вне протокола. Я не раз имел дело с вещдоками в рамках расследования убийств, но с таким зверским убийством столкнулся впервые. Лицо, совершившее данное преступление, необходимо немедленно взять под стражу.

Продиктовано в 11:00 доктором Эдвардом Боганом

21

Хоуи Голд закончил приватную беседу с Терри в 20:40, на десять минут раньше отведенного срока. К этому времени к Ральфу и Биллу Сэмюэлсу присоединились Трой Рэмидж и Стефани Гулд, сотрудница управления, заступившая на дежурство в 20:00. У нее с собой имелся запаянный полиэтиленовый пакет с набором для взятия образцов ДНК. Пропустив мимо ушей

ой-вей большие проблемы Голда, Ральф спросил у адвоката, не согласится ли его подзащитный сдать мазки слизистой для ДНК-экспертизы.

Хоуи придерживал дверь в комнату для допросов мыском ботинка, чтобы она не закрылась.

– Терри, они хотят взять образцы ДНК. Ты не против? Они все равно так или иначе их раздобудут, а мне надо кое-кому позвонить.

– Хорошо, – сказал Терри. У него под глазами уже обозначились темные круги, но его голос звучал спокойно. – Давайте сделаем все, что нужно, чтобы я смог выйти отсюда еще до полуночи.

Судя по голосу и выражению лица, он был абсолютно уверен, что его отпустят. Ральф с Сэмюэлсом переглянулись. Сэмюэлс приподнял брови и стал еще больше похож на Альфальфу.

– Позвони моей жене, – попросил Терри. – Скажи ей, что у меня все в порядке.

Хоуи улыбнулся.

– Это первый звонок в моем списке.

– Там в конце коридора хорошо ловит, – сказал Ральф.

– Я знаю, – кивнул Хоуи. – Я уже здесь бывал. Это вроде реинкарнации. – Он повернулся к Терри: – Ничего им не говори, пока я не вернусь.

Офицер Рэмидж взял у Терри два мазка, по одному с каждой щеки, и поднес их к камере, прежде чем убрать в пробирки. Офицер Гулд сложила пробирки в пакет, поднесла его к камере и заклеила красной наклейкой для вещдоков. Потом расписалась на бланке о передаче вещественных доказательств. Теперь Рэмидж и Гулд отнесут образцы в тесную каморку, служившую хранилищем вещдоков в управлении полиции Флинт-Сити. Там их снова предъявят камере наблюдения и занесут в базу данных. Два других офицера, возможно, из полиции штата, завтра доставят их в лабораторию в Кэп-Сити. Правила передачи и хранения вещественных доказательств будут неукоснительно соблюдены. Соблюдение правил передачи и хранения вещественных доказательств подтверждаю, как сказал бы доктор Боган. Звучит малость поидиотски, но это не шутка. Ральф не мог допустить, чтобы произошла хоть какая-то накладка. Никаких слабых звеньев. Никаких лазеек. Только не в этом деле.

Окружной прокурор Сэмюэлс собрался было войти в комнату для допросов, но Ральф его удержал. Ему хотелось послушать, что скажет Хоуи по телефону. Хоуи быстро переговорил с женой Терри – Ральф слышал, как он сказал: *Все будет хорошо, Марси*, а потом позвонил еще кому-то, сообщил, где находятся дочери Терри, и напомнил, что у дома Мейтлендов на Барнум-корт собралась толпа репортеров и действовать следует соответственно. Потом он вернулся в комнату для допросов.

– Ладно, давайте попробуем разобраться.

Ральф и Сэмюэлс уселись за стол напротив Терри. Стул между ними остался пустым. Хоуи решил не садиться. Он встал рядом со своим подзащитным и положил руку ему на плечо.

Улыбаясь, Сэмюэлс начал:

– Вы любите маленьких мальчиков, тренер?

Терри ответил без промедления:

– Я люблю всех детей. Не только мальчиков, но и девочек. У меня у самого две дочки.

– Я уверен, что ваши дочери любят спорт. Наверняка занимаются в какой-нибудь секции. Да и как же иначе, когда папа – тренер? Но вы, насколько я знаю, не тренируете девчоночьи команды. Ни баскетбол, ни софтбол, ни лакросс. Вы тренируете только мальчиков. Летом – бейсбол, осенью – футбол, зимой – баскетбол. Хотя на баскетболе, как я понимаю, вы просто зритель. Все эти субботние поездки на матчи... Поиск талантов, да? Посмотреть, подобрать перспективных ребят для своей Городской лиги. А заодно, быть может, оценить, как они смотрятся в спортивных трусах.

Ральф ждал, что Хоуи пресечет эту речь, но Хоуи молчал. Пока молчал. Его лицо сделалось абсолютно пустым. Его взгляд перемещался, от одного говорящего к другому. *Наверное, он мастерски играет в покер*, подумал Ральф.

Терри вдруг заулыбался.

– Это вам Ива сказала про баскетбол. Да, больше некому. Крутая барышня, да? Вы бы слышали, как она вопит на субботних матчах. *«Блокируй соперника, удерживай мяч, а теперь ЗАЛУПИ ЕГО В ДЫРКУ!»* Как у нее дела?

– Это вы мне скажите, – ответил Сэмюэлс. – Вы же с ней виделись во вторник вечером.

– Я не...

Хоуи сжал плечо Терри, не давая ему продолжить.

– Может, уже прекратим этот допрос с пристрастием? Просто скажите нам, почему вы забрали Терри.

– А вы скажите, где были во вторник вечером, – парировал Сэмюэлс. – Вы уже начали говорить, так что можете продолжать.

– Я был...

Но Хоуи Голд снова сжал плечо Терри, на этот раз крепче.

– Нет, Билл, так не пойдет. Скажите нам, на каких основаниях его обвиняют, иначе я обращусь к прессе и сообщу им, что вы арестовали по обвинению в убийстве Фрэнка Питерсона одного из самых уважаемых жителей Флинт-Сити, облили грязью его доброе имя, опозорили перед всеми, напугали его супругу и дочерей, но не желаете сказать почему.

Сэмюэлс взглянул на Ральфа, который только пожал плечами. Если бы здесь не было прокурора, Ральф уже перечислил бы все улики в надежде на быстрое чистосердечное признание.

– Давай, Билл, – сказал Хоуи. – Этому человеку пора домой, к семье.

Сэмюэлс улыбнулся, но его взгляд остался жестким. Это была не улыбка, а волчий оскал.

– С семьей он увидится на суде, Ховард. В понедельник.

Ральф буквально чувствовал, как цивилизованная беседа расползлась по швам, и винил в этом Билла, которого привело в бешенство и само преступление, и человек, его совершивший. Да, тут любой бы взбесился... но гнев плуга не тянет, как говаривал дедушка Ральфа.

– Пока мы не начали, у меня вопрос, – сказал Ральф с напускной бодростью в голосе. – Всего один. Разрешите, адвокат? Мы все равно это выясним.

Хоуи, кажется, был рад отвлечься от Сэмюэlsa.

– Ладно, давай свой вопрос.

– Терри, ты знаешь, какая у тебя группа крови?

Терри взглянул на Хоуи, который пожал плечами, и снова повернулся к Ральфу.

– Конечно, знаю. Я шесть раз в год сдаю кровь в Красный Крест, потому что у меня достаточно редкая группа.

– Эй-би положительная?

Терри растерянно моргнул.

– Откуда ты знаешь? – Потом, видимо, понял, каким будет ответ, и поспешно добавил: – Но не самая редкая. Самая редкая – это эй-би отрицательная. Один процент населения. Люди с такой группой крови в Красном Кресте наперечет, уж поверь мне.

– Когда речь заходит о чем-то редком, я сразу думаю об отпечатках пальцев, – сказал Сэмюэлс с нарочито скучающим видом. – Наверное, потому, что они постоянно фигурируют в суде.

– Где редко когда принимаются во внимание присяжными, – заметил Хоуи.

Сэмюэлс пропустил его реплику мимо ушей.

– В мире нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев. Даже у однояйцевых близнецов отпечатки немного разнятся. У тебя совершенно случайно нет однояйцевого близнеца, Терри?

– Ты хочешь сказать, что на месте убийства Питерсона нашли мои отпечатки? – Лицо Терри выражало лишь недоверие, причем вполне искреннее. Надо отдать ему должное, подумал Ральф; он отличный актер и, похоже, будет играть свою роль до конца.

– У нас столько твоих отпечатков, что и не сосчитать, – сказал Ральф. – В белом микроавтобусе, на котором ты увез мальчика Питерсона. И на его велосипеде, обнаруженном в кузове микроавтобуса. И на ящике с инструментами, который тоже был в микроавтобусе. И в «субару», на которую ты пересел на стоянке у бара «Шорти». – Ральф сделал паузу. – И на ветке, которой ты изнасиловал малыша Питерсона, причем с такой силой, что смерть могла бы наступить от одних внутренних повреждений.

– И чтобы снять отпечатки, нам не понадобился порошок или ультрафиолет, – сказал Сэмюэлс. – Они сделаны кровью парнишки.

На этом месте большинство обвиняемых – процентов девяносто пять – раскололись бы как миленькие, несмотря на присутствие адвоката. Но только не Терри. На его лице читалось лишь потрясение и удивление, но никак не вина.

Наконец Хоуи заговорил:

– Хорошо, у вас есть отпечатки пальцев. Но отпечатки можно подделать.

– Если их мало, то да, – сказал Ральф. – Но семьдесят штук? Или восемьдесят? Кровью? На самом оружии преступления?

– Еще у нас есть показания свидетелей, – сказал Сэмюэлс и принялся перечислять, загибая пальцы: – Люди видели, как ты увез Питерсона со стоянки у «Джералда». Люди видели, как ты затащил его велосипед в белый микроавтобус. Видели, как Питерсон сел в кабину рядом с тобой. Видели, как ты вышел из парка, где произошло убийство, и ты был весь в крови. Я мог бы продолжить, но моя мама всегда говорила, что надо оставить немножечко на потом.

– Показания свидетелей далеко не всегда достоверны, – заметил Хоуи. – Отпечатки пальцев, и те сомнительны, а свидетели... – Он покачал головой.

– В большинстве случаев я, может, и согласился бы, – сказал Ральф. – Но в данном случае – нет. Один из свидетелей очень верно подметил, что Флинт-Сити – маленький городок, где почти все всех знают. Опять же, не факт, но Вест-Сайд – тесно сплоченный район, и мистера Мейтленда там хорошо знают. Терри, женщина, которая видела тебя у «Джералда», узнала тебя в лицо, и девочка, которая видела, как ты выходил из Хенли-парка, тоже тебя знает. Не потому, что живет по соседству, а потому, что однажды ты помог ей найти потерявшуюся собаку.

– Джун Моррис? – искренне удивился Терри. – *Джунни?*

– Есть и другие свидетели, – сказал Сэмюэлс. – Много свидетелей.

– Ива? – Терри задохнулся, словно его ударили под дых. – И она тоже?

– Много свидетелей, – повторил Сэмюэлс.

– И каждый выбрал твою фотографию из шести предложенных, – добавил Ральф. – Без малейших сомнений.

– А на той фотографии мой подзащитный точно был не в бейсболке с эмблемой «Золотых драконов» и не в футболке с надписью «Тренер Ти»? – спросил Хоуи. – И проводивший допрос офицер часом не стучал по снимку пальцем?

– Ты же все понимаешь, – сказал ему Ральф. – Во всяком случае, я на это надеюсь.

– Это какой-то кошмар, – выдохнул Терри.

Сэмюэлс сочувственно улыбнулся.

– Согласен. И чтобы этот кошмар закончился, всего-то и нужно, чтобы ты сказал, почему так поступил.

Как будто на это может быть причина, понятная нормальному человеку, подумал Ральф.

– Возможно, чистосердечное признание повлияет на решение суда. – Голос Сэмюэlsa стал почти вкрадчивым. – Но его надо сделать до того, как придут результаты анализа ДНК. Образцов у нас много, и когда они совпадут с твоими мазками... – Он умолк и пожал плечами.

– Скажи нам, – проговорил Ральф. – Не знаю, что это было – временное помешательство, диссоциативная fuga, компульсивное сексуальное поведение или что-то еще. Просто скажи нам. – Он сам слышал, что повышает голос, подумал было приглушить громкость, но решил этого не делать. – *Будь мужчиной и скажи!*

Терри произнес, обращаясь больше к самому себе, чем к собеседникам по ту сторону стола:

– Не понимаю, как такое возможно. Во вторник меня даже не было в городе.

– И где ты был? – спросил Сэмюэлс. – Давай, рассказывай. Я люблю занимательные истории. Еще в старших классах прочел всю Агату Кристи.

Терри взглянул на Голда, и тот кивнул. Но Ральфу показалось, что теперь Хоуи встревожился. Сообщение о группе крови и отпечатках пальцев его явно расстроило, причем сильно, а свидетельские показания – еще сильнее. Может быть, самым сильным поводом для расстройства стала малышка Джун Моррис, чью потерявшуюся собаку нашел добрый, надежный тренер Ти.

– Я был в Кэп-Сити. Уехал в десять утра во вторник, вернулся в среду, уже поздно вечером. Где-то в половине десятого. Для меня это поздно.

– И наверняка ездил совсем один, – сказал Сэмюэлс. – Решил побродить в одиночестве, собраться с мыслями, так? Подготовиться к большой игре?

– Я...

– Ты ездил в Кэп-Сити на своей машине или на белом микроавтобусе? Кстати, а где ты прятал микроавтобус? И как тебе удалось угнать микроавтобус с нью-йоркскими номерами? У меня есть свои соображения, но надо сначала послушать тебя. Вдруг ты их подтвердишь. Или, наоборот, опровергнешь...

– Так вы будете слушать? – Невероятно, но Терри опять улыбался. – Может быть, вы боитесь услышать то, что я сейчас собираюсь сказать. Может, правильно боитесь. Вы по пояс в дерьме, мистер Сэмюэлс, и дерьмо прибывает.

– Да неужели? Тогда почему именно я выйду из этой комнаты и поеду домой, когда мы закончим допрос?

– Не кипятись, – тихо произнес Ральф.

Сэмюэлс резко повернулся к нему. Хохолок у него на макушке качнулся, но теперь в этом не было ничего смешного.

– А как же мне не кипятиться, детектив? Мы сидим в одной комнате с человеком, который изнасиловал ребенка веткой, а потом разорвал ему горло зубами, как... как чертов каннибал!

Голд посмотрел прямо в камеру под потолком и сказал, обращаясь к будущим присяжным и судьям:

– Перестаньте вести себя как рассерженный капризный ребенок, господин окружной прокурор, или я прекращу этот допрос прямо сейчас.

– Я был не один, – сказал Терри, – и мне ничего не известно о белом микроавтобусе. Я ездил в Кэп-Сити с Эвереттом Раундхиллом, Билли Квэйдом и Дебби Грант. Иными словами, всей кафедрой английского языка средней школы Флинт-Сити. Моя машина была в мастерской, потому что сломался кондиционер, и мы взяли машину Эва. Он заведующий кафедрой, и у него «БМВ». Просторный салон, много места. Мы отправились от здания школы, ровно в десять утра.

Сэмюэлс как будто завис, озадаченный таким неожиданным поворотом, поэтому вполне очевидный вопрос задал Ральф:

– И что там было в Кэп-Сити, из-за чего четверо учителей английского языка помчались туда посреди летних каникул?

– Харлан Кобен, – ответил Терри.

– Кто такой Харлан Кобен? – спросил Билл Сэмюэлс. Судя по всему, его интерес к детективным романам ограничился Агатой Кристи.

Ральф знал, кто такой Харлан Кобен. Он сам не слишком любил подобную литературу, но его жена любила.

– Автор детективов?

– Да, – сказал Терри. – Существует объединение учителей английского языка из трех штатов, профессиональная группа по интересам. Каждый год, летом, они проводят трехдневную конференцию. Во время учебного года на три дня не вырвешься, а летом все могут собраться. Там проходят различные семинары, читаются лекции, работают дискуссионные клубы. В общем, как на любой конференции. Каждый год в другом городе. В этом году была очередь Кэп-Сити. Только учителя тоже люди. Кто-то в отпуске, кто-то работает даже летом. У всех свои дела и заботы. У меня, например, Малая лига и Городская молодежная лига. Самый разгар чемпионата. Поэтому на конференции стараются приглашать известных писателей. Ну, чтобы был дополнительный стимул собрать народ. Обычно встреча с писателем назначается на второй день.

– И в этот раз он пришелся на прошлый вторник? – уточнил Ральф.

– Да. Конференция проходила в «Шератоне». С понедельника, девятого июля, по среду, одиннадцатого июля. Я не посещал эти мероприятия уже лет пять, но когда Эв сказал, что в этом году выступает Кобен и что все наши хотят поехать, я договорился с Гэвином Фриком и отцом Байбира Патела, чтобы они провели тренировки во вторник и в среду. Конечно, нехорошо бросать команду перед самым полуфиналом, но у меня были еще четверг и пятница, и я не мог пропустить Кобена. Я прочел все его книги. У него интересные сюжеты и хорошее чувство юмора. К тому же тема в этом году была острой. Чтение взрослой популярной литературы с седьмого по двенадцатый класс. Страсти кипят уже несколько лет. Особенно в нашей части страны.

– Вводную часть опускаем, – сказал Сэмюэлс. – Давай сразу к сути.

– Хорошо. Мы приехали. Пообедали на банкете, послушали выступление Кобена, поучаствовали в вечерней дискуссии, которая началась в восемь. Переночевали в гостинице. У Эва и Дебби были отдельные номера, а мы с Билли Квэйдом поделили расходы и взяли двухместный номер. Это он предложил. Сказал, делает новую пристройку к дому и приходится экономить. Они за меня поручатся. Они все подтвердят. – Терри взглянул на Ральфа и поднял руки ладонями вперед. – *Я был там.* Вот в чем суть.

Долгая тишина.

Наконец Сэмюэлс спросил:

– Когда началось выступление Кобена?

– В три часа, – сказал Терри. – В три часа дня, во вторник.

– Надо же, как удачно, – едко произнес Сэмюэлс.

Хоуи Голд улыбнулся:

– Но не для вас.

Три часа дня, подумал Ральф. Почти в то же время Арлин Стэнхоуп, по ее утверждению, видела, как Терри Мейтленд увозит Фрэнка Питерсона на краденом белом микроавтобусе. Нет, не почти. Ровно в три. Миссис Стэнхоуп говорила, что слышала, как часы на здании мэрии пробили три.

– Он выступал в большом конференц-зале «Шератона»? – спросил Ральф.

– Да. Прямо напротив банкетного зала.

– И ты уверен, что выступление началось ровно в три?

– Да, ровно в три. Только сначала председатель учительского объединения выступила с вводной речью. Минут на десять, не меньше.

– А сколько длилась лекция Кобена?

– Минут сорок пять. Потом он еще отвечал на вопросы. Все закончилось, думаю, около половины пятого.

Мысли кружились в голове Ральфа, как бумажки, подхваченные сквозняком. Никогда в жизни он не был так озадачен. Им следовало заранее проверить все перемещения Терри во вторник, но теперь, задним числом, уже ничего не исправишь. К тому же они все согласились – Ральф, Сэмюэлс и Юн Сабло из полиции штата, – что не стоит расспрашивать про Мейтленда перед арестом, чтобы тот ничего не заподозрил. И при стольких вещественных доказательствах в предварительном следствии не было необходимости. То есть так представлялось вначале. Но теперь...

Ральф посмотрел на Сэмюэлса, однако помощи не дождался. На лице прокурора отражалось лишь недоумение, смешанное с подозрением.

– Вы совершили большую ошибку, джентльмены, – сказал Хоуи Голд. – Думаю, вы уже сами поняли.

– Нет никакой ошибки, – возразил Ральф. – У нас есть его отпечатки, у нас есть показания свидетелей, знающих его лично, и скоро придут первые результаты ДНК-экспертизы. Они наверняка совпадут, и это решит дело.

– Да, кстати. У нас тоже уже совсем скоро будут первые результаты, – сказал Голд. – Пока мы тут сидим, мой детектив проводит собственное расследование, и почему-то я не сомневаюсь, что оно будет успешным.

– Что? – рявкнул Сэмюэлс.

Голд улыбнулся:

– Зачем портить сюрприз? Давайтеждемся доклада Алека. Если мой подзащитный говорит правду, тогда новые сведения пробьют еще одну дыру в вашем баркасе, Билл. Который и так уже дал течь.

Алек, о котором шла речь, Алек Пелли, бывший детектив полиции штата, теперь вышел на пенсию и работал в качестве частного сыщика исключительно на адвокатов по уголовным делам. Его услуги стоили дорого, но он отлично справлялся с работой. Однажды за кружечкой пива Ральф спросил у Пелли, почему тот перешел на темную сторону. Пелли ответил, что в свое время его стараниями были осуждены как минимум четыре человека, которые, как он понял уже потом, были невиновны, и теперь он искупает свои грехи. «К тому же, – добавил он, – если не играть в гольф, то на пенсии сдохнешь со скуки».

Нет смысла гадать, какие именно сведения добывает сейчас Пелли... при условии, что это не блеф адвоката защиты. Ральф посмотрел на Терри и опять не увидел виноватого выражения у него на лице. Только тревогу, злость и растерянность человека, арестованного по обвинению в преступлении, которого он не совершал.

Но он-то как раз *совершил* преступление. На это указывают все улики, и результаты ДНК-экспертизы вобьют последний гвоздь в его гроб. Его алиби – искусно сконструированный ложный след, призванный запутать следствие и позаимствованный прямиком из романов Агаты Кристи (или Харлана Кобена). Завтра утром Ральф займется демонтажом этой конструкции, начав с опроса коллег Терри и проверки всего расписания учительской конференции, с упором на время начала и окончания выступления Кобена.

Но одно слабое место в алиби Терри можно было нащупать уже сейчас. В три часа дня Арлин Стэнхоуп наблюдала, как Фрэнк Питерсон садится в белый микроавтобус к Терри. Джун Моррис видела, как Терри – весь в крови – выходит из Хенли-парка примерно в половине седьмого. (Мама Джун говорила, что когда дочь выходила из дома, на местном канале как раз

начинался прогноз погоды.) Стало быть, остается пробел в три с половиной часа, которых более чем достаточно, чтобы проехать семьдесят миль из Кэп-Сити до Флинт-Сити.

Допустим, на стоянке у «Джералда» миссис Стэнхоуп видела не Терри Мейтленда, а кого-то другого. Допустим, это был сообщник, похожий на Терри. Или, может быть, просто *одетый*, как Терри: в футболке и бейсболке «Золотых драконов». Вроде не слишком правдоподобно, но если принять во внимание почтенный возраст миссис Стэнхоуп... и ее очки с толстенными стеклами...

– Мы закончили, джентльмены? – спросил Голд. – Потому что если вы все-таки собираетесь задержать мистера Мейтленда, то меня сегодня вечером ждет много дел. Первым пунктом программы стоит общение с прессой. Не самое мое любимое занятие, но...

– Врешь, – кисло сказал Сэмюэлс.

– Но, быть может, я сумею отвлечь их от дома Терри, чтобы его дочери вернулись домой, не столкнувшись с настырными репортерами. И эта семья хоть немного побудет в покое, которого вы опрометчиво ее лишили.

– Прибереги красноречие для телекамер, – сказал Сэмюэлс. Он указал пальцем на Терри, тоже играя на будущих судей и присяжных: – Твой подзащитный истязал и убил ребенка, и если от этого пострадала его семья, то виноват только он сам.

– В голове не укладывается, – сказал Терри. – Вы меня даже не допросили перед арестом. Не задали ни единого вопроса.

– Что ты делал после выступления Кобена, Терри? – спросил Ральф.

Терри покачал головой. Не в знак отрицания, а словно пытаясь отогнать неприятные мысли.

– После его выступления? Я встал в очередь вместе со всеми. Но мы были в самом конце. Спасибо Дебби. Она отлучилась в уборную и попросила, чтобы мы ее подождали. Ну, чтобы не разделяться. Ждать пришлось долго. Когда закончилось выступление, уже после вопросов слушателей, многие парни ломанулись в сортир, но женщины всегда возятся дольше, потому что... ну, из-за кабинок. Мы с Эвом и Билли ждали ее у книжного киоска. Когда она вышла, очередь уже вытянулась в коридор.

– Какая очередь? – спросил Сэмюэлс.

– В какой глуши вы живете, мистер Сэмюэлс? Очередь, чтобы взять *автограф*. У каждого было по экземпляру его новой книги, «Я говорил, что так будет». Она входила в стоимость билета на конференцию. Мой экземпляр лежит дома. С автографом и датой. Я вам с радостью покажу. Если вы еще не забрали его с остальными моими вещами. Когда подошла наша очередь, время близилось к шести.

Если так, подумал Ральф, то его воображаемая дыра в алиби Терри только что схлопнулась до размеров булавочного укола. Из Кэп-Сити до Флинт-Сити теоретически можно доехать за час. Ограничение скорости на шоссе – семьдесят миль в час, и дорожный патруль не почешется, если ты не разогнался до восьмидесяти пяти или даже девяноста. Но как тогда Терри успел совершить убийство? Разве что Питерсона убил сообщник, двойник Терри, и оставил повсюду отпечатки пальцев Терри, в том числе и на ветке. Могло быть такое? Ответ: нет, не могло. И зачем бы Терри вдруг понадобился сообщник, который неотличимо похож на него и одевается точно так же? Ответ: совершенно незачем.

– Твои коллеги все время были рядом с тобой, пока вы стояли в очереди? – спросил Сэмюэлс.

– Да.

– Автограф-сессия проходила в том же конференц-зале?

– Да.

– А что вы все делали после того, как получили автографы?

– Мы пошли ужинать в компании учителей из Брокен-Эрроу, с которыми познакомились в очереди.

– Куда вы пошли ужинать? – спросил Ральф.

– В «Файрпит». Это стейк-хаус кварталах в трех от отеля. Пришли туда около шести. Перед ужином выпили пива, после ужина взяли десерт. Хорошо провели время, – почти мечтательно произнес Терри. – Нас было человек девять. Мы все вместе вернулись в отель, потом поучаствовали в вечерней дискуссии. О том, как читать с детьми книги вроде «Убить пересмешника» или «Бойни номер пять». Эв и Дебби ушли раньше, а мы с Билли досидели до конца.

– До которого часа? – спросил Ральф.

– Где-то до половины десятого.

– А потом?

– Мы с Билли выпили по кружке пива в баре отеля. Потом поднялись в номер и легли спать.

Слушал выступление известного автора детективов, когда похищали Фрэнка Питерсона, подумал Ральф. Ужинал в компании как минимум восьми человек, когда Питерсона убили. Участвовал в дискуссии о запрещенных книгах, когда Ива Дождевая Вода, по ее собственному утверждению, везла его из Флинт-Сити на вокзал в Даброу. Терри наверняка понимает, что мы опросим его коллег, найдем тех учителей из Брокен-Эрроу, переговорим с барменом в «Шератоне». Он наверняка понимает, что мы просмотрим записи с камер видеонаблюдения в отеле и проверим на подлинность автограф в его экземпляре последнего бестселлера Харлана Кобена. Терри неглупый мужик. Он *наверняка* понимает.

Вывод – что при проверке его история подтвердится – был неизбежен и совершенно невероятен.

Сэмюэлс лег грудью на стол, выпятив подбородок вперед.

– И ты думаешь, мы поверим, что во вторник ты все время был с кем-то с трех часов дня до восьми вечера? *Все время?*

Терри посмотрел на него, как умеют смотреть только школьные учителя: *Мы оба знаем, что ты debil, но я не скажу этого вслух, чтобы не смущать тебя перед одноклассниками.*

– Конечно, нет. Я ходил в туалет перед самым началом выступления Кобена. И еще раз – в ресторане. Оба раза без всякого сопровождения. Может быть, вам и удастся убедить судей, что я смотался во Флинт, убил бедного Фрэнка Питерсона и вернулся обратно в Кэп-Сити за полторы минуты, которые мне понадобились, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Но что-то я сомневаюсь.

Сэмюэлс посмотрел на Ральфа. Ральф пожал плечами.

– На сегодня у нас больше нет к вам вопросов, – сказал Сэмюэлс. – Мистера Мейтленда доставят в окружную тюрьму, где он будет находиться под стражей до суда в понедельник.

Терри опустил плечи.

– Ты намерен идти до конца, – сказал Голд. – Ты и вправду намерен идти до конца.

Ральф думал, что Сэмюэлс снова взорвется, но на сей раз окружной прокурор его удивил. Голос Сэмюэлса прозвучал почти так же устало, как выглядел Мейтленд:

– Да ладно, Хоуи. Ты сам понимаешь, что у меня нет выбора, при таких-то уликах. А когда совпадет ДНК, это будет конец игры.

Он снова лег грудью на стол, вторгаясь в личное пространство Терри.

– У тебя еще есть шанс избежать смертного приговора, Терри. Шанс небольшой, но он есть. Я тебе очень советую им воспользоваться. Прекрати разыгрывать комедию и сознайся. Ради Фреда и Арлин Питерсонов, потерявших сына самым ужасным из возможных способов. Облегчи свою душу, покайся. Тебе станет легче.

Терри не отстранился от Сэмюэlsa, на что тот, возможно, рассчитывал. Наоборот, он наклонился вперед, и уже сам Сэмюэлс отпрянул, словно боялся подхватить от Терри какую-то заразу.

– Мне не в чем сознаваться, сэр. Я не убивал Фрэнка Питерсона. Я никогда не обижу ребенка. Вы взяли не того, кто вам нужен.

Сэмюэлс вздохнул и поднялся из-за стола.

– Что ж, у тебя был шанс. А теперь... помоги тебе Бог.

22

ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА ФЛИНТ-СИТИ ОТДЕЛЕНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ И СЕРОЛОГИИ

Кому: *Детективу Ральфу Андерсону Лейтенанту полиции штата Юнелу Сабло Окружному прокурору Уильяму Сэмюэлсу*

От кого: *Доктора Ф. Акерман, главного патологоанатома*

Дата: *12 июля*

Тема: *Дополнение к отчету о вскрытии/СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО*

В ответ на ваш запрос излагаю свое мнение.

Хотя Фрэнк Питерсон мог пережить, а мог и не пережить акт содомии, отмеченный в отчете о вскрытии (произведено 11 июля лично мной при участии доктора Элвина Баркланда в качестве ассистента), непосредственной причиной смерти, вне всяких сомнений, является большая потеря крови.

Следы зубов обнаружены на лице Питерсона, а также на горле, плече, груди и правом боку. Характер ранений вкупе с фотоснимками места убийства предполагает следующую последовательность действий: Питерсона грубо швырнули спиной на землю и укусили не менее шести раз. Возможно, больше. Данное действие производилось в состоянии крайнего возбуждения. Потом его перевернули на живот и подвергли насилию. К тому времени Питерсон почти наверняка был без сознания. Либо во время акта насилия, либо сразу по окончании преступник эякулировал.

Я обозначила это письмо пометкой «Строго конфиденциально», потому что в случае разглашения некоторых аспектов данного дела пресса наверняка поднимет шумиху, причем не только местная, но и общенациональная. У Питерсона отсутствуют некоторые части тела, а именно: мочка правого уха, правый сосок, фрагменты трахеи и пищевода. Возможно, преступник забрал их с собой как трофеи. Это в лучшем случае. Также не исключено, что преступник их съел.

Вы занимаетесь этим делом и поступите так, как считаете нужным, но я настоятельно рекомендую не только скрыть приведенные выше факты (равно как и мое последующее заключение) от прессы, но и не упоминать их в суде, если они не потребуются для вынесения обвинительного приговора. Можно представить реакцию родителей на информацию такого рода, но лучше, наверное, не представлять. Прошу прощения, если я вышла за рамки своих полномочий, но в данном случае это было необходимо. Я врач, старший судмедэксперт округа, но также я мать.

И как мать я прошу вас: разыщите преступника, надругавшегося над этим ребенком, и арестуйте его как можно скорее. Если он избежит наказания, то почти наверняка сделает это снова.

Фелисити Акерман, доктор медицины

Главный патологоанатом городской больницы Флинт-Сити

Старший судмедэксперт округа Флинт

23

Служебный зал в здании полицейского управления Флинт-Сити был довольно просторным, но четыре человека, ожидавшие Терри Мейтленда, казалось, заполнили собой все пространство: два офицера полиции штата и два сотрудника службы охраны в окружной тюрьме, все как на подбор широкоплечие и мощные. При всем потрясении из-за произошедшего (и *продолжавшего* происходить) Терри стало смешно. Окружная тюрьма располагалась в четырех кварталах отсюда, всего в полумиле, а ему снарядили такой конвой.

– Руки вперед, – сказал один из сотрудников тюрьмы.

Терри вытянул руки. У него на запястьях щелкнула новая пара наручников. Он посмотрел на Хоуи, и ему вдруг стало страшно, как в тот день, когда мама в первый раз привела его, пятилетнего, в детский сад и отпустила его руку. Хоуи сидел за столом и говорил с кем-то по мобильному телефону, но, увидев, что Терри на него смотрит, тут же прервал разговор и подошел к нему.

– Не прикасайтесь к заключенному, сэр, – сказал офицер, надевший на Терри наручники.

Голд как будто его не услышал. Обняв Терри за плечи, тихо произнес:

– Все будет хорошо.

А потом – сам удивившись тому, что сделал, – поцеловал Терри в щеку.

Этот поцелуй Терри унес с собой, когда четверо стражей закона вывели его на улицу, где ждали тюремный фургон и патрульный полицейский автомобиль с включенной мигалкой. И репортеры. Они ждали с особенным нетерпением. Включились телевизионные прожектора, затрещали камеры, вопросы посыпались, словно пули: *Вам было предъявлено обвинение, вы это сделали, вы невиновны, вы признались в содеянном, что вы скажете родителям Фрэнка Питерсона.*

Все будет хорошо, сказал Голд, и Терри цеплялся за эти слова, как утопающий – за соломинку.

Но все было плохо.

Извинения и сожаления 14–15 июля

1

Портативная полицейская мигалка, которую Алек Пелли держал на приборной панели своего «эксплорера», была не совсем законной, поскольку Алек уже не служил в полиции. С другой стороны, он являлся действующим членом полицейского резерва Кэп-Сити, так что, может быть, никаких нарушений и не было. В любом случае сейчас она очень ему помогла. Он добрался из Кэп-Сити до Флинта за рекордное время и постучался в дверь дома номер 17 на Барнум-корт ровно в четверть десятого вечера. Здесь не было никаких репортеров, но чуть дальше по улице горели яркие телевизионные прожектора. Как понял Алек, перед домом Мейтлендов. Похоже, не все падальные мухи слетелись к свежему мясу на импровизированной пресс-конференции Хоуи. Впрочем, Алек этого и не ждал.

Дверь открыл низенький коротышка с волосами песочного цвета. Брови нахмурены, губы сжаты в ниточку. Полная боевая готовность послать незваных гостей на три буквы. У него за спиной стояла женщина, зеленоглазая блондинка, дюйма на три выше мужа и намного красивее, даже без макияжа и с припухшими от слез глазами. Сейчас она не плакала, но кто-то в доме тихонько плакал. Ребенок. Одна из дочек Мейтленда, решил Алек.

– Мистер и миссис Мэттингли? Я Алек Пелли. Хоуи Голд вам звонил?

– Да, – ответила женщина. – Входите, мистер Пелли.

Алек хотел шагнуть через порог, однако Мэттингли, дюймов на восемь ниже гостя, но совершенно бесстрашный, преградил ему дорогу.

– У вас есть какой-нибудь документ, удостоверяющий личность?

– Да, конечно. – Алек мог бы показать водительские права, но отдал предпочтение удостоверению полицейского резерва. Мэттингли вовсе ни к чему знать, что его нынешние дежурства сводятся в основном к благотворительным акциям в роли почетного охранника на рок-концертах, rodeo, борцовских турнирах и гонках пикапов, проходящих в «Колизее» трижды в год. Также он иногда подменял заболевших штатных контролеров, следивших за соблюдением правил парковки в деловом центре Кэп-Сити. Это было несколько унижительно для человека, который когда-то руководил бригадой из четырех детективов полиции штата, но Алек не возражал; он не любил сидеть дома. К тому же Библия учит, что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Послание Иакова, глава четвертая, стих шестой).

– Спасибо. – Мистер Мэттингли отступил в сторону, освобождая Алеку проход, и одновременно протянул руку. – Том Мэттингли.

Алек пожал ему руку, приготовившись к крепкому рукопожатию. И не был разочарован.

– Обычно я не такой подозрительный. У нас тихий район. Но я сразу сказал Джейми, что пока Сара и Грейс у нас в доме, нам надо быть предельно осторожными. Многие злятся на тренера Ти, и поверьте мне на слово, это только начало. Когда о том, что он сделал, узнает весь город, будет в тысячу раз хуже. Рад, что вы их у нас заберете.

Джейми Мэттингли с упреком взглянула на мужа.

– Что бы ни сделал отец... если он вообще что-то сделал... девочки не виноваты. – Она повернулась к Алеку. – Они совершенно раздавлены, особенно Грейс. Они видели, как их отца уводили в наручники.

– А скоро они узнают почему, – сказал Том Мэттингли. – В наше время от детей ничего не скроешь. Чертов Интернет, чертов «Фейсбук», чертов «Твиттер». – Он покачал головой. –

Джейми права. Невиновен, пока не доказано обратное. Но его арестовали публично, а когда так бывает... – Он тяжело вздохнул. – Хотите пить, мистер Пелли? Джейми сделала чай со льдом.

– Спасибо, но я лучше скорее отведу девочек домой. Их ждет мама.

И это будет лишь первый пункт в списке дел на сегодняшний вечер. Перед тем как шагнуть под ослепительный свет телевизионных прожекторов, Хоуи снова позвонил Алеку и отдал распоряжения с пулеметной скоростью. Когда Алек доставит дочерей Мейтленда домой, ему надо будет вернуться в Кэп-Сити и позвонить нужным людям (и попросить их об услуге). При чем звонить лучше прямо с дороги, чтобы не терять драгоценного времени. Снова в строю, и это прекрасно – уж всяко лучше, чем выписывать штрафы за неправильную парковку на Мидленд-стрит, – но это будет непростое задание.

Девочки оказались в комнате, которая, судя по чучелам рыб на обшитых сосновыми досками стенах, была берлогой Тома Мэттингли. На большом плоском экране скакал Губка Боб, но звук был приглушен. Дочки Мейтленда сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу. Обе – по-прежнему в бейсболках и футболках «Золотых драконов», на их лицах – черная и золотая краска (наверное, мама раскрасила их перед матчем, до того, как привычная жизнь круто перевернулась, встав на дыбы и отобрав у них папу), однако у младшей краска совсем растеклась от слез.

Увидев в дверях незнакомого мужчину, старшая девочка еще крепче прижала к себе плачущую сестренку. Алек любил детей, хотя своих у него не было, и безотчетное действие Сары Мейтленд ранило его в самое сердце: ребенок защищает ребенка.

Алек шагнул в комнату.

– Сара? Я друг Хоуи Голда. Ты его знаешь, да?

– Да. С папой все хорошо? – Ее голос звучал очень тихо и хрипло, как бывает, когда человек долго плакал. Грейс вообще не смотрела на Алека; она сидела, уткнувшись лицом в плечо старшей сестры.

– Да. Он попросил меня отвести вас домой.

Это была не совсем правда, но сейчас не время вдаваться в тонкости.

– Он уже дома?

– Пока нет. Но дома ждет мама.

– Мы могли бы и сами дойти, – тихо произнесла Сара. – Тут совсем близко. Я могла бы взять Грейс за руку.

По-прежнему пряча лицо, Грейс Мейтленд покачала головой.

– Но не вечером, когда темно, – сказала Джейми Мэттингли.

И не сегодня, мысленно добавил Алек. И не завтра, и не послезавтра. И еще много-много дней и вечеров.

– Пойдемте, девчонки, – с деланой (и откровенно фальшивой) бодростью произнес Том Мэттингли. – Я вас провожу.

На крыльце, под ярким светом лампы, Джейми Мэттингли казалась еще бледнее и худее, чем прежде. Буквально за три часа она превратилась из мамы-наседки в пациентку онкологического отделения.

– Это ужасно, – сказала она. – Как будто мир перевернулся с ног на голову. Слава богу, что наша дочка сейчас в летнем лагере. Сегодня мы были на матче лишь потому, что Сара и Морин – лучшие подружки.

При упоминании подружки Сара Мейтленд расплакалась. Увидев слезы сестры, Грейс заплакала еще горше. Алек поблагодарил Мэттингли и повел девочек к своей машине. Они шли медленно, понуриив головы и держась за руки, как детишки из сказки, заблудившиеся в темном лесу. Алек освободил переднее пассажирское сиденье от обычных завалов, и сестры втиснулись туда вдвоем. Грейс снова уткнулась лицом в плечо Сары.

Алек не стал заставлять их пристегиваться. Ехать было всего ничего, меньше четверти мили. Яркий телевизионный прожектор освещал подъездную дорожку и лужайку перед домом Мейтлендов. Там осталась всего одна съемочная группа. Судя по логотипу на фургоне со спутниковой тарелкой, филиал Эй-би-си из Кэп-Сити. Четверо или пятеро парней стояли рядом с фургоном и пили кофе из пенопластовых стаканчиков. Когда «эксплорер» Алека свернул на подъездную дорожку, они побросали стаканчики и схватились за камеры.

Алек опустил стекло на водительской двери и крикнул голосом, каким обычно кричал «лицом к стене, руки за голову»:

– *Не снимать! Этих детей не снимать!*

Это остановило их на две секунды, но только на две. С тем же успехом можно было просить комаров не кусаться. Алек помнил те времена, когда все было иначе (те стародавние времена, когда джентльмены еще придерживали дверь для леди), но с тех пор многое изменилось. Единственный репортер, решивший остаться на Барнум-корт – какой-то латинос, чье лицо было смутно знакомо Алеку, кажется, ведущий прогноза погоды по выходным, любитель галстуков-бабочек, – уже схватился за микрофон и проверял закрепленный на ремне аккумулятор.

Дверь дома Мейтлендов открылась. Сара увидела маму и собралась выскочить из машины.

– Подожди, Сара, – сказал Алек и потянулся к пакету на заднем сиденье. Уезжая из дома, он захватил с собой два больших полотенца и теперь дал их девочкам. – Закройте лица. Все, кроме глаз. – Он улыбнулся. – Как грабители банков в кино, ага?

Грейс непонимающе уставилась на него, но Сара быстро сообразила, что надо делать, и набросила одно полотенце сестре на голову. Алек помог Грейс закрепить его так, чтобы оно закрывало ей рот и нос. Со своим полотенцем Сара справилась самостоятельно. Они выбрались из машины и бегом бросились к дому, придерживая полотенца под подбородком. Они были совсем не похожи на грабителей банков; они были похожи на карликов-бедуинов, застигнутых песчаной бурей. И на самых печальных, самых отчаявшихся детей из всех, кого Алеку доводилось видеть.

Лицо Марси Мейтленд не было спрятано под полотенцем, поэтому оператор снимал ее.

– Миссис Мейтленд! – крикнул ей Галстук-Бабочка. – Вы можете прокомментировать арест вашего мужа? Вы с ним говорили?

Алек встал перед камерой (ловко перекрыв обзор оператору, когда тот попытался взять другой ракурс) и сказал, обращаясь к Галстуку-Бабочке:

– Ни шагу дальше, hermano³, иначе сам задашь Мейтленду свои вопросы. Из соседней камеры.

Галстук-Бабочка изобразил оскорбленное достоинство.

– Кого вы называли hermano? Я выполняю свою работу.

– Докучаете расстроенной женщине и двум маленьким детям, – сказал Алек. – Отличная у вас работа.

Но его собственная работа на Барнум-корт уже закончилась. Миссис Мейтленд забрала дочерей и увела их в дом. Внутри они в безопасности. Насколько это вообще возможно при сложившихся обстоятельствах. Хотя у Алека было ощущение, что эти две девочки еще очень долго не будут чувствовать себя в безопасности.

Когда Алек вернулся к машине, к нему подбежал Галстук-Бабочка, сделав знак оператору, чтобы тот продолжал снимать.

– Кто вы, сэр? Как вас зовут?

³ Брат (исп.).

– Это не ваше дело. И оставьте в покое этих людей, хорошо? Они здесь вообще ни при чем.

Он понимал, что мог бы с тем же успехом говорить по-русски. Любопытные соседи уже высыпали на улицу, чтобы посмотреть очередной эпизод драмы на Барнум-корт.

Алек сдал назад и поехал на запад, прекрасно понимая, что оператор снимает его номера и очень скоро телевизионщики узнают, кто он такой и на кого работает. Невелика новость, но она станет вишенкой на торте, который преподнесут телезрителям в вечерних новостях. Он на секунду задумался о том, что сейчас происходит в доме Мейтлендов: испуганная и растерянная мать пытается успокоить испуганных и растерянных дочерей, чьи лица все еще раскрашены в цвета папиной команды.

– Он это сделал? – спросил Алек у Хоуи, когда тот позвонил и вкратце изложил ситуацию. Это не имело значения. Работа есть работа. Но все равно хотелось бы знать. – Как ты думаешь?

– Я не знаю, что и думать, – ответил Хоуи. – Но я знаю, куда ты поедешь, когда проводишь Сару и Грейс домой.

После первого указателя на съезд на шоссе Алек позвонил в «Шератон» в Кэп-Сити и попросил к телефону портю, с которым имел дело в прошлом.

Черт, он имел дело почти со всеми.

2

Ральф и Билл Сэмюэлс сидели в кабинете у Ральфа, расслабив галстуки и расстегнув воротнички. Телевизионные прожектора у входа в полицейский участок погасли всего минут десять назад. На стационарном телефоне Ральфа горели все четыре кнопки, но на входящие звонки отвечала Сэнди Макгилл. И будет отвечать до одиннадцати вечера, когда ее сменит Джерри Малден. На данный момент работа Сэнди была простой, хоть и однообразной: *У полицейского управления Флинт-Сити пока нет комментариев. Ведется расследование.*

Ральфу хватало мобильного телефона. Он как раз завершил очередной разговор и убрал телефон в карман.

– Юн Сабло с женой поехали в гости к ее родителям. Это в северной части штата. Он говорит, что и так уже дважды откладывал эту поездку, и на сей раз у него не было выбора, иначе пришлось бы потом всю неделю спать на диване в гостиной. Говорит, что диван неудобный. Он возвращается завтра. И конечно, придет на суд.

– Значит, пошлем в «Шератон» кого-то другого, – сказал Сэмюэлс. – Плохо, что Джек Хоскинс сейчас в отпуске.

– Это как раз хорошо, – сказал Ральф, и Сэмюэлс рассмеялся.

– Да уж, тут не поспоришь. Наш Джеки, может, и не худший детектив во всем штате, но он близок к этому званию. Ты знаешь всех детективов в Кэп-Сити. Звони по списку, пока не вызвонишь кого-то живого.

Ральф покачал головой:

– Туда должен ехать Сабло. Он в курсе дела, и он – наше контактное лицо в полиции штата. Лучше сейчас их не злить, особенно после всего, что выяснилось сегодня. Все пошло не совсем так, как мы ожидали.

Это было еще мягко сказано. Преуменьшение года, если не века. Искреннее изумление Терри и отсутствие всякого чувства вины потрясло Ральфа больше, чем его невероятное алиби. Могло ли чудовище у него внутри не только убить мальчика, но и стереть память о содеянном? А потом? Заполнить пропуск подробной вымышленной историей об учительской конференции в Кэп-Сити?

– Если мы не пошлем кого-нибудь прямо сейчас, этот мужик, который работает на Голда...

– Алек Пелли.

– Именно. Он раньше нас доберется до записей с камер отеля. Если они сохранились.

– Должны сохраниться. По правилам, записи хранятся тридцать дней.

– Ты точно знаешь?

– Ага. Но у Пелли нет ордера.

– Да ладно тебе. Ты и вправду считаешь, что ему нужен ордер?

Нет, если честно, Ральф так не считал. Алек Пелли прослужил детективом в полиции штата больше двадцати лет. За это время у него появилось много полезных контактов, и, работая на Ховарда Голда, успешного адвоката по уголовным делам, он уж точно их поддерживает.

– Твоя идея публичного ареста теперь уже не выглядит такой уж хорошей, – сообщил Сэмюэлс.

Ральф угрюмо посмотрел на него:

– Ты ее поддержал.

– Но без энтузиазма, – сказал Сэмюэлс. – Давай начистоту. Между нами, девочками. Раз уж нас больше никто не слышит. У тебя в этом деле личный интерес.

– Да, – согласился Ральф. – Я не спорю. Но раз уж мы говорим начистоту, между нами, девочками, я напому тебе, если ты вдруг забыл, что ты очень даже восторженно поддержал эту идею. Осенью у тебя выборы, и громкий, сенсационный арест явно не повредит твоим шансам.

– Я об этом даже не думал, – сказал Сэмюэлс.

– Хорошо. Ты не думал о выборах, ты согласился с мнением большинства, но если ты считаешь, что идея ареста на стадионе связана исключительно с моим сыном, посмотри еще раз фотографии с места убийства, вспомни, что написала Фелисити Акерман в дополнении к отчету о вскрытии. Такие парни никогда не ограничатся одним разом.

На щеках Сэмюэлса вспыхнули алые пятна.

– По-твоему, я об этом не думал? Господи, Ральф. Я сам назвал его каннибалом, открытым текстом. *Под запись*.

Ральф провел ладонью по щеке. Щека кололась щетиной.

– Какой смысл спорить, кто что сказал и что сделал. И не важно, кто первым просмотрит запись с камер в отеле. Пусть даже Пелли. Он же не унесет ее в кармане, да? И не сотрет.

– Да, – сказал Сэмюэлс. – И вряд ли она что-то докажет. Может быть, на каких-то фрагментах там будет мужчина, *похожий* на Мейтленда...

– Верно. Но доказать, что это именно он, на основе лишь нескольких кадров будет весьма затруднительно. Особенно против наших улик. У нас показания свидетелей и отпечатки пальцев. – Ральф встал и открыл дверь. – Запись с камер отеля – не самая важная вещь. Мне нужно сделать один звонок. Давно пора.

Сэмюэлс вышел в приемную следом за Ральфом. Сэнди Макгилл говорила с кем-то по телефону. Ральф подошел к ней и полоснул себя пальцем по горлу. Сэнди повесила трубку и выжидающе уставилась на него.

– Эверетт Раундхилл, – сказал Ральф. – Заведующий кафедрой английского языка в средней школе Флинт-Сити. Найди мне его номер.

– У меня есть его номер, – ответила Сэнди. – Он звонил уже дважды, просил соединить его с главным следователем. Я сказала, что придется встать в очередь. – Она взяла стопку бумаг из лотка с надписью «ПОКА ТЕБЯ НЕ БЫЛО» и предъявила их Ральфу. – Думала положить вам на стол, на завтра. Да, я знаю, что завтра воскресенье, но я всем говорю, что вы наверняка выйдете на работу.

Глядя в пол, Билл Сэмюэлс очень медленно произнес:

– Раундхилл звонил сам. Причем дважды. Мне это не нравится. Очень не нравится.

3

В субботу вечером Ральф вернулся домой без четверти одиннадцать. Он открыл гаражную дверь пультом, въехал в гараж и снова нажал кнопку на пульте. Дверь с дребезжанием послушно встала на место. Ну, хоть что-то в этом безумном мире еще остается нормальным и подчиняется логике. Нажимаешь кнопку А, и если в устройстве В не сдохли батарейки, то гаражная дверь С открывается и закрывается.

Ральф выключил двигатель, но не стал выходить из машины. Он еще долго сидел в темноте, стуча обручальным кольцом по рулю, вспоминая песенку времен своей бурной юности. *Стрижка и бритье? Изволь! Шлюхи тянут ля-бемоль!*

Открылась дверь, ведущая на кухню, и в гараж заглянула Джанет. Она была в домашнем халате и в смешных розовых тапочках в виде кроликов, которые Ральф в шутку преподнес ей на прошлый день рождения. Настоящим подарком была поездка в Ки-Уэст, где они замечательно провели время – только вдвоем, – но сейчас этот отпуск, как и все остальные отпуска, превратился в смутное воспоминание, эфемерное, как послевкусие от сахарной ваты. А тапочки-кролики из однодолларового магазина остались, совершенно дурацкие тапочки с крошечными глазками-бусинками и болтающимися ушами. Увидев жену в этих тапочках, Ральф чуть не расплакался. Ощущение было такое, что он постарел лет на двадцать с того страшного дня, когда вошел на поляну в Хенли-парке и увидел окровавленный труп ребенка, который, наверное, боготворил Бэтмена и Супермена.

Ральф вышел из машины и крепко обнял жену, прижавшись своей колючей щекой к ее гладкой щеке. Он молчал, потому что боялся заговорить. Боялся, что если заговорит, то не сможет сдержать слез.

– Милый, – сказала она. – Ты его взял. Что не так?

– Может быть, ничего, – ответил Ральф. – Может быть, все не так. Я должен был предварительно его допросить. Но я был так уверен!

– Пойдем в дом. Я заварю чай, и ты все мне расскажешь.

– После чая я не смогу заснуть.

Она чуть отстранилась и пристально посмотрела на него. Сейчас, в пятьдесят, ее глаза были такими же темными и красивыми, как в двадцать пять.

– А ты собираешься спать? – Когда он не ответил, она добавила: – Дело закрыто.

Дерек уехал в летний лагерь в Мичигане, так что в доме они были одни. Когда они вошли в кухню, Дженни спросила, хочет ли Ральф посмотреть вечерние новости на местном канале, но Ральф покачал головой. Для полного счастья ему не хватало десятиминутного репортажа о том, как доблестная полиция Флинт-Сити взяла за жабры опасного извращенца. Дженни заварила чай и сделала тосты из сладкого хлеба с изюмом. Ральф уселся за кухонный стол и, глядя на свои руки, рассказал жене все. Эверетта Раундхилла он приберег напоследок.

– Он был зол, как сто чертей, – сказал Ральф. – И поскольку именно я ему перезвонил, то вся его ярость обрушилась на меня.

– То есть он подтвердил алиби Терри?

– До единого слова. Раундхилл встретился с Терри и двумя другими учителями – Квэйдом и Грант – у здания школы. Ровно в десять утра во вторник, как они договаривались. Они приехали в Кэп-Сити и заселились в «Шератон» около одиннадцати сорока пяти, получили свои карточки участников конференции и как раз успели на общий банкет. Раундхилл говорит, что после банкета он потерял Терри из виду примерно на час, но он считает, что с ним был Квэйд. В любом случае в три часа дня они опять собрались все четвером. И как раз в это время миссис Стэнхоуп видела, как Терри сажает Фрэнка Питерсона в грязный белый микроавтобус в семидесяти милях к югу от Кэп-Сити.

– Ты говорил с Квэйдом?

– Да. Уже по дороге домой. Он не злился в отличие от Раундхилла, который грозился, что дойдет до министра юстиции и потребует провести полномасштабное расследование. Он просто не верил. Он был потрясен. Он сказал, что после банкета они с Терри пошли в букинистический магазин под названием «Второе издание», посмотрели там книжки, потом вернулись в отель на выступление Кобена.

– А что сказал Грант?

– Грант – это *она*. Дебби Грант. Я ей не дозвонился. Ее муж сказал, что она куда-то ушла с подругами, а когда она ходит встречаться с подругами, то всегда отключает телефон. Я позвоню ей завтра утром. Но я уверен, что она подтвердит слова Раундхилла и Квэйда. – Он откусил маленький кусочек тоста и положил остальное на тарелку. – Это я виноват. Если бы я допросил Терри во вторник вечером, после того, как его опознали Стэнхоуп и девочка Моррисов, мы бы уже тогда поняли, что здесь какая-то неувязка, и эта история не попала бы на телевидение и в Интернет.

– Но у тебя уже были данные по отпечаткам пальцев, и экспертиза уже подтвердила, что это отпечатки Терри Мейтленда, так?

– Да.

– Отпечатки в микроавтобусе, отпечатки на ключе зажигания микроавтобуса, отпечатки в машине, которую он бросил на пристани, на ветке, которой он...

– Да.

– И показания свидетелей. Тот человек у бара «Шорти» и его приятель. И водитель такси. И вышибала в стрип-клубе. Они все его опознали.

– Да, и теперь, когда он арестован, я уверен, что у нас будут и другие свидетели, в тот вечер видевшие его в «Джентльмены, для вас». По большей части холостяки, у которых нет жен и которым не надо никому объяснять, что они делали в клубе. Но я все равно поспешил. Может быть, стоило позвонить в школу, проверить все его передвижения в день убийства, но мне показалось, что это бессмысленно. Сейчас летние каникулы. Что бы мне сказали в школе? «Он в отпуске»?

– И ты боялся, что если начнешь задавать вопросы, он поймет, что вы взяли след.

Раньше это представлялось вполне очевидным, но теперь вдруг показалось глупым. Хуже того: безответственным.

– Я и раньше совершал ошибки, но не такие серьезные. А тут я как будто ослеп.

Дженни решительно покачала головой.

– Помнишь, что я тебе ответила, когда ты описал мне, как планируешь провести задержание?

– Да.

Действуй. Его надо побыстрее изолировать от детей.

Это были ее слова.

Они долго молчали, глядя друг на друга через кухонный стол.

– Это невозможно, – наконец произнесла Дженни.

Ральф навел на нее палец.

– Ты сейчас изложила самую суть проблемы.

Дженни задумчиво отпила чаю, глядя на мужа поверх чашки.

– В древности люди верили, что у каждого есть двойник. У Эдгара Аллана По есть рассказ на эту тему. Называется «Вильям Вильсон».

– Во времена По еще не было дактилоскопии и ДНК-экспертизы. У нас пока нет результатов анализа ДНК, но уже скоро будут. Если они совпадут с его ДНК, значит, это был он и у меня, видимо, все в порядке. Если не совпадут, то меня точно сдадут в психушку. После того как погонят с работы и привлекут к суду за неправомерный арест.

Дженни поднесла было тост ко рту, потом опустила.

– У тебя есть его отпечатки пальцев. И ДНК совпадет, я уверена. Но, Ральф... у тебя нет отпечатков и ДНК из Кэп-Сити. Может быть, Терри Мейтленд убил мальчика *здесь*, а на той конференции был *двойник*?

– Если ты хочешь сказать, что у Терри Мейтленда есть потерявшийся в детстве близнец с точно такими же отпечатками пальцев и ДНК, то это невозможно.

– Я говорю о *другом*. У тебя нет никаких подтвержденных экспертизой доказательств, что в Кэп-Сити был именно Терри. Если Терри был *здесь*, а все улики указывают на это, значит, в Кэп-Сити был кто-то *другой*. Это единственное разумное объяснение.

Ральф понимал ее логику, и в детективных романах, которые Дженни читала запоем – в романах Агаты Кристи, Рекса Стаута или Харлана Кобена, – это была бы кульминация последней главы, когда мисс Марпл, Ниро Вульф или Майрон Болитар разоблачают очередного преступника. Есть один непреложный факт, неопровержимый, как сила тяжести: человек не может находиться в двух местах одновременно.

Но если Ральф доверяет показаниям *здесь* свидетелей, значит, следует доверять и свидетелям, которые утверждают, что Мейтленд был с ними в Кэп-Сити. У него нет оснований не доверять этим людям. Раундхилл, Квэйд и Грант работают с Мейтлендом в одной школе. Они видят его каждый день. Как-то не верится, что трое учителей покрывают насильника и убийцу ребенка. Также не верится, что они провели больше суток в компании двойника, настолько похожего на Мейтленда, что никто ничего не заподозрил. И даже если *он сам* поверит, вряд ли Билл Сэмюэлс убедит в этом присяжных и судей, особенно если у Терри будет такой искусный защитник, как Хоуи Голд.

– Пойдем спать, – сказала Джанет. – Я дам тебе снотворное и помассирую спину. Не зря говорят, утро вечера мудренее.

– Ты так думаешь? – спросил он.

4

Пока Джанет Андерсон массировала мужу спину, Фред Питерсон и его старший сын (теперь, когда Фрэнки не стало, его единственный сын) убрали посуду и приводили в порядок гостиную и кабинет. Хотя это были поминки, последующая уборка совершенно не отличалась от обычной уборки после любого большого семейного торжества.

Олли удивил Фреда. Он был типичным угрюмым подростком, занятым только собой, и обычно даже не убирал свои грязные носки из-под журнального столика, если ему не напомнить трижды, но сегодня он сам вызвался помогать отцу, когда в десять вечера Арлин проводила последних гостей из нескончаемого потока. Ближе к семи друзья и соседи начали потихоньку расходиться, и Фред надеялся, что к восьми все закончится – видит Бог, у него голова разболелась кивать на все заверения, что Фрэнки сейчас на небесах, – но потом пришла новость, что Терри Мейтленда арестовали за убийство Фрэнки, и к ним опять повалили толпы сочувствующих. Эта вторая волна гостей и вправду напоминала гулянку, пусть даже и мрачную. Вновь и вновь Фред выслушивал, что а) в это трудно поверить, б) тренер Ти всегда казался таким *приличным* человеком и в) смертельная инъекция в Макалестере для него слишком мягкое наказание.

Олли носился туда-сюда между гостиной и кухней, собирал стаканы и грязные тарелки и загружал их в посудомоечную машину с таким знанием дела, какого Фред от него никак не ожидал. Когда машина наполнилась, Олли ее запустил, а сам принялся ополаскивать и складывать в раковину оставшиеся тарелки, чтобы отправить их в мойку вторым заходом. Фред собрал всю посуду со стола в кабинете и со столика для пикника на заднем дворе, куда гости ходили курить. Сегодня в доме у Питерсонов побывало не меньше пятидесяти человек: все

соседи, сочувствующие из других частей города, отец Брикстон и его многочисленные почитательницы (его *оголтелые фанатки*, подумал Фред) из церкви Святого Антония. Они шли бесконечным потоком, скорбящие и зеваки.

Фред и Олли занимались уборкой молча, каждый был погружен в свои мысли, каждый переживал свое горе. Они столько часов принимали искренние соболезнования – да, справедливости ради надо сказать, что все соболезнования были искренними, даже от незнакомых людей, – что у них уже не осталось душевных сил, чтобы утешить друг друга. Может быть, это странно. Может быть, это печально. Может быть, это и есть пресловутая ирония судьбы. Фред слишком устал и был слишком подавлен, чтобы размышлять об этом.

Все это время мать убитого мальчика сидела на диване в гостиной. Сидела, глядя в одну точку, в своем лучшем шелковом платье, которое надела к приходу гостей, и обнимала себя за полные предплечья, словно ей было холодно. Она не сказала ни слова с тех пор, как последняя гостья – старая миссис Гибсон из соседнего дома, которая вполне предсказуемо ушла позже всех – наконец-то сообразила, что пора и честь знать.

Набралась впечатлений, теперь можно идти домой, сказала Арлин Питерсон мужу, закрыв переднюю дверь на замок и тяжело привалившись к ней.

Арлин Келли была тоненькой, как тростинка, и невероятно красивой в облаке белых кружев, когда предшественник отца Брикстона обвенчал ее с Фредом в церкви Святого Антония. После рождения Олли она осталась такой же красивой и стройной, но это было семнадцать лет назад. А когда родился Фрэнк, она как-то резко начала полнеть и теперь находилась на грани ожирения... хотя Фред по-прежнему считал ее очень красивой, и ему не хватило духу передать ей слова доктора Коннолли, сказанные на последней диспансеризации: *С вашим железным здоровьем, Фред, вы запросто проживете еще лет пятьдесят, если не станете падать с крыши или выскакивать на дорогу перед мчащимся грузовиком, но у вашей жены диабет второго типа, и ей нужно сбросить как минимум полсотни фунтов, чтобы оставаться более-менее здоровой. Вы должны ей помочь. В конце концов, у вас обоих есть ради чего жить.*

Но теперь, когда они потеряли Фрэнки, который не просто умер, а был убит, почти все, ради чего они жили, вдруг оказалось таким несущественным и даже глупым. Единственным, что осталось по-настоящему важным, был их старший сын Олли, и даже в своем неизбывном горе Фред понимал, что им с Арлин надо будет особенно бережно относиться к нему в ближайшие недели и месяцы. Олли тоже скорбел. Сегодня он взял на себя свою долю (и даже больше) уборки после печального ритуала в память о безвременно ушедшем Франклине Викторе Питерсоне, но завтра ему пора начинать вновь становиться мальчишкой. Это случится не сразу, но когда-нибудь он станет прежним. И они с Арлин должны ему в этом помочь.

В следующий раз, когда увижу носки Олли под журнальным столиком, я возрадоюсь всей душой, пообещал себе Фред. *И я прерву это жуткое, неестественное молчание, как только придумаю, что сказать.*

Но ничего подходящего в голову не приходило. Когда Олли зашел в кабинет, волоча за собой пылесос – вяло и безучастно, словно спал на ходу, – Фред подумал (не подозревая о том, как сильно ошибается), что хуже уже точно не будет.

Стоя в дверях кабинета, он наблюдал, как Олли пылесосит ковер все с той же необъяснимой сноровкой, которой никто бы в нем не заподозрил. Крошки от крекеров и сладкого печенья исчезали бесследно, будто их и не было вовсе, и Фред наконец-то нашел, что сказать:

– А я тогда займусь гостиной.

– Да мне не трудно, – ответил Олли. Его глаза были красными и припухшими. При довольно значительной разнице в возрасте – семь лет – Олли и Фрэнки были на удивление близки. Хотя, может быть, ничего удивительного в этом не было. Может быть, именно благодаря этой разнице между братьями не возникло соперничества, и Олли стал для Фрэнки кем-то вроде второго отца.

– Я знаю, – сказал Фред. – Но мы разделим работу поровну.

– Хорошо. Только не говори мне, что так хотел бы Фрэнки. Иначе мне придется тебя задушить шлангом от пылесоса.

Фред улыбнулся. Может быть, это была не первая его улыбка после того, как в прошлый вторник в их дверь постучал полисмен, но, наверное, первая искренняя.

– Договорились.

Олли закончил с ковром в кабинете и передал пылесос отцу. Когда Фред включил пылесос в гостиной, Арлин поднялась с дивана и, ни на кого не глядя, ушла в кухню. Фред с Олли переглянулись. Олли пожал плечами. Фред тоже пожал плечами и продолжил уборку. Люди пришли поддержать Питерсонов в их горе, и Фред был искренне им благодарен, но, боже правый, какой же они оставили бардак! Он утешал себя мыслью, что было бы намного хуже, если бы здесь проходили ирландские поминки, но Фред бросил пить после рождения Олли, и с тех пор у них дома вообще не держали спиртного.

Из кухни донесся неожиданный звук: смех.

Фред с Олли снова уставились друг на друга. Олли бросился в кухню, где смех его матери – поначалу вполне естественный и нормальный – уже перешел в истерический хохот. Фред быстро выключил пылесос и поспешил следом за сыном.

Арлин Питерсон стояла, прислонившись к кухонной раковине, и рыдала от смеха, держась за свой необъятный живот. Ее лицо было красным, как при очень высокой температуре. По щекам текли слезы.

– Мама? – встревоженно спросил Олли. – Что с тобой?

Хотя Фред и Олли более-менее привели в порядок гостиную и кабинет, здесь, на кухне, работы еще оставался непочатый край. Разделочные столы по обеим сторонам раковины и обеденный стол в угловой нише были заставлены недоеденными запеканками и пирогами, пластиковыми контейнерами с салатами и остатками самых разных кушаний, завернутых в алюминиевую фольгу. На плите стояло блюдо с частично съеденной курицей и большой соусник с засохшей подливой, похожей на бурую грязь.

– Жратвы нам хватит на месяц! – выдавила Арлин сквозь смех. Она согнулась пополам, захлебываясь от хохота, потом резко выпрямилась. Ее щеки стали почти фиолетовыми. Яркорыжие волосы, унаследованные старшим сыном, стоявшим сейчас перед ней, и младшим, который лежал в земле, выбились из-под заколок и разметались вокруг ее побагровевшего лица кудрявой короной. – Плохие новости: Фрэнки мертв! Хорошие новости: мне теперь не придется ходить в магазин *еще... очень... долго!*

Она взвыла от смеха. Этот звук был бы уместен в психушке, а не у них на кухне. Фред понимал, что надо как-то ее успокоить, подойти и обнять, однако ноги не слушались. Они словно приросли к полу. Первым с места сдвинулся Олли. Но не успел он приблизиться к матери, как она запустила в него недоеденной курицей. Олли пригнулся. Курица пролетела через всю кухню, роняя кусочки начинки, и ударилась в стену с противным влажным хрустом. На стене под часами осталось большое жирное пятно.

– Мама, не надо. Хватит.

Олли попытался обнять ее за плечи, но она вырвалась, метнулась к разделочному столу, по-прежнему завывая от смеха, схватила двумя руками тарелку с лазаньей – принесенную кем-то из почитательниц отца Брикстона – и вывалила ее содержимое себе на голову. Холодные макароны запутались у нее в волосах и рассыпались по плечам. Саму тарелку Арлин зашвырнула в гостиную.

– *Фрэнки мертв, а у нас тут гребаный итальянский буфет!*

Фред все же заставил себя шагнуть к жене, но она увернулась и от него тоже. Она смеялась, как разгоряченная, перевозбужденная девчонка, играющая в салки. Она схватила пластиковый контейнер с маршмэллоу. Начала поднимать, но уронила его себе под ноги. Смех

резко оборвался. Арлин схватилась за левую грудь, одной рукой приподняв ее снизу, а второй прижав сверху. Растерянно посмотрела на мужа широко распахнутыми, полными слез глазами.

Эти глаза, подумал Фред. Я когда-то влюбился в эти глаза.

– Мама? Мама, что с тобой?

– Ничего, – сказала она и добавила после секундной паузы: – Кажется, что-то с сердцем. – Она наклонилась, глядя на курицу и маршмэллоу под ногами. С ее волос посыпались макароны. – Смотрите, что я наделала.

Арлин резко вдохнула, судорожно хватая ртом воздух. Фред попытался ее подхватить, но она была слишком тяжелой, и он ее не удержал. Еще до того, как Арлин осела на пол, ее щеки побелели.

Олли закричал и упал рядом с ней на колени.

– Мама! Мама! *Мама!* – Он испуганно обернулся к отцу. – Кажется, она не дышит!

Фред оттолкнул сына:

– Звони в «Скорую».

Больше не глядя на Олли, Фред положил руку на шею жены и попытался нащупать пульс. Пульс был, но сбивчивый, нехороший: *тук-тук, туктуктук, тук-туктук*. Фред оседлал Арлин, обхватил правой рукой свое левое запястье и принялся ритмично давить ей на грудь. Он не знал, правильно делает или нет. Так ли делают непрямой массаж сердца? Он совершенно в этом не разбирался, но когда Арлин открыла глаза, его собственное сердце подпрыгнуло к горлу и бешено заколотилось. Арлин очнулась, и теперь все будет хорошо.

Это не сердечный приступ. Она просто перевозбудилась. И потеряла сознание. Кажется, это называется истерический обморок. Но мы посадим тебя на диету, моя дорогая, и на день рождения я тебе подарю специальный браслет для подсчета...

– Я намусорила, – прошептала Арлин. – Извини.

– Не разговаривай, береги силы.

Олли уже звонил в «Скорую», с телефона на кухне. Он говорил быстро и громко, почти кричал. Диктовал адрес. Просил поторопиться.

– Вам придется опять убираться в гостиную, – сказала Арлин. – Прости меня, Фред. Мне очень жаль.

Но прежде чем Фред успел повторить, что ей не надо сейчас разговаривать, а надо просто лежать, пока она не почувствует себя лучше, Арлин сделала еще один шумный, судорожный вдох, а на выдохе вдруг обмякла. Ее глаза закатились, показались налитые кровью белки, превратившие ее лицо в застывшую маску смерти из фильма ужасов. Фред потом будет пытаться забыть это жуткое зрелище, но тщетно.

– Папа? Они уже едут. С ней все в порядке?

Фред не ответил. Он продолжал свою бестолковую реанимацию, горько жалея о том, что так и не выбрал время пойти на курсы оказания первой помощи. В его жизни вдруг оказалось так много всего, о чем он жалел. Сейчас он отдал бы свою бессмертную душу за возможность вернуться в прошлое. Всего на одну паршивую неделю.

Нажать, отпустить. Нажать, отпустить.

Все будет хорошо, мысленно говорил он жене. *С тобой все будет хорошо. Не может быть, чтобы твоими последними словами стало «Мне очень жаль».* Я этого не допущу.

Нажать, отпустить. Нажать, отпустить.

5

Марси Мейтленд с радостью согласилась взять Грейс в постель, едва та спросила, можно ли ей сегодня спать с матерью, но когда Марси предложила Саре присоединиться к ним, старшая дочь покачала головой.

– Ладно, – сказала Марси. – Но если вдруг передумаешь, приходи.

Прошел час, потом второй. Самая страшная в жизни Марси суббота перетекла в самое страшное воскресенье. Она размышляла о Терри, который сейчас должен был лежать рядом и крепко спать (может быть, ему снился бы предстоящий финал чемпионата Городской молодежной лиги; после победы над «Медведями» у «Драконов» были хорошие шансы взять кубок). Но Терри в тюрьме. Наверное, тоже не спит? Да, конечно, не спит.

Она знала, что предстоит трудное время, но Хоуи им поможет. Хоуи восстановит справедливость. Терри однажды сказал ей, что старина Хоуи Голд – лучший адвокат защиты на всем юго-западе и когда-нибудь ему точно предложат должность в Верховном суде штата. С учетом железного алиби Терри Хоуи просто не может не выиграть дело. Но каждый раз, когда Марси пыталась утешить себя этой мыслью и даже почти засыпала, она вспоминала Ральфа Андерсона, этого подлеца и Иуду, которого считала другом, и вся сонливость сходила на нет. Когда все закончится, они подадут в суд на полицию Флинт-Сити за неправомерный арест, незаконное заключение под стражу, очернение репутации и унижение человеческого достоинства – Хоуи подскажет, за что еще, – и когда Хоуи начнет свою массированную атаку, Марси позаботится о том, чтобы Ральф Андерсон оказался в зоне обстрела. Можно ли подать иск лично против него? Засудить его так, чтобы он лишился работы и всего, что имеет? Она очень надеялась, что да. Она очень надеялась, что им удастся пустить Ральфа по миру, и его женушку тоже, и их сыночка, с которым столько возился Терри, – чтобы они побирались на улицах с миской для подаяний. Конечно, в нынешние прогрессивные и вроде как просвещенные времена что-то подобное вряд ли возможно, но Марси нравилось представлять, как эти трое, облаченные в завшивленное рваньё, нищенствуют на улицах Флинт-Сити, и эта картина, опять же, никак не давала заснуть, отзываясь в сознании яростью и злорадством.

Часы на прикроватном столике показывали четверть третьего, когда в дверях появилась ее старшая дочь в огромной футболке «Оки-Сити тандер», из-под которой четко виднелись ее ноги.

– Мам? Ты спишь?

– Нет, не сплю.

– Можно к тебе?

Марси откинула легкое одеяло и подвинулась. Сара прилегла рядом и, когда Марси ее обняла и поцеловала в макушку, горько расплакалась.

– Тише, не плачь. А то разбудишь сестренку.

– Я не могу не плакать. Я все думаю о тех наручниках. Извини.

– Тогда плачь тихонько.

Марси обнимала дочь, пока та не затихла. Минут через пять она решила, что Сара уснула, и сама попыталась заснуть. Теперь, когда обе дочери были рядом, может быть, у нее получится хоть немного поспать. Но потом Сара перевернулась на другой бок, лицом к маме. Ее мокрые глаза блестели в темноте.

– Его ведь не посадят в тюрьму?

– Конечно, нет, – ответила Марси. – Он не сделал ничего плохого.

– Но невиновных людей *тоже* сажают в тюрьму. Иногда они сидят в тюрьме много лет, пока кто-нибудь не докажет, что они ни в чем не виноваты. И они выходят на волю уже совсем *старыми*.

– С твоим папой такого не произойдет. Он был в Кэп-Сити, когда случилось... то, за что его арестовали.

– Я знаю, за что его арестовали, – сказала Сара, вытирая глаза. – Я не *глупая*.

– Конечно, нет, солнышко.

Сара беспокойно заворочалась.

– Наверное, у них были причины.

– Может быть, они думают, что у них есть причины. Но они ошибаются. Мистер Голд им все объяснит, и папу отпустят.

– Хорошо. – Долгая пауза. – Но я не хочу ходить в летний лагерь, пока все не закончится. И Грейси тоже не надо туда ходить.

– Вас никто не заставляет ходить в лагерь. Пока побудете дома, а осенью, когда начнется учебный год, все это станет лишь воспоминанием.

– Плохим воспоминанием, – сказала Сара и шмыгнула носом.

– Да, согласна. А теперь давай спать.

Сара заснула. Марси, согретая присутствием обеих дочерей, тоже заснула, но ей снились плохие сны. В этих снах Терри опять и опять уводили те двое полицейских, и Байбир Пател беззвучно плакал, а Гэвин Фрик стоял потрясенный и не верил в происходящее.

6

До полуночи в окружной тюрьме было шумно, как в зоопарке во время кормежки: пьяные горланили песни, пьяные горько рыдали, пьяные стояли у решеток и громко переговаривались друг с другом. Кажется, где-то завязалась драка, хотя Терри не понимал, как такое может быть: все камеры были одиночными. Разве что драчуны лупили друг друга через решетку. Где-то в дальнем конце коридора какой-то мужик во весь голос выкрикивал первую фразу шестнадцатого стиха третьей главы Евангелия от Иоанна:

– Ибо так возлюбил Бог мир! Ибо так возлюбил Бог мир! Ибо так возлюбил Бог НАШ ГРЕБАННЫЙ МИР!

Пахло мочой, говном, каким-то едким дезинфицирующим средством и макаронами с жирным соусом, которые, видимо, были на ужин.

Я впервые в жизни попал в тюрьму, изумлялся Терри. Прожил на свете сорок лет и угодил в тюрьму, в тюрягу, за решетку, в каменный мешок. Подумать только.

Ему хотелось испытать злость и гнев, *праведный* гнев, и, наверное, завтра гнев все-таки грянет – завтра, когда взойдет солнце и пошатнувшийся мир снова встанет на место, – но сейчас, в три часа ночи с субботы на воскресенье, когда пьяные вопли и песни сменились храпом, пердежом и редкими стонами, Терри чувствовал только стыд. Как будто он *и вправду* сделал что-то плохое. Вот только если бы он действительно сделал то, в чем его обвиняли, он бы не чувствовал никакого стыда. Будь он чудовищем или больным извращенцем, способным сотворить с ребенком такую мерзость, он бы чувствовал только отчаяние зверя, попавшегося в капкан и готового сказать и сделать все, что угодно, лишь бы вырваться на свободу. Или нет? Откуда ему знать, что мог бы думать и чувствовать такой человек? С тем же успехом можно пытаться понять, что творится в голове космического пришельца.

Он не сомневался, что Хоуи Голд его вытащит. Даже теперь, в самый темный, в самый глухой ночной час, все еще пребывая в растерянности после того, как его жизнь изменилась за считанные минуты, он в этом не сомневался. Но он понимал, что ему никогда не отмыться до конца. Его отпустят с извинениями – если не завтра, то на суде в понедельник, если не на суде, то на следующем этапе, видимо, это будет слушание Большого жюри в Кэп-Сити, – но он знал, что увидит в глазах своих учеников, когда в следующий раз войдет в класс, и, вероятно, на его карьере детского спортивного тренера можно будет поставить крест. Руководящие органы наверняка отыщут какой-нибудь благовидный предлог, чтобы снять его с должности, если он не уйдет сам. Потому что после таких обвинений ему уже никогда не быть полностью невиновным в глазах соседей в Вест-Сайде, в глазах всего города. Для всех он останется человеком, которого арестовали за убийство Фрэнка Питерсона. Человеком, за чьей спиной люди будут шептаться: *Нет дыма без огня.*

Будь он один, он бы как-нибудь справился. Что он всегда говорит своим мальчишкам, когда те возмущаются, что судья не прав? *Успокойлись, собрались и играем. Играем дальше.* Но дело в том, что не ему одному надо собраться и играть дальше. Клеймо останется и на Марси. Косые взгляды и шепоток за спиной на работе и в бакалейной лавке. Подруги, которые вдруг перестанут звонить. За исключением, может быть, Джейми Мэттингли, но у него были сомнения даже насчет нее.

И у него есть две дочери. Сара и Грейс станут либо изгоями, либо мишенями для злых изощренных насмешек, на которые способны только дети их возраста. Он надеялся, что Марси хватит ума держать девчонок поближе к себе, пока не закончится этот кошмар – пусть лишь для того, чтобы не подпускать к ним репортеров, – но даже осенью, после того, как его оправдают, на них все равно останется черная метка. *Видите этих девчонок? Их папу арестовали за то, что он убил мальчика и засунул ему в задницу палку.*

Он лежал на своей койке. Смотрел в темноту. Вдыхал тюремную вонь. Размышлял: *Нам придется уехать. Может быть, в Талсу. Может быть, в Кэн-Сити. А может, и вовсе в Техас. Наверняка мне удастся устроиться на работу, пусть и не тренером по бейсболу, футболу или баскетболу. У меня хорошие рекомендации. Меня не могут не взять на работу, хотя бы опасаясь иска о дискриминации.*

Вот только арест – и причина ареста – будут следовать за ними повсюду, как шлейф густой вони. Особенно это коснется его дочерей. Хватит и одного «Фейсбука», чтобы их отследить и навсегда заклеить позором. *Отцу этих девчонок сошло с рук убийство.*

Он понимал, что не надо об этом думать. Сейчас надо отставить все мрачные мысли и попытаться хотя бы немного поспать. И ему не должно быть стыдно за себя лишь потому, что кто-то другой – Ральф Андерсон, если точнее – совершил ужасную ошибку. Посреди ночи подобные вещи всегда представляются хуже, чем есть. Вот о чем следует помнить. К тому же в его нынешнем положении – он сидит в камере окружной тюрьмы, обряженный в мешковатую арестантскую робу с надписью УИН⁴ на спине, – его страхи неминуемо разрастутся до размеров колесной платформы на уличных шествиях. Утром все будет казаться не таким мрачным. Он был в этом уверен.

Да.

Но ему все равно было стыдно.

Терри спрятал лицо в ладонях.

7

Хоуи Голд проснулся в половине седьмого. Не потому, что у него были какие-то дела в это воскресное утро, и не потому, что ему нравилось рано вставать. Как у многих мужчин после шестидесяти, его предстательная железа увеличилась вместе с пенсионным счетом, а мочевого пузырь, кажется, дал усадку вместе с либидо. Он бы, может, поспал и подольше, но стоило только открыть глаза, как его мозг рванул с места в карьер, и заснуть снова не получилось бы при всем желании.

Стараясь не потревожить Элейн, которая еще спала и видела сны – будем надеяться, что хорошие, – он тихонько поднялся с кровати и прошлепал босиком в кухню, чтобы сварить себе кофе и проверить сообщения на мобильном. Вчера перед тем, как лечь спать, он оставил телефон на кухонном столе, предварительно отключив звук. Ночью, в 01:12, пришло сообщение от Алека Пелли.

Хоуи как раз уселся за стол с чашкой кофе и миской хлопьев с изюмом, когда в кухню, зевая, вошла Элейн.

⁴ Управление исполнения наказаний. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

– Доброе утро, милый. Все хорошо?
– Время покажет. А пока ждем... Хочешь, сделаю тебе яичницу?
– Он предлагает мне завтрак. – Элейн налила себе кофе. – Поскольку сегодня не мой день рождения и не День святого Валентина, это кажется подозрительным.

– Мне нужно как-то убить время. Пришло сообщение от Алека, но он просит звонить не раньше семи.

– Хорошие новости или плохие?
– Не знаю. Так ты будешь яичницу?
– Да. Из двух яиц. Только глазунью, а не болтунью.
– Ты же знаешь, что я всегда разбиваю желтки.
– Поскольку я буду сидеть и смотреть, то, так и быть, воздержусь от критических замечаний. И еще я бы не отказалась от тоста.

Как ни странно, но разбился только один желток. Хоуи поставил тарелку на стол, и Элейн сказала:

– Если этого мальчика убил Терри Мейтленд, значит, мир сошел с ума.
– Мир *давно* сошел с ума, – ответил Хоуи. – Но Терри его не убивал. У Терри есть алиби, крепкое, как буква «С» на груди Супермена.

– Тогда почему его арестовали?
– Потому что они уверены, что у них есть доказательства, крепкие, как буква «С» на груди Супермена.

Она на секунду задумалась.

– Необоримая сила встретила недвижимый объект?
– Ни того ни другого не существует, дорогая.

Хоуи посмотрел на часы. Без пяти семь. Наверное, уже можно звонить. Он набрал мобильный номер Алека.

Алек ответил после третьего гудка.

– Ты слишком рано, а я сейчас бреюсь. Можешь перезвонить через пять минут? Иными словами, ровно в семь, как я и просил.

– Нет, – сказал Хоуи. – Но я подожду, когда ты сотрешь пену с лица. Со стороны того уха, у которого держишь телефон. Как тебе такой вариант?

– Ты суровый начальник, – заметил Алек, но добродушно, несмотря на ранний час и на то обстоятельство, что его отрывают от дела, которым большинство мужчин предпочитают заниматься в тишине и спокойствии, наедине с собственными мыслями. Что дало Хоуи надежду. У него уже был неплохой материал для работы, но дополнительное подспорье никогда не помешает.

– Хорошие новости или плохие?

– Дай мне пару секунд, ладно? У меня весь телефон в этой дряни.

Алек провозился чуть дольше, секунд пять-шесть, но ожидание окупилось с лихвой.

– Новости хорошие, шеф. Для нас – хорошие, для прокурора – плохие. Очень плохие.

– Ты просмотрел видеозаписи из отеля? Много ли там кадров и со скольких камер?

– Записи я просмотрел, кадров много. – Алек выдержал паузу, и Хоуи понял, что тот улыбается. Это чувствовалось по голосу. – Но есть кое-что получше. И *намного*.

8

Джанет Андерсон проснулась в четверть седьмого и обнаружила, что муж уже встал. В кухне пахло свежим кофе, но Ральфа там не было. Дженни выглянула в окно и увидела, что он сидит за столиком для пикников на заднем дворе – по-прежнему в своей полосатой пижаме – и пьет кофе из большой синей кружки, которую подарил ему Дерек на прошлый День отца.

На боку кружки было написано: «У ВАС ЕСТЬ ПРАВО ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ, ПОКА Я ПЬЮ КОФЕ». Дженни налила кофе себе, вышла во двор к мужу и поцеловала его в щеку. Днем наверняка будет жарко, но сейчас, ранним утром, на улице было прохладно, свежо и приятно.

– Все размышляешь об этом деле? Оно никак тебя не отпускает?

– Оно еще долго нас не отпустит, – сказал Ральф. – Всех, кто им занимался.

– Сегодня воскресенье, – заметила Дженни. – День отдыха. И тебе нужно как следует отдохнуть. Мне не нравится, как ты выглядишь. Если верить статье, которую я прочла на прошлой неделе в «Нью-Йорк таймс», в разделе «Здоровье», ты – кандидат на сердечный приступ.

– Умеешь ты подбодрить человека.

Она вздохнула.

– Чем займешься в первую очередь?

– Свяжусь с той учительницей, Деборой Грант. Просто для галочки. Я уверен, она подтвердит, что Терри был с ними в Кэп-Сити. Хотя не исключено, что она заметила что-то странное. Что-то, чего не заметили Раундхилл и Квэйд. Женщины более наблюдательны.

Дженни сочла эту идею сомнительной, может быть, даже сексистской, но сейчас было не время спорить. Она решила вернуть разговор к вчерашней теме.

– Терри был *здесь*. Он *совершил* преступление. Но все равно надо проверить Кэп-Сити. Нужны какие-то вещественные доказательства. Как я понимаю, образцов ДНК вы уже не найдете. Но отпечатки пальцев?

– Можно попробовать снять отпечатки в номере, где останавливались Мейтленд и Квэйд. Но они уехали в среду утром. После них в номере была уборка, и туда въехал кто-то другой. Возможно, не один раз.

– Однако проверить все-таки не помешает. Бывают добросовестные горничные, но большинство просто перестилает постели, быстренько протирают журнальный столик и называют это уборкой. Что, если вы обнаружите отпечатки мистера Квэйда, но ни одного отпечатка Терри Мейтленда?

Ральфу понравилось, как загорелись ее глаза – вспыхнули азартом начинающего детектива, – и ему было жаль, что придется его приглушить.

– Это ничего не докажет. Хоуи Голд заявит в суде, что *отсутствие* отпечатков не является доказательством вины, и будет прав.

Она обдумала его слова.

– Ладно, но мне все равно кажется, что надо проверить номер в отеле и собрать все отпечатки, какие есть. Ты можешь это устроить?

– Да. И это хорошая мысль. – По крайней мере еще одна галочка. – Я выясню, в каком номере они останавливались, и если он сейчас занят, попытаюсь уговорить администрацию «Шератона» переселить тех постояльцев в какой-нибудь другой номер. Думаю, они пойдут нам навстречу и не станут мешать следствию. Мы снимем все отпечатки, какие найдем. Но больше всего меня интересует запись с камер видеонаблюдения в дни конференции. Детектив Сабло – он возглавляет расследование от полиции штата – вернется в город только сегодня вечером, так что, наверное, мне придется поехать туда самому. Человек Голда и так уже опередил нас на много часов, но тут ничего не поделаешь.

Она взяла его за руку.

– Только пообещай мне, что хоть на минутку сможешь забыть о делах и насладиться сегодняшним днем. Это единственный день, который есть у тебя сегодня.

Он улыбнулся и легонько сжал ее руку.

– Я все думаю об этих автомобилях, которыми Мейтленд пользовался во вторник. Когда похищал Питерсона и когда уезжал из города.

– Микроавтобус «эконолайн» и «субару».

– Да. С «субару» все более-менее ясно. Его угнали с муниципальной стоянки. Такие угоны – обычное дело в последнее время. Эти новые бесключевые замки зажигания – лучшие друзья угонщиков. Когда в замке нет ключа, а твои мысли заняты чем-то другим – а мысли всегда чем-то заняты, мы все вечно в делах и заботах, – легко забыть электронный брелок в машине. Особенно если слушаешь музыку в наушниках или разговариваешь по телефону. Машина, может, и пискнет, но ты все равно не услышишь. Владелица «субару» – Барбара Ниринг – оставила свой брелок в подстаканнике, а парковочный талон – на приборной доске. Она приехала в восемь утра, а когда вышла с работы в пять вечера, машину уже увели.

– А вахтер на стоянке не помнит, кто на ней уезжал?

– Конечно, нет. Это большая пятиэтажная стоянка, там постоянно кто-то приезжает, а кто-то уезжает. На выезде установлена видеокамера, но они хранят записи не больше двух суток. А вот микроавтобус...

– Что с микроавтобусом?

– Он принадлежит некоему Карлу Джеллисону, плотнику и разнорабочему из Спейтенкилла, штат Нью-Йорк. Это маленький городок между Поукипси и Нью-Палцем. У него самый обычный замок зажигания, и владелец не забывал в нем ключа. Но был запасной ключ, в магнитной коробочке под задним бампером. Кто-то нашел эту коробку и угнал микроавтобус. Билл Сэмюэлс считает, что вор приехал из штата Нью-Йорк в Кэп-Сити... или в Даброу... или даже сюда, во Флинт-Сити... и бросил микроавтобус с ключом в замке. Терри его обнаружил, снова угнал и где-то спрятал. Может, в каком-то сарае за городом. Видит бог, у нас вокруг много заброшенных ферм. Как в две тысячи восьмом начали закрывать нефтяные вышки, так с тех пор народ и разъезжается кто куда. Потом Терри оставил микроавтобус на стоянке у «Шорти» с ключом в замке. Наверное, надеялся – и вполне обоснованно, – что его угонят по третьему разу.

– Только его не угнали, – сказала Дженни. – Вы его конфисковали. Вместе с ключом. А на ключе нашли отпечатки пальцев Терри Мейтленда.

Ральф кивнул.

– Там *везде* отпечатки. Этому микроавтобусу десять лет, и последние лет пять его точно не мыли внутри. Если вообще когда-нибудь мыли. Мы уже идентифицировали многие отпечатки: Джеллисон, его сын, жена, двое парней из его плотницкой бригады. Еще в четверг нам переслали все данные из полиции штата Нью-Йорк, благослови их Господь. От других штатов, от *большинства* штатов, мы бы ждали их до сих пор. И конечно, там есть отпечатки Терри Мейтленда и Фрэнка Питерсона. Четыре отпечатка Питерсона – на внутренней стороне пассажирской двери. Поверхность изрядно засаленная, и они четкие, как новая монетка. Вероятно, уже на стоянке у Хенли-парка Терри пытался вытащить мальчика из кабины, а тот сопротивлялся и хватался за дверь.

Дженни поморщилась.

– Есть и другие, пока не опознанные отпечатки. Мы передали их в общую базу еще в среду утром, но не факт, что удастся их идентифицировать. Видимо, какие-то отпечатки принадлежат первому вору, угнавшему микроавтобус из Спейтенкилла. А все остальные могут принадлежать кому угодно, от приятелей Джеллисона до автостопщиков, которых вор подбирал по пути. Но самые свежие – отпечатки Мейтленда и Питерсона. Первый угонщик меня не волнует, хотя *хотелось бы* знать, где он бросил микроавтобус. – Ральф помолчал и добавил: – Знаешь, все это странно.

– Странно, что Терри не стер отпечатки?

– Не только это. Зачем он вообще угнал микроавтобус и «субару»? Зачем угонять чьи-то машины, чтобы вроде как замести следы, если собираешься открыто расхаживать по всему городу? Он же совсем не скрывался.

Дженни слушала мужа с нарастающей тревогой. Будучи его женой, она не могла задать вопрос, который напрашивался сам собой: «Если ты сомневался, то зачем было арестовывать его прямо на стадионе? Зачем было так торопиться?» Да, она поддержала Ральфа и одобрила его решение, может быть, даже чуть-чуть подтолкнула к нему, но у нее не было всей информации. *Свой вклад, пусть и малый, я все же внесла*, подумала она... и снова поморщилась.

Словно прочитав ее мысли (а после четверти века совместной жизни Ральф, возможно, и вправду научился читать ее мысли), он сказал:

– Я не жалею о сделанном, если вдруг ты об этом подумала. Мы все обсудили с Биллом Сэмюэлсом. Он говорит, что не надо искать смысла в действиях Мейтленда. Потому что смысла может и *не быть*. Сэмюэлс говорит, что Терри сделал все именно так, как сделал, потому что у него сорвало крышу. Побуждение к преступлению – *потребность* в преступлении, хотя на суде я бы не стал употреблять эту формулировку – копилось в нем уже давно. Похожие случаи известны. Билл говорит, Терри планировал что-то такое и постепенно готовился, но в прошлый вторник увидел Фрэнка Питерсона на стоянке у магазина, и все его планы полетели к чертям. У него что-то замкнуло в мозгах, и доктор Джекил превратился в мистера Хайда.

– Сексуальный садист, впавший в неистовство, – пробормотала она. – Терри Мейтленд. Тренер Ти.

– Это все объясняет, – чуть ли не с вызовом произнес Ральф.

Она могла бы ответить: *Может быть, и объясняет. Но потом-то, насытившись, он должен был успокоиться. Об этом вы с Биллом не думали? Почему он все равно не стер свои отпечатки и, как ты верно заметил, открыто расхаживал по всему городу? Это действительно очень странно.*

– В микроавтобусе кое-что обнаружилось. Под водительским сиденьем, – сказал Ральф.

– Да? И что же?

– Ключок бумаги. Похоже, обрывок меню. Это может быть никак не связано с нашим делом, но мне все-таки хочется изучить его. Я уверен, его положили вместе с другими вещественными доказательствами. – Ральф вылил остатки кофе на землю и поднялся из-за стола. – Но первым делом хотелось бы просмотреть записи с камер в «Шератоне». За вторник и среду. И записи с камер того ресторана, где Терри, как он утверждает, ужинал в большой компании учителей.

– Если там будут хорошие крупные планы его лица, пришли мне скриншоты, – сказала Дженни и, увидев, как Ральф удивленно приподнял брови, добавила: – Я давно знаю Терри, и если в Кэп-Сити был кто-то другой, я это сразу пойму. – Она улыбнулась. – Женщины наблюдательнее мужчин. Ты сам так сказал.

9

Сара и Грейс Мейтленд почти не притронулись к завтраку. Хуже того, они не притащили за стол свои телефоны и мини-планшеты. Полиция не отобрала у них электронные устройства, но утром девчонки включили их на пять минут, а потом сразу выключили и оставили наверху, у себя в комнатах. Что бы они ни увидели в новостях и социальных сетях, им не хотелось читать дальше. После завтрака Марси пошла в гостиную и выглянула в окно. На улице стояла патрульная машина полиции Флинт-Сити и два фургончика местного телевидения. Марси задернула шторы. Впереди был целый день. Долгий пустой день. И она совершенно не представляла, чем его занять.

Ответ пришел со звонком Хоуи Голда. Он позвонил в четверть девятого, и его голос звучал на удивление бодро.

– После обеда поедem к Терри. Вместе. Обычно посетители допускаются только по предварительному уведомлению за двадцать четыре часа, с письменного разрешения начальника

тюрьмы, но я пробился сквозь эти бюрократические препоны. Хотя все равно получил разрешение только на бесконтактное свидание. Его держат в крыле особо строгого режима. Это значит, мы будем общаться с ним через стекло. Но все не так страшно, как показывают в кино. Ты увидишь.

– Ладно. – У Марси перехватило дыхание. – Во сколько?

– Я заеду за тобой в половине второго. Подготовь его лучший костюм и какой-нибудь темный галстук. Это для завтрашнего суда. Можешь собрать ему что-нибудь вкусное. Фрукты, орехи, конфеты. Сложи все в прозрачный пакет, поняла?

– Да. А девочки? Они тоже...

– Нет, девочки останутся дома. В окружной тюрьме детям не место. Найди кого-нибудь, кто за ними присмотрит. На случай, если репортеры совсем обнаглеют. И скажи им, что все хорошо.

Марси не знала, кого попросить посидеть с девочками. После вчерашнего ей не хотелось опять беспокоить Джейми, которая и так очень им помогла. Но у дома дежурит полиция, и если их попросить, они же сумеют сдержать репортеров? Да, наверное.

– А все хорошо? Правда?

– Думаю, да. Алек Пелли расколошматил в Кэп-Сити большую пиньяту, и все призы достались нам. Сейчас я пришлю тебе ссылку. Сама решай, показывать девочкам или нет. Но лично я показал бы.

Спустя пять минут Марси, Сара и Грейс уже сидели на диване в гостиной, глядя в мини-планшет Сары. Конечно, большой экран был бы лучше, но полиция конфисковала компьютер Терри и оба ноутбука. Впрочем, и на планшете все было видно. Вскоре все трое смеялись, кричали от радости и хлопали друг друга по ладоням.

Это не просто свет в конце тоннеля, подумала Марси. Это, черт возьми, целая радуга.

10

Тук-тук-тук.

Сначала Мерл Кессиди подумал, что этот стук ему снится. Мерлу часто снились кошмары, в которых отчим готовился задать ему взбучку. У этого лысого гада была привычка стучать по кухонному столу сначала костяшками пальцев, потом – кулаком, задавая вопросы, неизменно ведущие к новой порции традиционных вечерних побоев: *Где ты шлялся? Зачем ты носишь часы, если вечно опаздываешь на ужин? Почему матери не помогаешь? Зачем тащишь в дом столько книг, если вообще не садишься делать чертовы уроки?* Если мама пыталась протестовать, он ее не слушал. Если пыталась вмешаться, он ее грубо отталкивал. А потом этот кулак, с нарастающей силой стучавший по столу, обрушивался на Мерла.

Тук-тук-тук.

Мерл открыл глаза, чтобы вырваться из кошмарного сна, и успел подумать с горькой иронией: он в полутора тысячах миль от своего вечно сердитого отчима, как минимум в полутора тысячах миль... и все равно близко-близко. В каждом сне, каждую ночь напролет. Впрочем, с тех пор как он сбежал из дома, ему редко удавалось поспать целую ночь.

Тук-тук-тук.

Это был полицейский. Постукивал своей дубинкой. Терпеливо, беззлобно. Он махнул Мерлу свободной рукой, мол, опусти-ка стекло.

Спросонья Мерл не сразу сообразил, где находится. Потом увидел большой гипермаркет на другой стороне огромной стоянки, почти пустой в этот ранний час, и тут же все вспомнил. Эль-Пасо. Он в Эль-Пасо. В баке его теперешнего «бьюика» почти не осталось бензина, а в кошельке почти не осталось денег. Мерл заехал на стоянку у гигантского «Уолмарта», чтобы

пару часов поспать. В надежде, что утром придумает, что делать дальше. Но теперь, вероятно, никакого «дальше» уже не будет.

Тук-тук-тук.

Мерл опустил стекло.

– Доброе утро, офицер. Я поздно выехал из дома, понял, что засыпаю прямо за рулем, и заехал сюда, чтобы чуть-чуть подремать. Я думал, так можно. Но если нельзя, прошу меня извинить.

– Какой вежливый молодой человек. – Полицейский улыбнулся, и у Мерла на миг появилась надежда. Улыбка была приветливой. – Многие так делают. Хотя в основном взрослые люди, а не четырнадцатилетние пацаны.

– Мне восемнадцать, просто я мелковатый для своего возраста. – Но Мерл вдруг почувствовал невероятную усталость, никак не связанную с недосыпом, накопившимся за последние недели.

– Да-да, а меня все принимают за Тома Хэнкса. Иногда даже просят автограф. Покажите, пожалуйста, ваши права и документы на машину.

Еще одна попытка. Слабая, как последняя предсмертная конвульсия.

– Они были в куртке. А куртку украли, пока я ходил в туалет. В «Макдоналдсе».

– Ясно-ясно. А вы сами откуда?

– Из Феникса, – неуверенно пробормотал Мерл.

– Ясно-ясно, а тогда почему у вас оклахомские номера?

Мерл молчал, исчерпав все ответы.

– Выходи из машины, сынок. И хотя вид у тебя грозный, как у маленького щеночка, срущего под дождем, держи руки так, чтобы я их видел.

Мерл без особого сожаления выбрался из машины. Он неплохо поездил. На самом деле отлично поездил, если подумать. Он сбежал из дома в апреле, и за это время его могли повязать уже дюжину раз, но не повязали. Теперь все закончилось. И что с того? Куда он ехал? В общем-то никуда. Куда угодно. Лишь бы подальше от лысого гада.

– Как тебя звать, малыш?

– Мерл Кессиди. Мерл – сокращенно от Мерлина.

Немногочисленные ранние покупатели украдкой поглядывали на них и шли мимо, спеша приобщиться к круглосуточным чудесам «Уолмарта».

– Да-да, как того чародея. У тебя есть какой-нибудь документ, Мерл?

Мерл вытащил из кармана старый, потертый кошелек с замшевой прострочкой. Мамин подарок на его восьмой день рождения. Тогда они еще жили вдвоем – только мама и Мерл, – и все было очень даже неплохо. Сейчас в кошельке лежала одна бумажка в пять долларов и две по доллару. Из отделения с прозрачным окошком, где Мерл хранил несколько маминих фотографий, он достал ламинированную карточку со своим фото.

– Молодежный христианский союз Поукипзи, – задумчиво произнес полицейский. – Так ты из Нью-Йорка?

– Да, сэр.

Этого «сэра» отчим вбил в него намертво.

– Из Поукипзи?

– Нет, сэр. Не оттуда, но рядом. Есть такой маленький городок Спейтенкилл, что значит «озеро, которое брызгается». Ну, или так говорит мама.

– Да, интересно. Каждый день узнаешь что-то новое. И давно ты в бегах, Мерл?

– Уже три месяца.

– Кто учил тебя водить машину?

– Мой дядя Дэйв. На поле за городом. Я хороший водитель. И на механике, и на автомате, мне без разницы. Дядя Дэйв умер. От сердечного приступа.

Полицейский задумался, постукивая краем ламинированной карточки по ногтю большого пальца. Не *тук-тук-тук*, а *тык-тык-тык*. Мерлу он нравился, этот дяденька-полицейский. По крайней мере пока.

– Да уж, водитель ты точно хороший, раз прикатил из Нью-Йорка в эту пыльную приграничную дыру. И много машин ты угнал по дороге, Мерл?

– Три. Нет, четыре. Это четвертая. Только первая была не легковушка, а микроавтобус. Нашего соседа из дома напротив.

– Четыре, – проговорил полицейский, задумчиво глядя на стоявшего перед ним чумазого пацана. – И как же ты финансировал это сафари на юг?

– Что?

– Где ты спал? Что ты ел? Где брал деньги?

– Спал я в машинах. А деньги крал. – Мерл понурил голову. – Из сумок у тетенок. Когда получалось вытащить кошелек. Иногда они не замечали, а когда замечали... Я быстро бегаю. – Тут он расплакался. Он часто плакал на своем сафари на юг, как выразился полицейский. В основном по ночам. Но *те* слезы не приносили ему облегчения. А *эти* принесли. Мерл не знал почему, да и не хотел разбираться.

– Три месяца, четыре машины, – сказал полицейский, продолжая постукивать карточкой Мерла по ногтю большого пальца. – От чего ты бежишь, сынок?

– От моего отчима. И если вы вернете меня домой, к этому лысому гаду, я опять убегу. При первой возможности.

– Так-так, понятно. Сколько тебе лет на самом деле, Мерл?

– Двенадцать. Но в следующем месяце будет тринадцать.

– Двенадцать. Охренеть и не встать. Ты поедешь со мной, Мерл. Подумаем, что с тобой делать.

В полицейском участке на Харрисон-авеню в ожидании сотрудника социальной службы Мерлина Кессиди сфотографировали, обработали средством от вшей и взяли у него отпечатки пальцев. Отпечатки сразу же переслали в общую электронную базу. Это была обычная процедура.

11

Когда Ральф прибыл в полицейский участок Флинт-Сити, собираясь позвонить Деборе Грант, а потом взять патрульную машину и ехать в Кэп-Сити, там его ждал Билл Сэмюэлс. Вид у него был больной. Даже его хохолок как-то поник.

– Что случилось? – спросил Ральф, имея в виду: *что еще?*

– Алек Пелли прислал сообщение. Со ссылкой на сайт.

Он достал из портфеля айпад (разумеется, большой айпад профессиональной линейки), открыл сообщение и передал планшет Ральфу. Пелли написал: **Ты уверен, что будешь предъявлять обвинения Т. Мейтленду? Сначала сходи по ссылке**. Ссылка прилагалась, и Ральф ее открыл.

Она вела на сайт местного «Канала 81». «МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ВАС!» Сразу под заголовком шел блок видео. Репортажи с заседаний городского совета. Торжественное открытие отремонтированного моста. Обучающий ролик «ВАША БИБЛИОТЕКА, И КАК ЕЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ». Сюжет под названием «ПОПОЛНЕНИЕ В ЗООПАРКЕ КЭП-СИТИ». Ральф вопросительно посмотрел на Сэмюэлса.

– Прокрути ниже.

Ральф так и сделал – и обнаружил сюжет, озаглавленный «ХАРЛАН КОБЕН ВЫСТУПАЕТ НА КОНФЕРЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ИЗ ТРЕХ ШТАТОВ». Значок воспроизведения располагался поверх стоп-кадра с женщиной в больших очках, с прической, столь обильно поли-

той лаком, что, казалось, запусти ей в голову бейсбольным мячом, и мяч отскочит, не повредив череп. Женщина стояла за кафедрой. У нее за спиной виднелась эмблема отеля «Шератон». Ральф развернул видео на весь экран.

– Всем добрый день! Рада приветствовать всех собравшихся! Я Джозефин Макдермотт, нынешний президент объединения учителей английского языка из трех штатов. Мне *очень* приятно, что вы нашли время приехать на нашу ежегодную конференцию для обмена опытом и обсуждения насущных вопросов. И конечно, для дружеского общения за кружечкой пива по окончании ежедневных официальных мероприятий. – Послышались вежливые смешки. – В этом году нас особенно много, и хотя мне хотелось бы думать, что это связано с моим личным неотразимым очарованием... – снова вежливый смех, – все же, полагаю, дело в нашем потрясающем госте, который выступит перед нами сегодня...

– В одном Мейтленд не соврал, – сказал Сэмюэлс. – Тетенька явно любит поговорить. Обсудила почти все книги этого парня. Переключись на девять минут тридцать секунд. Там она закругляется.

Ральф провел пальцем по бегунку таймера в нижней части экрана. Он уже знал, что сейчас увидит. Он *не хотел* этого видеть – и в то же время хотел. Его словно заворожило.

– Леди и джентльмены, встречайте нашего гостя, *мистера Харлана Кобена!*

Из-за кулис вышел лысый джентльмен, такой высокий, что когда он нагнулся, чтобы пожать руку миссис Макдермотт, показалось, будто взрослый мужчина приветствует маленькую девочку, нарядившуюся в мамино платье. Руководство «Канала 81» сочло это событие достаточно интересным, чтобы снимать его двумя камерами, и теперь картинка переключилась на зрителей, которые приветствовали Кобена бурными аплодисментами. За ближайшим к сцене столом сидели трое мужчин и одна женщина. Ральф почувствовал, как внутри все обвалилось. Он прикоснулся к экрану, поставив ролик на паузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.